

Александр Олегов

БЕЛЫЙ КВАДРАТ

Повесть

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2023

УДК 821.161.1-3
ББК Ш6(2Р36)6-334
О-53

Олегов, А. В.

О-53 Белый квадрат : повесть / А. В. Олегов. – Екатеринбург : Изд-во
Урал. ун-та, 2023. – ISBN 978-5-7996-3613-5. – 220 с.: ил.

ISBN 978-5-7996-3613-5

Становление личности и формирование характера у подростка – процесс сложный и неоднозначный. Как воспитать из мальчика мужчину? Что нужно сделать, чтобы победить свой страх? Какую роль во всем этом играют тренеры? На примере собственной истории занятия боксом автор делится с читателем ответом на эти и другие вопросы.

Рекомендовано к прочтению всем родителям, кому выпало счастье воспитывать парней.

УДК 821.161.1-3
ББК Ш6(2Р36)6-334

ISBN 978-5-7996-3613-5

© Олегов А. В., 2023

*Моим тренерам
Городничеву Владимиру Михайловичу,
Грибняку Виталию Васильевичу
и в их лице всем тренерам бокса посвящается.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-------------------	---

Часть первая ДЕТСТВО

Переговорщик	9
Проба пера	12
Следующий раз	14
Неудачная смена	18
Первенство двора	20

Часть вторая ЮНОСТЬ

Засухин	25
Городничев	27
Школа бокса	29
Первый бой	33
Преимущество	37
Бокс, музыка, карате	41
Первенство ДЮСШ 14	44
Хотите повторить?	50
Шапка	52
Диета	54
Еще не ясно, кто победил	57
Искажение	65
Как в Киншасе	67
Лучший тренер на земле	70

Часть третья ЛОКОМОТИВ

Белоусов	76
Грибняк	82
Спартанцы	85
«Дорога»	89

Аура	96
Конфликт	97
Магнитные бури	102
Добрушин	105
Гвардейцы	114
Шлем	118
Таран Енгибаряна	124

Часть четвертая
СБОРНАЯ ОБЛАСТИ

Прописка	134
Тренировки, тренировки, тренировки	136
Досуг	140
Спарринги, или Чаще жмите руки	145
Зона России, или Чем заменить пурген	149
Душа команды	157
ЦПКиО	160
Россия	165

Часть пятая
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Нормальные пацаны	173
Побоище, Ким Ир Сен и стеклянный глаз	176
«Первым делом самолеты»	180
Год перед армией	182
Слепая ярость	186
Дивертимент	188
Эпилог	194
Боксеры ДЮСШ «Юность»	197
Боксеры ДСО «Спартак» «Малахитовый гонг»	197
Боксеры ДСО «Локомотив»	198
Сборная области, Юноши	199
Тренер и ученик	200

*Ничто на земле не проходит бесследно,
И юность ушедшая все же бессмертна...*

Н. Добронравов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Да, сильно изменился наш город за последние годы. Строительный бум последних «пятилеток» сделал свое волшебное дело и внешний вид многих районов города стал другим. Там, где еще сравнительно недавно располагался частный сектор, сегодня раскинулись торговые центры и вытянулись ввысь фешенебельные дома. Капитализм с его недремлющим оком прибрал к хозяйским рукам все сколько-нибудь значимое свободное пространство городского ландшафта. На сегодня в центре города не осталось ни одного пустыря, ни одной парковки, где бойкие предприниматели не построили бы свечки, вставки, пристрой.

Одним из немногих исключением из вышеназванного осталась лишь улица Вайнера в ее исторической части, между Малышева и Попова. Пожалуй, лишь сюда не смогли дотянуться цепкие руки девелоперов и поэтому, если кому-то хочется побывать в городе детства, то всем туда, на Вайнерский променад.

Здесь все, как всегда, чинно, благородно, по-старому. Дореволюционные купеческие особняки, в которых в советские годы располагались магазины «Букинист», «Детский мир», незабвенная «Фотография», по-прежнему стоят на своих законных местах. Напротив них еще один объект культурного наследия, но уже периода сталинского конструктивизма – жилой дом с гастрономом, стоит так же незыблемо, как и всегда. Казалось, жизнь на Вайнера замерла еще в конце 80-х, и лишь рекламные вывески на старинных фасадах, бесконечно сменяющие друг друга, не дают повода усомниться в том, что и в этой части города жизнь течет своим чередом.

Я люблю улицу Вайнера. Гуляя по ней вечерами, я часто думаю о чем-то своем, анализирую прошедший день, вспоминаю дела давно минувших дней. Привычка – большое дело. Когда

идешь старыми путями, идешь на автомате и только лишь когда утыкаешься в недавно возведенный на месте вчерашнего прохода дом, задумаешься – туда ли я иду?

Так со мной и случилось, когда, барражируя по центру города, я решил пройти через старый гастрономский двор, но вместо прохода на пересечении улиц Попова и Вайнера обнаружил очередной офисный центр.

«Нахимов», – прочитал я красивую надпись на фасаде возникшего передо мной несуразного здания.

Формами своими отдаленно напоминающий парус офисник стоял в аккурат на том самом месте, где все детство мы беспрепятственно сновали во двор школьных друзей.

«Нормальные герои всегда идут в обход!» – вспомнил я слова детской песенки и, не теряя времени понапрасну, продолжил свой путь.

Между тем мысль, как попасть в гастрономский двор, засела в моей голове, и в поиске другого пути я устремился на Банковский переулок. Отчетливо помню, что там, на Банковском, рядом со старинным зданием из красного кирпича, был еще один проход к интересующему меня месту.

Вскоре, дойдя до предполагаемого пункта назначения, я с сожалением констатировал, что и в этом месте прохода нет. Существовавший некогда пустырь теперь был занят недостроенным домом, в ограждающем заборе которого виднелась перекошенная деревянная дверь.

«Ура! – решил я про себя, – тут-то я и пройду».

Подойдя к забору, я даже не успел дернуть за ручку двери, как увидел, что большой бетонный блок с обратной стороны напрочь перегородил возможный проход во двор.

«Замуровали демоны!» – пришли на ум слова из любимой комедии.

Что ж, азарт приходит во время игры. Задача попасть во двор стала для меня приоритетной в тот вечер, и, не думая уступать, я направился дальше, следуя по Банковскому переулку в сторону улицы Малышева. Там, между домами, был большой проезд во двор, закрыть и застроить который не могли.

Несколько бодрых шагов, и я на указанном месте. На углу дома, в аккурат на входе во двор, кафе, выполненное в стиле а-ля Италия. Юная девушка, сидящая снаружи у большого витринного окна, с аппетитом уминает макароны. Довольная, она сидит под кафешным зонтом и, несмотря на начинающийся дождь, выглядит абсолютно счастливой. Что причиной тому – полная тарелка еды, стоящая перед ней, зонт, надежно прикрывающий ее от капель дождя, или бушующая в сердце любовь – мне это неизвестно, но только вид девушки, ее улыбка, рождают в моей душе доброе чувство, и сам, улыбающийся в полный рот, я следую дальше.

Двор гастронома. Добрался. Здесь почти ничего не изменилось. Лишь только железные ограды и многочисленные шлагбаумы, наставленные то тут, то там, разделили некогда большое единое пространство на множество уделов. В глубине двора взгляд выхватывает серое здание с высокими окнами.

«Школа бокса “Спартак”, “Малахитовый гонг”!» – пронеслось у меня в голове.

Не снесли, не застроили! Так же, как и сорок лет назад, стоит на том же самом месте. Фантастика!

«Неужто еще и работает?» – задался я вопросом, приближаясь к зданию школы.

Тусклый свет немногочисленных ламп освещал внутреннее пространство зала бокса. Подойдя почти вплотную к окну, я заглянул внутрь. Пожилой человек, судя по всему тренер, стоял посреди ринга и, никуда не торопясь, аккуратно сматывал канаты.

В тот момент лицо человека показалось мне знакомым. Оно напомнило мне тренера, которого я знал много лет назад.

«Неужели это он? – подумал я про себя. – Но ведь этого не может быть!» Прошло больше тридцати лет, а он практически не изменился.

В этот момент человек, мотающий канаты, как будто услышав мои мысли, оторвался от своего дела и поднял глаза. Наши взгляды встретились...

Лед памяти натужно затрещал, лопнул и поток воспоминаний унес меня на много лет назад.

Часть первая

ДЕТСТВО

Переговорщик

Какой нормальный человек любит драться в детстве? Что касается меня, то лично я таких людей не встречал. Уже сейчас, по прошествии многих лет, могу с уверенностью сказать, что драться, а точнее бить кого-то, предпочитают те дети, которые сами подверглись физическому насилию либо дома, со стороны незнакомых с педагогикой родителей, либо на улице, со стороны уже отлупленных старшаков.

Меня дома никто не бил, а потому драться я не любил. Насилие над кем бы то ни было всегда было чуждо мне, и, если можно было избежать неотвратимо надвигающуюся опасность, я всегда старался от нее уходить. Нет, конечно же, драки случались в моей жизни, и даже так получалось, что чаще всего я побеждал в них. Думаю, что секрет этих побед крылся не в какой-то особой подготовке, так как ее, подготовки, у меня в детстве и в помине не было. Главным было то, что я предпочитал вступать в бой с тем, кого считал, что могу победить.

Итак, если я видел, что шанс одолеть противника есть, то дрался, если понимал, что шансов никаких, – вел переговоры. Такая вот детская хитрость. Думаю, что в этой своей тактике мой пример не является уникальным, и такое хитроумное поведение свойственно большинству детей.

Кстати, неплохое качество – не начинать бой, когда ты не уверен, что можешь закончить его победой. Уже сегодня, чи-

тая Евангелие я вижу подтверждение правильности выбранного в детстве поведения: «или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостоять идущему на него с двадцатью тысячами» (Лк 14: 31).

Да, не дальновидно воевать, когда не имеешь решающего превосходства в силах. Хотя история знает и исключения в этом вопросе. Пример тому – Наполеон. Именно ему принадлежат слова, которые впоследствии стали часто приписывать Ленину: «Надо сначала ввязаться в драку, а там посмотрим!»

Парировать это могу одним – дак ведь это Наполеон, Ленин! Хотя и они, если честно, в стратегическом плане победителями не оказались.

Но не стоит глубоко погружаться в исторические аналогии, а потому вернемся к тому, что я помню и знаю.

Моя по-настоящему боевая жизнь началась в 11 лет. В тот летний, жаркий день, выходя с друзьями на улицу, я был уверен, что могу решить все спорные вопросы в жизни исключительно дипломатическим путем. Когда же к нам подошли ребята намного старше нас и попросили денег, я и тогда не растерялся, а полез в карман, чтобы, вывернув его, показать, что денег у меня нет и отродясь не было. Стоявший напротив меня дылда был старше минимум года на четыре. По парню было видно, что условия его жизни оставляют желать лучшего и виновными в этом своем положении он считает всех, кто младше и слабее его. В общем, только я сунул руку в карман, как в глазах у обиженного сверкнула искра пролетарской ненависти и подобный прессовому молоту удар прилетел в мой подбородок.

Сознание я не потерял, но посидеть некоторое время на земле в компании порхающих перед глазами звездочек пришлось. Это был первый настоящий нокаут в моей жизни.

Этим же летом я поехал в пионерский лагерь, где старшеотрядник с веселым, музыкальным прозвищем Баляля предложил мне схлестнуться с ним один на один. И хоть внешние габариты моего визави не вызывали у меня ужаса и удивления,

так как фигура Баляля была далеко не атлетическая, от дуэли я вынужден был отказаться.

Дело в том, что дружки моего противника, коих было немало, были ребята, как говорится, не промах. Про таких обычно говорят, что они, семеро, одного не боятся. В случае возможного поражения своего кореша «бесстрашные» легко могли превратить честную дуэль в бойню. Данное поведение банды Баляля я имел честь наблюдать всего за несколько дней до нашего с ним конфликта. Когда противник задиры стал его побеждать, кенты Баляля, подобно бандерлогам, накинулись на пионера и запинали его.

В общем, вместо драки пустился я тогда в переговоры, в ходе которых мне удалось выторговать у Балалы и компании год. Мы договорились, что поединок между нами состоится в следующем сезоне, в первую летнюю смену.

Отмазавшись таким образом от неминуемого поражения, я зажил счастливой жизнью и вспомнил про предстоящий бой только в октябре, тогда, когда, как это обычно бывает, с кем-то повздорил в школе.

До планируемой драки оставалось около девяти месяцев, и я предусмотрительно решил подготовиться к ней.

...Помню, как в раннем детстве, когда мне случалось проходить через гастрономский двор на ул. Вайнера, я любил заглядывать в окна школы бокса «Малахитовый гонг», расположенной в сером одноэтажном здании-спортзале в самом центре города.

Через запотевшие стекла я видел их, маленьких гладиаторов, которые, разбившись на пары, прыгали вперед назад и разили друг друга быстрыми и непонятными, как мне тогда казалось, ударами.

Подобно сельди в бочке, зал кишел пацанами, добровольно принимавшими на себя град ударов соперника и такой же град ударов низвергающих...

«Вот! Это как раз то, что мне и нужно!» – вспомнив картину из прошлого, решил я для себя и попросил маму записать меня в бокс.

ПРОБА ПЕРА

Мама ничего про «Малахитовый гонг» не знала и на свой выбор записала меня на «Юность».

И вот наступил долгожданный день первой тренировки. Какое настроение у меня было в тот день? Помнится, что мерзопакостно-волнительное. Погода была дождливая, утро раннее, и идти предстояло в неизвестность, где из всех перспектив самой ожидаемой было то, что неизвестные люди будут бить меня по лицу. Совокупность всех этих факторов рождала в голове тысячу причин, по которым первую тренировку непременно хотелось «двинуть».

Лежа в постели и мысленно складывая все за и против, я уже был готов забыться крепким сном, когда ехидная ухмылка Баляля острым клинком вонзилась в мое самолюбие.

«Стыдно!» – подумал я, вскочил с постели и уже минут через сорок стоял перед входом в спорткомплекс «Юность».

Пройдя железные ворота спорткомбината, я направился направо, к зданию, где располагались залы бокса и спортивной гимнастики.

«Интересное сочетание! – подумал я тогда. – Бокс соседствует с гимнастикой. Это неспроста!»

Дальнейшая жизнь всякий раз подтверждала закравшуюся тогда в голову идею о соседстве этих двух, казалось бы, полярных видов спорта. Видимо, было в этом нечто сакральное, когда грация соседствует с силой. Истину эту знали функционеры советского спорта, и потому зал его величества бокса, как правило, располагали с залом королевы спорта – гимнастикой.

Войдя внутрь, я оказался в просторном холле, где сдавшие в гардероб верхнюю одежду юные спортсмены делились на два потока. Одни, поднимаясь по лестнице, вступали в гимнасти-

ческие пенаты, другие, ныряя в угловую дверь, проваливались в мир бокса.

Мир бокса, как и мир театра, начинался с вешалки. Оказавшись в раздевалке, я обратил внимание, что стена, граничившая с улицей, выложена прозрачными стеклянными блоками зеленого цвета. В то время на первых этажах многих школ одну из стен делали из таких вот кирпичей-блоков. Свет через них поступал внутрь и даже без включенного электричества такое помещение было вполне функционально.

Наличие знакомых предметов в непривычной обстановке несколько успокоило меня, и, робко озираясь на присутствующих по соседству юных спортсменов, я начал переодеваться.

Нас тогда в раздевалке было не более пяти, что совершенно не вязалось с солидным количеством шкафчиков для переодевания в самом помещении. Судя по всему, погода в тот день была не летная и подняться с постели оказалось проблемой не только для меня одного.

Между тем, быстро сменив свой нехитрый гардероб на еще более простые трусы, майку и кеды, мы друг за другом вошли в зал бокса.

Было свежо. Чувствовалось, что помещение было основательно проветрено, хоть и въевшийся во все на свете пот ощущался довольно стойко. Этот запах, в обычной жизни чужой и противный, здесь же чувствовался совершенно по-иному. Перемешанный с холодным осенним воздухом, он отдавал привкусом крови, который пугал и бодрил одновременно.

Первое, что бросилось в глаза, были мешки. Большие, черные, на железных цепях подвешенные к потолку, они медленно покачивались и скрипели. За мешками на свободном пространстве стен, в аккурат между окнами, были приделаны подушки. Не занятые снарядами стены были отданы одна – шведской стенке, другая – зеркалу, которое занимало всю площадь, от пола до середины стены. В углу стояла скамья со стойками для штанги, на которой аккуратно были сложены множество грифов, в деревянных ячейках лежали гантели разного веса, калибра и цвета. Но самым интересным из увиденного мной, конечно, был ринг.

Большой, величественный, как артистическая сцена, возвышающийся над полом, белыми канатами, подобно разбросанным рукам, и такими же, как на мешках, цепями на растяжках.

– Здравствуйте, ребята! – услышал я слова, которые вернули меня в реальность. – Давайте знакомиться, я ваш тренер, Засухин Алексей Федосеевич.

Перед нами стоял невысокого роста взрослый человек, который мне, двенадцатилетнему подростку, показался тогда почти дедушкой. Немногочисленные седые волосы его были в меру коротко пострижены и аккуратно зачесаны набок. Синий спортивный костюм с тонким белым кантом по бокам выдавал в тренере приверженца спортобщества «Динамо». Взгляд исподлобья, деформированный нос и слегка сутуловатая фигура не оставляли сомнений в том, что тренер наш самый что ни на есть настоящий боксерский боксер.

На первой тренировке все прошло штатно: разминка, школа, отжимания. Забегая же вперед, скажу, что это было мое первое пришествие в мир бокса. Прозанимался я тогда недолго, примерно месяц, потому что, катаясь во дворе с горки, поскользнулся, упал, сломал руку, получил гипс и забросил бокс до следующего раза, который наступил через год.

Следующий раз

Рука зажила через месяц. Еще месяц требовался для того, чтобы начать работать в парах и бить по мешку, но, как обычно бывает в таких случаях, победила лень. Я многозначительно подумал, что вся группа ушла далеко вперед и, чтобы не выглядеть отстающим, предусмотрительно решил пропустить этот год.

«В следующем году вернусь и начну все сначала, с равными себе!» – решил я. Между тем понимание того, что текущий год терять нельзя и нужно готовиться самостоятельно, сидело во мне. Благо старший брат, который к этому времени женился и жил отдельно от нас, на некоторое время вернулся домой и занялся моим воспитанием.

Наш отец умер, когда мне было шесть лет. И как-то сразу так получилось, что брат, старше меня на пять лет, стал моим наставником. На кого еще можно равняться маленькому мальчику в отсутствии отца, как не на старшего брата?

Но воспитательные способности 11-летнего подростка далеки от совершенства, и потому брату моему в течение следующих пяти лет было не до меня. Интерес же его к педагогике проснулся, когда ему было шестнадцать, а мне, соответственно, одиннадцать.

Повторюсь, брат на время вернулся к нам, и мы снова стали жить под одной крышей. Известно, что совместное проживание ведет к совместному времяпрепровождению. А как провести время, когда вы вчетвером живете в однокомнатной квартире, а на улице зима?

Ну, конечно же, играя в настольные игры. Мы начали с щелчков. Щелчки, или «Чапаев», любимая игра нашего детства. В те времена в каждом доме было много разных игр, главными из которых были шашки и шахматы. Но в шахматы я играть не умел, в шашки постоянно выигрывал брат, уголки казались муторным занятием. Оставались щелчки.

И вот тут, в щелчках, я был король.

Брат это понимал, и ему было интересно сражаться со мной. Будучи к тому времени хорошим карточным игроком, играть без интереса он не любил. Со мной же, кроме как на щелбаны, играть было не на что. Мои щелбаны были слабы, его – достаточно чувствительны. И хоть проигрывал я редко, те пилюли, которые отсыпал брат, очень скоро у меня вызвали разочарование в настольных играх, я стал увиливать от них и искать повод уклониться. Осознав, что все последующие вечера обещают быть томными и скучными, брат предложил мне играть на отжимания.

Отжиматься я не умел, и потому мы начали с одного раза. Проиграв партию, я должен был отжаться один раз. От себя же на кон брат ставил десять отжиманий. Один против десяти – выглядело вполне, и мы продолжили наши спортивно-игровые вечера. Вскоре я освоил самое боксерское из всех упражнений

на свете, и, видя, что дело пошло, брат предложил поднять ставки. Тогда же было предложено к щелчкам, где я был особенно хорош, добавить игру в шашки, а еще через какое-то время – и в шахматы.

Мне кажется, именно в ту зиму жизнь приобрела для меня совершенно новый смысл. Я с нетерпением ждал каждого вечера, когда пришедший с работы брат сможет сесть напротив меня и мы снова начнем нашу игру. Играли много, часа по три. Побеждали по-разному, в шахматах был силен брат, в шашках ничья, в щелчках же королем был я.

Вместе с тренировкой мышления росла на глазах и наша спортивная форма. Бывало за один вечер мы отжимались по несколько сот раз. Понимая, что организм должен развиваться равномерно, брат предложил добавить к отжиманиям приседания и качания пресса. Все вечера мы играли и занимались спортом. Движения и эмоций было так много, что мы даже не замечали, что находимся в маленькой однокомнатной хрущевке, где, помимо нас, занимались своими делами мама и бабушка. Воистину, не важно, где ты живешь, важно с кем.

Помимо улучшения физической формы, вечера наши оказали благотворное влияние и на разум. Я стал учиться лучше, привычные тройки сменились четверками и пятерками.

К весне, когда стало немного теплее, брат предложил мне начать бегать. Расположенный в самом центре Свердловска периметр домов нашего двора составлял дистанцию 700 м. Выходя после игр на улицу, брат засекал секундомер и запускал меня бежать вокруг двора по освещенным фонарями улицам.

– Наш двор состоит из семи домов, – наставлял меня брат, – один дом ты пробегаешь спокойно, один ускоряешься и так далее, весь двор.

Для более удобного бега брат подарил мне свои старые полусапожки. На молнии, со скошенным каблуком, это чудо армянского производства никоим образом нельзя было причислить хоть к сколько-нибудь спортивной обуви. Но так как других ботинок, которые можно было добывать, у меня не было, я с радостью бежал в том, что мне дали.

Заканчивалась же наша вечерняя пробежка вокруг двора всегда одним. Зайдя в родной подъезд, брат давал мне фору, сначала в два, а затем в один лестничный пролет и командовал:

– На старт! Внимание! Марш! – и мы бежали на шестой этаж наперегонки, с целью первым дотронуться до двери нашей квартиры.

Долгое время побеждал брат, а когда впервые он не смог догнать меня, то торжественно заявил:

– А вот теперя мы с тобой будем боксу учиться!

Сам брат ранее тоже занимался боксом, но было это недолго. Проведший несколько боев, он все их выиграл ввиду явного преимущества, отправив своих соперников в нокдаун в первом же раунде. Дальнейший процесс тренировок стал ему не интересен. От природы обладающий хорошими правым прямым и левым боковым, он решил, что этого ему более чем достаточно и переключился на другие, отличные от бокса дела.

Меня же, чтоб не испортить технику, он премудрости ударов не учил, уделив особое внимание физподготовке.

Братом были подарены мне эластичный резиновый бинт и килограммовые гантели (до сих пор дома). На входе в туалет с помощью двух больших гвоздей и старой ключки сколочен турник, змеей извиваясь на котором я учился подтягиваться.

Каждый мой день начинался с того, что, вскочив с постели, я отжимался, приседал и качал пресс. Затем, направившись к туалетной комнате, продевал резиновый бинт через ручку, становился к ней спиной, наматывал концы бинта на кулаки и быстро-быстро бил прямые удары от подбородка. Усилия требовались, чтобы вытолкнуть руки вперед, назад же они летели сами, ускоряемые силой сокращающейся резины. После наступала очередь турника с подтягиванием. Начиная в декабре с нескольких раз, к маю я дошел до 50 повторений в каждом упражнении. Подтягивался я не более десяти раз, но и это было для меня огромным достижением.

Вскоре наступило лето, и мы с друзьями традиционно поехали в пионерский лагерь.

НЕУДАЧНАЯ СМЕНА

В пионерский лагерь «Соколенок» мы ездили часто. Мы жили в одном дворе, и родители многих из нас работали на одном предприятии, объединении-тресте «Уралсантехмонтаж». Каждый год, начиная с девяти лет, мы с нетерпением ждали июнь месяц, и в составе от пяти до десяти человек (разных возрастов) с радостью уезжали на первую смену в расположенный в районе Староуткинска пионерский лагерь. Там без родительского надзора мы жили веселой детской жизнью, полной подростковой любви, приключений и игр.

Так было в течение многих лет. Ко времени же описываемых событий, когда мне исполнилось тринадцать лет, наше лагерное приключение обещало быть самым интересным и незабываемым. Сегодня, спустя сорок лет, с уверенностью могу подтвердить, что последний фактор – незабываемость – исполнился в точности.

Итак, начну по порядку. Сначала все было хорошо. Друзья, любовь, игры, где наш отряд непременно побеждал, – все шло по плану. На лагерной спартакиаде я, усердно приседающий в течение полугода дома, смог установить рекорд, пробежав 60 метров за 7,8 секунды. Лента победителя и звание чемпиона лагеря по бегу сулила мне большие перспективы.

Может быть, именно этот фактор и стал решающим в том, что один наш соотрядник стал проявлять излишний интерес к моей персоне. То ли внешность ему моя не понравилась, то ли завидовал он мне, что я выиграл, а скорее всего, и то, и другое.

Была в нашем отряде группа ребят из Первоуральска. И за лидера у них был некий Джоник. Обычный подросток, который ничем особо не выделялся среди нас, своих сверстников, за исключением одного. В самом старшем отряде наслаждался

летним отдыхом его брат, парень, который был старше нас года на три.

Валера, так звали брата, был здоров и противен одновременно. Крепыш, каких нынче и не встретишь, обладал недюжинным здоровьем, противной внешностью и гадким характером. Казалось, вся цель его пребывания в лагере сводилась к тому, чтобы подраться. А так как, повторяюсь, физические кондиции его были более чем впечатляющие, соперника ему найти было крайне непросто. Но если же, на счастье последнего, соперник возникал, бил его Валера сильно, больно и совершенно без жалости. Возможно, парень знал, что он неприятен окружающим, и потому старался компенсировать свои недостатки, причиняя боль другим.

Джоник знал увлечения своего брата и в полной мере ими пользовался. Младшой целый день ходил по лагерю и выделывался. Когда же возникал конфликт, всегда появлялся Валера и нещадно бил братового обидчика.

В общем, Джоник невзлюбил меня и стал докапываться. Я же, как мне казалось, будучи неплохим переговорщиком, как мог уклонялся от возможного конфликта с задирой. Вскоре выяснилось, что хитрость моя совершенно бессильна по сравнению с его наглостью. Произошел конфликт, где Джоник ударил меня, а я, памятуя о страшном его брате, испугался ответить.

Излагая сегодня эти строки, мне отрадно, что не осталось в душе моей ни злости, ни гнева. Тогда же, в лагере, меня здорово зацепило. Жажда мести переполняла сознание, отмщение будоражило кровь.

Но вступить в открытый конфликт с братьями я, по правде сказать, боялся, поэтому, как сказал классик, решил пойти другим путем. Я сделал рогатку.

Расстрел из рогатки подлого Джоника и его старшего брата Валеры ждал подходящего случая, когда внезапный шмон пионервожатого, кстати, фаната Валеры, выявил под моим матрасом прекрасно сделанную рогатку.

– Ах ты гад! – возопил Джоник, – все понятно! Ты это специально рогатку сделал, чтобы нас с братом расстрелять!

Я был в шоке. И поразило меня не то, что рогатку нашли, а то, что телепат Джоник в точности угадал мои мысли.

Мне казалось, что после этого семья злодеев забудет меня до смерти. Но, к моему великому удивлению, бить меня они больше не стали, хоть в дальнейшем и докапывались до меня постоянно.

Через несколько дней, на выходные, мама приехала проведать меня, и я попросил ее забрать меня домой.

Вот так совершенно не героически закончился мой летний отдых, а вместе с ним и последнее для меня лето детства.

Первенство двора

Вернувшись домой из лагеря, я с нетерпением стал ждать сентября, месяца, когда начнется учебный сезон и можно будет пойти в «Юность», продолжить заниматься боксом. Оставшуюся же часть лета, чтобы не терять времени даром, мы придумали проводить боксерские поединки между собой во дворе. Благо мама товарища купила нам две пары боксерских перчаток, потому экипировка у нас была.

Роль ринга отводилась дворовой сцене, расположенной в центре агитплощадки. Приподнятое над землей, со стоящими рядом зрительскими скамейками, это было именно то место, где можно было почувствовать себя в центре внимания, так сказать, на высоте.

Дрались все со всеми или, точнее сказать, те, кто хотел. Поединки проводились по правилам бокса, как мы их себе тогда представляли. Лариска, одна из немногих девчонок в нашей компании, взяла на себя роль рефери. Судила она честно, хоть и по-женски предвзято. Когда того из ребят, кто ей нравился, противник начинал забивать, она давала команду «Стоп» чуть раньше обычного. Не спеша возобновлять бой, Лариска тем самым давала возможность «своим» прийти в себя, отдышаться, очухаться. Боевая по своей натуре, она очень скоро стала тяготиться ролью судьи и тогда, выбрав среди ребят подходящего

ей по весу, вызвала избранника на поединок. Бой был недолгим. Лариска быстро отметелила парня, после чего продолжила судить наши бои с должным судье терпением.

Дворовые по-разному относились к нашему увлечению. Женщины делились на две категории. Одни кричали: «Что вы делаете?! Вы же покалечите друг друга!» Другие практично заявляли: «Нормально! Пусть лучше друг друга бьют, чем скамейки ломают». Мужики были едины. Заполняя зрительские места напротив сцены, они одобрительно гудели: «Молодцы пацаны! Это же спорт! Все по правилам!»

Вскоре поединки наши вышли на финишную прямую. Победители первых пар встретились между собой, а затем победители победителей вышли в финал. Мне предстоял бой со Жмуриком.

Жмурик, он же Игорь Б., переехал в наш двор незадолго до описываемых событий из Симферополя. Пересказывая одноклассникам эпизод из нового фильма, погибающих персонажей он непременно именовал чуждым в то время для нас словом «жмурик». На вопрос товарищей: «Что за жмурик такой?» Игорь объяснил: «Когда человек погибает, он закрывает глаза, то есть как бы зажмуривается. Вот поэтому всех убитых на Украине и зовут жмурики».

Объяснение Игоря друзей удовлетворило, и больше вопросов относительно этимологии слова ему не задавали. Между тем побочный эффект в виде одноименного прозвища закрепился за ним навсегда.

Жмурик любил приврать и похвастаться, а потому, несмотря на то, что он прожил в нашем дворе целый год, по-настоящему своим так и не стал. Но все ж формально он был жителем двора, а потому имел законное полное право участвовать в местном чемпионате.

Старше меня на год, Игорь был хорошо развит. Секрет этого крылся в том, что, живя в Крыму, он несколько лет усердно занимался дзюдо. Результатом этих занятий стали хорошая дыхалка, стойкие ноги, крепкие руки и сильный удар. Вот этим то ударом на пути к дворовому финалу он и уложил большинство своих соперников в первом, редко – во втором раунде.

Игорь-Жмурик был готовым нокаутером.

Мои же победы на пути к финалу были намного скромнее. Побеждал я обычно по очкам, хоть и явное преимущество иногда случалось.

Итак, финальный бой. Зрительские места заполнены до отказа. Старики, местные жители и даже ребята из соседних дворов пришли лицезреть бескомпромиссный бой между дзюдоистом-нокаутером и мной.

Помню, как, стоя в импровизированном углу ринга, я смотрел на своего соперника, а тот, соответственно, смотрел на меня. Психологическое преимущество было на его стороне. Я как мог пытался подавить внутреннее волнение, Жмурик же был невозмутим и спокоен, как танк.

В мыслях у меня пронеслись лица моих предыдущих обидчиков. Сначала возникла физиономия Джоника, но она быстро рассеялась. Я понял, что Джоник и Жмурик по калибру были не сопоставимы. Если уж на кого и был похож мой соперник, то на Валеру, брата Джоника!

«Точно! Передо мной Валера, монстр из лагеря!» – решил я про себя.

Так по крайней мере я представлял себе, мысленно настраиваясь на самый главный бой в моей жизни.

– Боксеры, приготовились! – раздалась команда рефери Лариски. – Бокс!

Мы сошлись на середине сцены, и началось. Раунды были короткими, всего по минуте, и поэтому, не откладывая решения вопроса в долгий ящик, я начал молотить Жмурика так, как если бы передо мной были оба лагерных брата Валера и Джоник вместе взятые.

Соперник мой предусмотрительно выставил руки вперед и терпеливо стал ждать, когда я выдохнусь. Получая град моих ударов по блоку, он почти не отвечал. Полагаясь на свой коронный правый, он ждал того момента, когда я устану, опущу руки, и вот тогда он шабаркнет меня со всей дури.

Время шло, я из последних сил молотил куда попало, но между тем не останавливался и рук не опускал. Со стороны могло

показаться, что я начинаю одолевать, так как бил только я, а соперник исключительно защищался. Публика неистовствовала. Жмурика не любили, а потому симпатии были на моей стороне. Всем очень хотелось, чтобы победа была за мной, притом непременно досрочно.

Понимал это и Жмурик, а потому, чтобы утомонить и толпу, и меня в конце первого раунда, как косой, рубанул правым боковым. По счастливому стечению обстоятельств, я в этот момент сделал шаг назад, и кулак Жмурика, как секира, со свистом, пролетел перед моим носом.

– Стоп! – скомандовала Лариска, – первый раунд окончен.

Мы разошлись, отдохнули минуту и после очередной команды «Бокс!» снова сошлись в центре сцены.

Второй раунд стал точной копией первого. Откуда взялись у меня силы, я и предположить не мог, но только молотил я своего соперника так, что глухая защита, в которую тот ушел в самом начале, уже не помогала ему. На этот раз мои удары обходили блок соперника и достигали его головы сбоку и снизу, так что к концу раунда лицо его выглядело припухшим. На ставший уже традиционным в конце раунда правый боковой соперника я ответил разрывом дистанции и серией с обеих рук в голову. Жмурик закрылся и встретил гонг в глухой защите.

В перерывах между вторым и третьим раундами ситуация выглядела уже другой. Я, стоя в своем углу, смотрел на соперника уверенно и смело, он же, с багровым лицом, выглядел довольно растерянно. Парень понимал, что до окончательного поражения в поединке его отделяет одна минута.

На третий раунд я побежал, как на парад. Зрители ревели от восторга и радости. Проигравшие доселе Жмурику ребята предвкушали отмщение.

Понимал это и соперник. В третьем раунде он стал чаще выходить из традиционной глухой защиты и бить боковые удары больше обычного. Но это меня уже не беспокоило. Нашедший противоядие против коварных боковых, я всякий раз разрывал дистанцию и контратаковал. Минута боя пролетела быстро. Рефери скомандовала «Стоп!», бой закончился. Я опустил руки

и уже готов был вскинуть их вверх, взмывая в радостном прыжке, как вдруг почувствовал, что лицо мое столкнулось с электричкой.

Не желающий мириться с поражением, Жмурик исхитрился-таки и уже после гонга что было мочи засадил свой коронный правый боковой в незащищенную мной челюсть.

Удар был настолько силен, что, мне кажется, я чудом остался на ногах. Зубы были сжаты, а капы, само собой, не было. Нижняя челюсть поехала назад, и след от этого движения остался на зубах до сих пор.

Ребята бросились к Жмурику, чтобы наказать его за подлость.

– Я машинально! – тут же заблажил сообразительный парень.

– Извини! – почти слезно обращаясь ко мне, прогнусавил он.

– Стойте! – крикнул я друзьям. – Он не виноват.

Победу отдали мне, но радости она почему-то не вызвала. Может быть, это было потому, что кисть левой руки онемела на время, а вместо четкости очертания предметов до конца дня я видел только круги.

Часть вторая

ЮНОСТЬ

Засухин

Второе пришествие в мир бокса состоялось в первые дни сентября 1983 года. Непросто идти одному туда, где пахнет кровью и потом. В компании такие походы всегда веселее. Собираясь вновь пойти в бокс, я позвал с собой товарища.

Вадик Куликов жил в нашем дворе и был моим другом. Вместе мы ездили в пионерский лагерь, вместе играли во дворе и, если возникал вопрос, в какой команде ему быть, друг мой всегда выбирал меня. И в этот раз, когда я позвал его, он согласился, не думая: «В бокс? С тобой? Конечно, пойду!»

Теплым сентябрьским утром мы встретились во дворе и пешком отправились на тренировку.

На этот раз боксерская раздевалка кишела народом. Сорок подростков разного веса и роста, быстро переодевшись, буквально вломились в зал, где нас уже ожидаемо встретил Засухин Алексей Федосеевич.

– А вот ты у меня уже был, – узнав меня, произнес тренер. – Почему перестал ходить?

– Руку сломал, – честно ответил я.

– Понятно, – понимающе кивнул Засухин и начал тренировку.

На этот раз традиционная разминка напоминала собой га-лопом несущийся по американским прериям табун диких мустангов. Сорок пар молодых, сильных ног основательно сотрясали добротный деревянный пол, который дрожал и скрипел, и только команда жожака-тренера, бежавшего впереди всех, заставила нас перейти на шаг.

В 1983 году Алексею Федосеевичу было 47 лет. Далеко не молодой человек, он с легкостью выполнял все элементы разминки, демонстрируя нам правильность того или иного упражнения или приема.

Помимо хорошей физической формы, Засухин обладал недюжинными педагогическими способностями и мог построить тренировочный процесс так, чтобы, помимо силы и ловкости, воспитать в боксере порядочность и благородство. Уделяя особое внимание общению с юными спортсменами, он строил свои повествования так, чтобы смысл их был понятен всем.

Слова, сказанные тренером сорок лет назад, я помню также хорошо, как если бы услышал их вчера:

– Ребята, бокс придумали англичане. Это нация джентльменов, и поэтому мы, боксеры, по поведению своему должны соответствовать этому определению, – как-то после возвращения с уличной тренировки из парка Зеленая Роща, рассказывал нам Алексей Федосеевич. – Основные правила джентльменов: лежачего не бить, победив соперника, не добивайте его, к девочкам относитесь с должным уважением, ну и главное, боксер должен выглядеть всегда идеально. Выходя на бой, трусы и майка не должны быть засаленными и пропахнувшими потом. Всегда все чистое, отглаженное. И внешний вид: волосы пострижены и расчесаны, как если вдруг вас будут фотографировать для какой-нибудь газеты.

– Вот посмотрите на меня, – продолжил тренер, – хоть у меня волос уже и мало осталось, но я всегда пострижен и причесан. С этими словами тренер достал из кармана пластмассовую расческу, основательно дунул на нее и зачесал на бок то небольшое, что имел.

Мне кажется, лично я стал пользоваться расческой именно после той лекции Засухина.

Еще помню, как меня впечатлило умение тренера бить тяжелым молотом по огромной тракторной крышке. Демонстрируя нам стандартный боксерский навык, не обладающий богатырскими данными Алексей Федосеевич, легко, как будто это был простой молоток, подхватил с пола здоровенную кувалду и начал молотить ею по огромной шине. Размахиваясь поочередно то с одного плеча, то с другого, он подседал под каждым своим ударом, вкладывая в него при этом имеющиеся в организме вес и силу. Выглядело все это захватывающе. Тяжелая

покрышка, как заводная, скакала под неослабевающим градом ударов далеко не молодого человека.

– Вот примерно так и надо делать! – закончив упражнение, проговорил Алексей Федосеевич и тут же, достав из кармана вездесущую расческу, двумя быстрыми движениями забросил волосы на бок.

Тренер нам очень нравился. За те недолгие полтора месяца, что он тренировал нас, мы по-настоящему смогли привязаться к нему. Поэтому, когда, придя на очередную тренировку нам объявили, что с этого дня у нас будет другой тренер, расстроились не на шутку. Помню даже мелькнула мысль закончить занятия боксом из солидарности к старому тренеру. Юношеский протестантизм – вещь эмоциональная, внезапно возникнув на одном настроении, она тут же уходит при другом.

Настроение сменилось, когда нам представили нового тренера.

– Знакомьтесь! – произнес руководящий чиновник спорт-комплекса «Юность». – Ваш новый тренер.

Городничев

Сорок пар юных глаз сверлили взглядом молодого, среднего роста человека, в дорогом, красного цвета, импортном, спортивном костюме.

«А костюмчик-то японский!» – глядя на три белых круга на каждом рукаве, подумал я.

В нашем дворе жила семья фарцовщиков, и подобные вещи я периодически встречал в их разнообразном гардеробе.

– Давайте знакомиться, ребята! – прервав мои мысли, тихо и спокойно произнес представленный. – Я буду вашим новым тренером. Зовут меня Городничев Владимир Михайлович. Если есть вопросы, задавайте.

– А звание у вас какое? – выкрикнул кто-то из строя.

– Мастер спорта, – спокойно ответил человек.

– А мастер спорта какой, заслуженный или международного класса? – уточнил кто-то из знатоков.

– Нет, не международный и не заслуженный, – также спокойно продолжил новенький, – обычный мастер спорта СССР.

– А что выиграли? – не унимались пацаны. – За что мастера дали?

– Я много чего мастерского выиграл, – ответил Городничев, – но звание мастера спорта получил за финал Спартакиады РСФСР.

– Ого! – оценили понимающие.

– А на Союзе выступали? – последовал следующий вопрос.

Выступление на чемпионате Советского Союза уже само по себе было достаточно весомым достижением. Отбор, который проводился на Союз, был более чем серьезный. Чтобы получить право выступать на Союзе, нужно было выиграть республиканский чемпионат. Для нас это было РСФСР, для других – Казахстан, Латвия и прочие из оставшихся республик СССР. Москва и Ленинград как города столичного значения также приравнивались к республиканскому масштабу. Чемпионы этих соревнований автоматически получали звание мастера спорта и допускались к участию в чемпионате Советского Союза.

– Да, – спокойно ответил новоиспеченный тренер, – как финалист России я участвовал в чемпионате СССР.

– Выиграли? – Зря в корень, спросил кто-то из ребят.

– Нет. Проиграл в первом бою, – ответил Городничев.

– Понятно... – потеряв интерес, протянули пацаны.

– А как проиграли? – не унимались интересанты.

– Попал на казаха в первом бою... – начал свой рассказ Городничев.

– А! На казаха?! Тогда понятно... – раздался гул разочарования.

– Ничего непонятно, – парировал Городничев и продолжил, – попал на казаха, и в третьем раунде бой остановили. Из-за рассечения брови у меня и невозможности продолжать бой победу отдали моему сопернику.

– Больно? – спросил кто-то из пацанов.

– Нет, не больно, – ответил Городничев. – Обидно. Когда проверили судейские записки, оказалось, что к моменту остановки боя я в них вел.

– Да уж... – прозвучали слова сочувствия.

– А кто в вашем весе тогда чемпионом стал? – поспешил узнать самый дотошный из нас.

– Казах и стал, – улыбнувшись, ответил Городничев.

Четыре десятка пацанов, стоящих в начале тренировки в одну шеренгу, теперь, к концу рассказа тренера, плотным кольцом окружили его. Он разговаривал с нами на равных. Человек, многократно выполнявший норматив мастера спорта и лишь по досадной случайности не ставший чемпионом Советского Союза, тут же, за одну тренировку, получил прописку в наших сердцах. И как оказалось, навсегда.

Школа бокса

Не скажу, чтобы тренировочный процесс при новом тренере продолжился как-то по-другому. В целом все шло как обычно: разминка, школа, работа по заданию в парах. Все, как всегда.

Но все-таки некие элементы нововведения в его методе чувствовались. Выражалось это прежде всего в бесконечном внимании тренера к подопечным.

Не помню, чтобы Городничев когда-нибудь присел за тренировку. Бесконечно курсируя по залу, он не пропускал ни одного человека, чтобы не проверить правильность выполнения, данного тренером задания. Подходя к нам, он своими руками ставил наши руки именно на ту высоту лица, где они должны были находиться, выворачивал кулачки туда, где им следовало быть, сам показывал, как правильно бить тот или иной удар и не отходил до тех пор, пока не начиналось правильное выполнение упражнения.

Не деля учеников на способных и не очень, он правил технику и у тех ребят, по которым было видно, что бокс – это не их стихия и долго они в нашем зале не задержатся. Ему было дело до всех.

Касаемо же себя, ко всему вышесказанному хочу добавить важный аргумент, который сразу поразил меня. Городничев

был первым в моей жизни из всех тренеров, преподавателей, учителей, который с первого раза совершенно правильно произнес мою фамилию. До него все педагоги коверкали ее каждый по-своему. Владимир Михайлович же с первого раза произнес мою фамилию точно, чем вызвал несравнимый восторг в моих глазах.

– А как вы так, – тут же не преминул спросить его я, – мою фамилию правильно назвали?

– А что тут сложного? – удивился тренер, – обычная русская фамилия.

Скажу честно, мне стало приятно, и это был еще один аргумент в пользу того, что новый тренер вообще свой.

А однажды, сам начав разговор перед тренировкой, Владимир Михайлович предупредил нас, что не всегда наше состояние будет одинаково подходящим для того, чтобы работать в паре.

– Если чувствуете, что устали от вольного боя, можете подойти ко мне и попросить не ставить вас в этот день в пары. Работать на тренировке можно и на мешках, – объяснил нам тренер.

Помню в тот день вся группа, почти хором, попросила разрешения отдохнуть от спаррингов. И, к моему удивлению, Гордничев всем разрешил.

Что же касается техники бокса, которой учил нас Владимир Михайлович, то здесь разговор будет особым, и начну я его, как это ни странно, не с бокса, а с музыки.

В 83-м году одновременно с занятием боксом записался я и в дворовой вокально-инструментальный ансамбль, или ВИА, как их тогда называли. Вопрос выбора инструмента, на котором я хотел бы научиться играть, никогда передо мной не стоял. Барабаны! Вот что мне всегда нравилось!

В общем, записался я на барабанщика. Пришел на первую репетицию, но вместо того, чтобы посадить меня за ударную установку, руководитель ВИА усадил меня на обычный стул, поставил напротив такой же старый, мягкий стул, вручил мне палочки, показал ритм и сказал: «Стучи!»

Я отбил заданный ритм и понял, что никакого, ожидаемого мной эффекта не будет. Палочки тонули в мягком сиденье, а вместо звука стул выдавал исключительно пыль. Увидев сомнение на моем лице, главный поспешил развеять их, утвердительно кивнул, дескать, все правильно! Продолжай!

В течение двух месяцев два раза в неделю по часу я занимался тем, что молотил старый стул. Скажу честно, это было скучно, противно, не интересно. Но зато потом, когда руководитель решил, что я готов, и посадил меня за профессиональную барабанную установку, ритм, который я начал выбивать, был четким, правильным и приятным. Школа или постановка техники – великое дело!

Так же действовал и Городничев. Не торопясь ставить нас в пары и устраивать спарринги (тренировочные бои), Владимир Михайлович особое место уделял школе бокса, включающей в себя оттачивание техники ударов рук и движений ног.

Правильность ударов и координация их с движением ног – большая наука. Не освоишь ее и никогда не сможешь стать настоящим технарем. Можешь научиться сильно бить и, как следствие, стать нокаутером, но, если ты много часов не шлифовал эти навыки, полноценным боксером тебе не стать.

Вот мы и стояли у зеркала и били удар за ударом, удар за ударом. Левый прямой с шагом вперед, правый прямой на месте, двоекка – левый, правый.

Особое место в тренировке Городничев уделял прямым ударам по корпусу. Левый в корпус, навстречу, под левую руку противника и правый в корпус, на подсаживании, под правую руку соперника, навстречу.

Эти удары в корпус были отработаны мной в первые два месяца занятий у Городничева до такой степени и автоматизма, что и сейчас, спустя сорок лет, я с закрытыми глазами смогу выполнить их безупречно.

Да, много времени мы уделяли школе. Сначала перед зеркалом, потом стоя в парах, выполняя задание тренера. И только затем, когда Городничев понял, что мы уже что-то умеем, объявил нам вольный бой. С тех пор вольный бой, или

спарринг, стал неотъемлемой частью окончания каждой тренировки. Первый раунд левой рукой, остальные – обеими руками, вместе.

И вот тут я хочу поделиться важной психологической особенностью, с которой многие из нас столкнулись, начав работать в паре.

Особенность эта называется простым словом страх.

Работая на мешке, можно делать все что угодно, не боясь пропустить встречный удар. Мешок, как известно, сдачи не дает, и на нем можно демонстрировать все, чему тебя научили, и выглядеть это будет более чем эффектно. Но стоит только встать в пару с бойцом, обладающим сильным ударом, как вся картина боя меняется. Страх пропустить парализует сначала волю, а затем и тело спортсмена. Порой случается так, что, боясь удара, ты сам не можешь ударить.

Помню двух ребят из нашей группы. Первый был очень хорош. Работая бой с тенью у зеркала, он финтил левой рукой, как д'Артаньян рапирой, нырял, уклонялся, разрывал дистанцию и при этом осыпал воображаемого соперника градом правильных ударов. Со стороны казалось, что парень – большой мастер. Но стоило ему встать в пару с бойцом, обладающим сильным ударом, как красавец наш тут же сдувался и из боксера превращался в легкоатлета, начиная бегать от соперника по всему залу.

Другой наш коллега, тоже технарь, каких было мало, выйдя на бой, умудрился отработать три раунда так, что ни разу не ударил своего соперника. Красиво двигаясь, он увернулся почти от всех ударов, пропустив сам лишь однажды. Но и этого одного удара хватило его противнику, чтобы победить. Помню, как после боя тренер делал выволочку технарю, говоря: «Что же ты двигался и не бил? В боксе побеждает не тот, кто красиво прыгает, а тот, кто наносит удары!»

Не сумевшие преодолеть страх сильного удара ребята эти, прозанимавшись еще некоторое время, ушли из бокса навсегда.

Возвращаясь к рассказу о себе, скажу: страх пропустить был и у меня, и так же, как другим, не позволял полноценно боксировать. Все решилось так.

Тренер устроил нам спарринги. Моим соперником был высокий парень, уже примерно год занимающийся боксом. До бокса он ходил на фехтование и имел забавную особенность. Передняя нога парня стояла не параллельно задней, а была направлена носком на соперника. Так что двигался мой соперник как настоящий мушкетер из популярного в те годы сериала.

Между тем мне было не до смеха, так как парень был на голову выше и много опытнее меня. Расстреливая с дальней дистанции, можно сказать, что он делал со мной все, что хотел.

Я же, нахватав ударов, соображал, как переломить ход неудачного боя. С одной стороны, никак не получалось достать «мушкетера», с другой – надоело получать в голову. И тогда, видимо, окончательно отчаявшись, я просто пошел вперед. Есть такое упражнение на разминке, прямые удары под разноименную ногу, где, шагая левой ногой, бьешь правой рукой, и наоборот. Вот так я и пошел.

Результат был молниеносным. Не ожидавший моего рейда, соперник на долю секунды замешкался, растерялся и чуть припустил руки. И вот тут со мной впервые произошло то, что нынче ученые называют «замедление времени в критической ситуации».

В пылу атаки я почувствовал, что как будто время остановилось и все действия моего соперника стали медленными и тягучими. Я же, в отличие от него, мог думать и выбирать, что делать дальше. И я выбрал. Нанеся несколько четких ударов в голову, я понял, что именно так можно побеждать.

В свою очередь понял это и тренер, внимательно наблюдавший за нашим боем. После окончания тренировки он построил всех и объявил список тех, кто в ближайшие выходные проведет свой первый бой.

Я был в списке.

Первый бой

Соревнования – это событие, или, как сказал классик, «экзамен – всегда праздник!»

Мой первый экзамен в боксе состоялся в ДСО «Локомотив». Расположенная недалеко от железнодорожного вокзала, на улице Я. Свердлова, школа бокса железнодорожников «Локомотив» была хорошо известна в городе.

В наших дворах жили два замечательных представителя данной спортшколы – Леша Антипин и Витя Лукин. С детства я слышал легенды про этих боксеров: идет Лука по улице вечером, а правая рука у него в кармане. Шпана подошла и решила грабануть его, так он, не доставая правой руки, одной левой всех троих уложил. Про Антипу истории были еще зловещей. Поговаривали, что Леха бил так, что дом сотрясался. Из менее пафосного было то, что если уж кого Леша ударит, то человек может и имя свое забыть.

Моя же история связи с «Локомотивом» была проще. Брат мой в бытность занятия боксом ходил в эту секцию, и поэтому слово «Локомотив» лично для меня было известно с детства. Помню дома, в тумбочке брата, лежал красный билет-корочка участника ДСО «Локомотив». Открывая ее, я всегда думал, каково это – быть боксером? И вот мой первый бой, и проходит он именно в «Локомотиве».

Мы с Вадиком приехали за час до начала соревнований. Друг мой так же, как и я, хорошо показал себя в спаррингах и был отобран на бои.

Это была матчевая встреча. Представители разных школ бокса города съехались в одно место для проведения одного боя с подходящими по возрасту, весу и опыту спортсменами.

Пар было много, что-то около 40, и потому небольшой зал «Локомотива» кишмя кишел боксерским людом. Сорок пар – это 80 участников. К ним надо добавить человек 20 тренеров, выполняющих на таких соревнованиях роль судей и рефери, ну и, конечно же, многочисленных друзей участников соревнований. В общем, «Локомотив» оккупировало человек 200, не меньше. Для маленького зала, коим обладало спортобщество, это было более чем много.

Народ был везде. В самом зале, мне кажется, даже иголке некуда было упасть, настолько плотно люди стояли друг к другу.

В ожидании своего боя и боев товарищей молодые боксеры стояли в проходе, сидели на широких оконных подоконниках, висели на шведской стенке, а самые отчаянные даже лежали на той части ринга, которая подступала к стене.

Все очень напоминало фильм про Дикий Запад, где перепившие ковбои дрались друг с другом. Наши ковбои, в отличие от американских, были людьми трезвыми, и если им и предстояло драться, то это было честно, благородно, по правилам.

И первым из правил было взвешивание. Я встал на весы, они показали привычный для меня вес 57 кг. Ноль в графе «Количество боев» позволил подобрать мне такого же новичка. У парня, так же как у меня, был первый бой, он был представителем ДСО «Локомотив». Помню даже фамилию своего первого соперника – Фролов. Кто-то из доброхотов организовал нам смотрины перед боем. Пожимая руки, мы оценивающе смотрели друг на друга. Соперник был ниже меня ростом и несколько мешковат.

«Такого-то Кузьму я и так возьму!» – подумал тогда я, глядя на своего оппонента.

Что думал в этот момент соперник, утверждать не берусь, но только что-то подсказывало мне, что парень проиграл этот бой еще до его начала.

– Ты, наверно, меня сейчас уроешь? – мгновенье спустя то ли спросил, то ли утвердил он.

– Нет. Нет, не бойся, – успокоил его я, – будем работать на технику.

– Хорошо, если так, – добавил соперник. Мы пожали руки и разошлись в ожидании боя.

Волнительно ждать своей пары. Еще более волнительно смотреть чужие бои. Глядя на то, как другие боксируют, ты невольно примеряешь на себя все действия, происходящие на ринге, и от этого волнение становится в разы сильнее. Опытные бойцы даже имеют правило – не смотреть чужих боев в день своего выступления. Но все это, как и многое другое, я узнал гораздо позже, а тогда, к первому своему поединку, чужие бои я смотрел, а потому подошел с максимальным зарядом адреналина.

Кстати, наблюдая за боями, тогда я впервые увидел будущего чемпиона мира Алексея Пряничникова. Выигравшему на тот момент Россию по юношам, ему доверили судить наши бои.

Как сейчас помню, Леха сидел с той стороны ринга, которая была ближе к тренерской. Меня еще удивило, как такой молодой, а уже судья.

До меня свой бой провел Вадик Куликов. Друг мой, весивший 46 килограммов, вышел, соответственно, раньше меня. С первым ударом гонга он не стал ничего выдумывать, а просто пошел вперед с прямыми ударами под разноименную ногу. Его соперник, ошеломленный таким напором, сопротивлялся лишь первый раунд, к концу которого Вадик загнал его в угол, где окончательно забил. Рефери остановил бой и отдал победу моему другу ввиду явного преимущества.

«Выиграл бой всего за один раунд!» – подумал я, наблюдая за сражением своего друга. Состязательность присуща всем людям, а подросткам тем более. «Догоним и перегоним» заложено в нас с детства и сидит у нас глубоко в печенке.

«Ну если Вадик выиграл бой за один раунд, то я должен выиграть его еще быстрее!» – соображал я, наблюдая, как рефери поднимает руку моему другу.

О том, что я пообещал сопернику работать на технику, я уже не думал. Высокая планка была взята моим товарищем, и теперь моей задачей было преодолеть ее.

Вскоре подошел мой черед. «На ринг вызывается!» – сакраментальная фраза, предвещающая все боксерские поединки, тогда впервые прозвучала в моей жизни. И сейчас, спустя много лет, когда я пишу эти строки, она звучит для меня точно так же, как тогда, волнительно и торжественно одновременно. Поднявшись с соперником на ринг, мы вышли на центр, пожали друг другу руки и разошлись по углам. Прозвучал удар гонга, время пошло.

Подобно урагану, я выскочил из угла и, нанося удары под разноименную ногу, бегом побежал на противника. Ошеломленный таким началом, он даже не успел толком выйти из своего угла, и все оставшееся действие проходило там, где он его

и встретил. Заперев противника в углу, я начал осыпать его градом боковых и апперкотов. К чести парня, он несколько раз удачно нырнул от моих боковых, но это уже не могло изменить общую картину боя. Интенсивность ударов нарастала, и, не успев отследить их все, противник пропустил по подбородку. Нокдаун. Судья остановил бой, отсчитал до девяти и по правилам младших юношей отдал победу мне.

Первый раз в своей жизни я был полностью доволен собой. Счастливый, я спускался по ступеням Локомотивовского ринга, когда мой товарищ, Вадик, распахнув объятия, встретил меня. Настоящий друг был искренне рад моей победе. Взглядом указывая на часы на своей руке, он восторженно произнес: «Тридцать секунд! Полминуты! Молодец!»

Преимущество

После выигранного боя настроение было превосходное. Казалось, на свете нет таких преград, которые невозможно преодолеть.

Почувствовав вкус победы, теперь мы с Вадиком не просто шли на тренировку, мы, как на крыльях, летели на нее. Было ощущение, что какой-то ранее существовавший барьер был преодолен и теперь мы знаем секрет, доступный только избранным, притом избранных не так уж и много, но мы в их числе.

Барьером был страх. А секретом, преодолевающим его, – занятие боксом. Победив на первых соревнованиях, мы преодолели свой страх, и это было особенно ценно.

Изменение в нашем настроении не осталось незамеченным и для доброй части наших друзей. Дворовые и одноклассники, видя наше преображение, поспешили следом за нами записаться в бокс. Ряды боксеров росли, ходить на тренировку с компанией стало веселее.

Городничев радушно встречал всех, кто пришел вместе с нами во второй волне.

Занятия были одно интереснее другого. Тренер учил нас новым приемам, расширяя бойцовский арсенал. Мы начали отрабатывать нырки.

Уход от бокового удара с помощью нырка – прием более чем интересный. Чтобы правильно его выполнить, необходимо точно знать теорию. Ею в полной мере делился с нами Владимир Михайлович.

Выбрав наиболее способного из нас, он ставил его напротив себя и просил медленно пробить боковой удар в голову тренеру. Сам же Городничев в это время, словно в замедленном кино, выполнял нырок. Раскладывая прием по частям, он сопровождал движение корпусом многочисленными комментариями, включающими в себя все премудрости нырка:

– Когда увидели летящий вам в голову боковой, сделайте движение корпусом, как бы продолжая траекторию удара, затем подсядьте на ногах и, совершая круговое движение, поднимитесь вверх. Выныривая таким образом, вы оказываетесь рядом с незащищенной частью лица соперника, которую, в свою очередь, сами поражаете боковым.

Показав и разобрав все медленно на много раз, тренер просил оппонента пробить боковой быстро. Парень бил, Городничев мгновенно нырял и с обозначенным боковым выходил из нырка. Со стороны это выглядело до такой степени быстро, четко, эффектно и эффективно, что сразу хотелось научиться делать так же, как тренер. И мы учились.

Помню, после этого как-то в школе товарищ в шутку, играя со мной, решил поставить мне подзатыльник. Каково же было его удивление, когда, не успев еще донести свою руку до моей головы, он потерял меня из виду и только спустя долю секунды обнаружил уже стоящим у себя за спиной. Протарабанив ладошками ему по пузу, я закончил серию, отечески положив руку ему на затылок.

К слову сказать, данный эпизод был лучшим рекламным роликом, продвигающим в нашей школе бокс как искусство. Вскоре товарищ мой попросил взять его с собой на тренировку и около двух лет занимался вместе со мной.

Да, новые приемы, разученные под руководством Городничева, давали такое преимущество, что, как выразился один мой товарищ, можно было почувствовать себя выше ростом и шире в плечах.

Для меня же это преимущество выразилось в том, что гулять вечерами по темным улицам стало интереснее.

Раньше, до бокса, я боялся улицы Шейнкмана. Расположенная возле Центрального рынка и застроенная с двух сторон деревянными домами-избушками улица являлась сосредоточением деклассированного элемента, способного на насилие. (О! Неплохо сказал!)

В пятом и шестом классах в школе была обязательной отработка по ботанике и биологии. Проходила она на Станции юных натуралистов, расположенной в Зеленой Роще. Мой путь туда лежал как раз мимо рынка, по не любимой мной улице. Ребята, живущие в «деревяшках», сбиваясь в стаи, не стеснялись интересоваться наличием денег в карманах путников. Ребят было много, они были недобрыми и умели быстро бегать. Ходить на Станцию юннатов я не любил.

И вот теперь, отзанимавшись полгода боксом и почувствовав преимущество перед не занимающимися, я очень хотел проверить свои возможности в уличной ситуации. Вскоре я уже барражировал по ул. Шейнкмана в надежде встретить какого-нибудь местного аборигена. Но, как назло, аборигены не попадались.

Тогда подвернулся случай. Парень, живущий как раз на этой улице и как раз в деревянном доме, учился у нас в школе, был на год старше меня, выше ростом, и у него возникли какие-то претензии ко мне. Не помню точно, в чем была проблема, но, скажу честно, возникшему конфликту я был очень рад.

Встреча была коротка. Правый прямой в челюсть в самом начале словесной перепалки поставил жирную точку в нашем конфликте.

Но на этом история с уличным андеграундом не закончилась.

У поверженного мной парня был друг, живущий там же, в таком же деревянном доме. Этот представитель улицы деревянного зодчества был настоящим бойцом. Мама его работала на мо-

лочной кухне, и, казалось, что парень был настоящий сбитень, вскормленный на чистом сливочном масле. Он часто дрался, почти всегда побеждал, и самое главное – его все боялись. Боялся и я.

Узнав о том, что я расправился с его другом, «молочный брат» вызвал меня в школьный предбанник поговорить. Мы присели на скамейку для переобувания и стали беседовать. Он спросил меня, за что я так с его другом. Я что-то уверенно ответил. Он слушал, что я говорю, но думал совершенно о другом. Сидя рядом на скамейке, краем глаза я следил за ним. Видно было, что «молочный» выцеливает и выбирает момент, когда ему будет наиболее удобно засадить мне боковой. Я приготовился.

Не знаю, чем бы закончился этот бой, так как, говоря объективно, соперник мой был действительно хорош. Плотно сбитый, тяжелее меня по весу, он готов был не только махать кулаками, но и бороться, что удачно продемонстрировал ранее. В борьбе я был не силен.

Разрешение ситуации пришло откуда не ждали. Учитель французского влетел в безлюдный гардероб. Уже шли уроки, и преподаватель опаздывал и торопился в класс, но, увидев нашу сладкую парочку, напряженно сидящую на скамейке, остановился и, обратившись к моему оппоненту, громко и бодро произнес:

– Ты что, его ударить хочешь?! За друга решил отомстить?

– Да нет. Просто разговариваем... – ответил сбитень.

– Ага, просто! – продолжил француз, – я ведь вижу, как ты ему влупить готовишься. Я бы тебе не советовал с ним связываться. Он только что твоего дружка-бандюгу урыл и тебя сейчас уроет. Только дернись, и конец тебе.

И уже обращаясь ко мне, добавил:

– Бей их всех! Ты хорошист, а они двоечники, ты боксер, а они шпана!

Сказав все это практически на ходу, учитель тут же исчез за большой деревянной дверью, ведущей в школу.

Мы еще с минуту о чем-то поговорили с оппонентом, пожали руки и разошлись. Сатисфакция не состоялась.

Помню, как в шестом классе, в аккурат за год до описываемых событий, ребята всей параллели мерились силой, оставаясь

после уроков и проводя поединки между собой. Из-за страха я в них не участвовал. И вот теперь, спустя год, когда одиночные бои между финалистами прошлого года еще случались, я был готов принять участие в оных. Но как-то так сложилось, что меня теперь на бои уже никто не вызывал.

Бокс, музыка, карате

Заканчивался 1983 год. Жизнь шла своим чередом, я учился в седьмом классе, продолжал заниматься боксом и играл на барабанах в дворовом ВИА.

Вместе со мной в ансамбле постигал азы музыкального искусства и мой заклятый друг Игорь-Жмурик.

После того памятного боя на дворовой сцене наши спортивные пути с ним разошлись. Я пошел в бокс, Игорь же как бывший дзюдоист увлекся карате. Благо тогда, в 1983 году, этот новый для нашей страны вид спорта был легализован, и толпы поклонников восточных единоборств вступили на путь бусидо. Итак, Игорь-Жмурик стал каратистом.

Встречаясь на школьных переменах, мы часто делились основными приемами, демонстрируя друг другу свои достижения. Помню, как меня до глубины души поразила способность Игоря держать удары по корпусу. Он рассказывал, как тренер ставит их всех в ряд и что есть мочи лупит по корпусу каждого, тренируя тем самым мышцы живота.

– Вот, попробуй мне пресс пробить! – с азартом предлагал Игорь, подставляя свой живот для моего практического испытания.

Я начинал медленно и несильно молотить товарищу по брюху, он, как того требовал каратистский этикет, выдыхал воздух, напрягался и стоически терпел. Видя, что парень не сдаётся, я добавлял силу и скорость ударов. Игорь краснел, пыжился, но терпел. Тогда, войдя в раж, я начинал садить удары в полную силу. К чести Игоря, он все держал.

Не понимая, как такое возможно, я даже обратился с вопросом к тренеру.

– Владимир Михайлович, – спросил я, – как он так терпит? Почему я не могу его пробить?

– Ты просто не туда не бьешь, – как всегда спокойно, ответил Городничев.

Услышав мудрый ответ, я отчасти успокоился. Но все ж таки должен признать, Игорь-Жмурик был очень сильный парень.

Итак, не конкурируя больше на спортивных помостах, мы имели одно общее дело – музыку. Я учился играть на барабанах, Игорь же осваивал ритм-гитару.

В конце декабря руководитель ансамбля объявил нам, что нашу группу ждет первое выступление. Приурочено оно было к празднованию Нового года, роль благодарной публики должны были сыграть работники завода резинотехнических изделий, место проведения – какой-то НИИ в районе РТИ.

Большая часть группы, включая руководителя, загрузив все оборудование и музыкальные инструменты в предварительно нанятый рафик, с комфортом отбыла к месту будущего концерта. Мне же со Жмуриком места в машине не хватило, и, учитывая, что мы парни крепкие и физически развитые, руководитель отправил нас самостоятельно добираться до места на общественном транспорте.

Дождавшись трамвая, мы удобно устроились на первых сиденьях и поколесили через весь город в далекий и чужой район РТИ.

О чем говорят в дороге? Да обо всем. Вот мы и трещали наперебой, рассказывая друг другу всякую всячину. Тем временем вагон наш докатился до остановки «Автовокзал». Двери открылись, и Игорь, секунду назад тараторивший без умолку, внезапно замолчал.

– Ты чего? – поинтересовался я у товарища.

– Тихо, – почти не шевеля губами, еле слышно, процедил Игорь. – Вон того на остановке видишь?

Я посмотрел сквозь окно и увидел парня, стоящего в ожидании своего трамвая и также уставившегося на нас.

– Это кто? – вполголоса спросил я у Игоря.

– Потом расскажу, – скривив рот, пообещал он.

Трамвайные остановки – дело недолгое. «Будьте осторожны, двери закрываются!» – объявила вагоновожатая, двери, как и обещали, закрылись, и мы покатались дальше.

Первым тишину нарушил Игорь.

– Слышал что-нибудь про местных ребят Лопоря, Лупашку и Беленького? – заговорщицки спросил меня он.

– Нет, – честно ответил я.

– Опасные парни, – уведомил меня Игорь. – Если пристанут, пока все деньги не отберут, не отпустят.

– Так кто же им отдаст их, деньги-то? – удивился я.

– Этим отдашь. И не заметишь, как должен станешь и сам все отдашь, чтобы отстали, – думая о чем-то своем, произнес Игорь.

– Дак надо бить их, козлов, сразу и ни о чем не думать, – просто предложил я.

Услышав от меня слово «бить», Игорь внимательно посмотрел на меня и, видимо, не веря своим ушам, уточнил:

– Если к нам пристанут, ты готов отмахиваться?

– Конечно! – с готовностью подтвердил я.

– Ха! – улыбнулся мой спутник. – Ты не шутишь?

– Нет! – решительно ответил я. – Хочешь, давай вернемся на остановку назад и этого, кого ты увидел, прямо там, на остановке и уработаем?!

– Ха! – опять хихикнул мой товарищ. – Вижу ты и вправду не боишься. Значит, не зря ты в бокс пошел.

– Наверно, – пожав плечами, ответил я.

Трамвай пошел дальше, а мы продолжили сидеть на лучших передних местах и без умолку болтали о всяком.

Вскоре мы добрались до нужного места, где нас уже ждала вся наша группа. Я сел за ударную установку, Игорь взял в руки гитару, концерт начался.

Просто сказать, что наше первое выступление удалось, было бы мало. Руководитель наш, сам играя на гитаре, обладал прекрасным голосом. Исполняя песни популярных в те годы групп, он не просто создал новогоднее настроение работникам

завода резинотехнических изделий, он завел их всех на танцы до упаду. Начиная с первой песни «Жизнь играет с нами в прятки» и заканчивая последней «Вот, новый поворот!», весь зал сотрясался от танцевальных движений разгоряченной новогодними напитками публики.

После трех часов «половецких плясок» к нашему руководителю подошел какой-то местный директор и, душевно благодаря его за праздник, передал в зажатом кулаке гонорар. Говоря сегодняшним языком, концерт наш был обычным корпоративом, который наш талантливый фронтмен подсуетился организовать.

Меня же, как и моих друзей, деньги тогда не интересовали. Правильно отыграв свой ударный ритм, я был счастлив, что кое-чему уже научился.

Путь домой всегда быстрее пути из дома. На этот раз мы всем гуртом загрузились в рафик и отправились восвояси. Проезжая мимо «Автовокзала», мы с Игорем автоматически бросили взгляд на остановку, где давеча днем видели подозрительного парня.

– Ха! – посмотрев на меня, усмехнулся Игорь. – И все-таки не зря ты в бокс пошел!

– А ты в карате! – рассмеявшись, ответил ему я.

Первенство ДЮСШ 14

В конце декабря тренер объявил нам, что в новогодние каникулы будут крупные соревнования, открытое первенство нашей школы «Юность», или ДЮСШ 14, как ее официально называли.

Слово «открытое» означало, что участвовать будут все городские школы бокса, то есть по классификации данное соревнование могло приравняться к первенству города.

Не скажу, что мы как-то особо готовились или специально настраивались на этот турнир. Все шло как обычно, за исключением вольного боя, которого в конце тренировки стало гораздо больше.

Новый год в детстве – праздник легкий и приятный. Обычно он проходит без последствий. Нет похмелья, нет переедания. Отоспавшись до обеда, можно снова продолжить заниматься обычными делами, не боясь оказаться не в форме.

Поэтому можно сказать, что в первые дни наступившего нового 1984 года я был в отличной форме.

3 января к десяти часам утра мы с Вадиком пришли в «Юность» на взвешивание. Весы подо мной показали привычные 57 килограммов. Новогодние праздники никак не отразились на моей кондиции, я был не только в форме, но и в весе. Выступить предстояло в категории 56–58 кг.

Соревнования были между юношами 1969–1970 годов рождения. Мой год младший, а потому некоторая робость изначально была.

Несколько слов хочу сказать об участниках соревнований. Народу было море! Съехавшаяся со всех боксерских школ города молодежь оккупировала сам зал, раздевалку и холл здания, где располагалась школа бокса. Одетые преимущественно в спортивные костюмы исключительно отечественного производства ребята были повсюду.

Вскоре вывесили списки пар. Нервно пробегая глазами все фамилии, я увидел свою, остановился и стал внимательно изучать ту немногую информацию о своем сопернике, которая печаталась на листе. Не помню фамилию парня, но точно помню, что он был 1970 года рождения, представлял школу УЗТМ, количество боев было что-то около трех, побед две.

«Не страшно», – решил я для себя и пошел смотреть выступления ребят нашей команды.

Вадик Куликов, как и положено легковесу (46 кг), вышел намного раньше меня. Не изобретая ничего нового по сравнению с предыдущим боем, он так же, как в «Локомотиве», побежал вперед на соперника, нанося прямые удары под разноименную ногу. Противник не пасанул и принял бой. Началась рубка.

Рубка в боксе – опасная штука. Один случайно пропущенный удар, и бой может мгновенно остановиться. Вадик и его соперник били друг друга не останавливаясь. Сойдясь в центре

ринга в начале боя, они почти целый раунд не смогли сдвинуться с места, настолько принципиальным и равным было их противостояние. Лишь только в самом конце раунда наша взяла! Соперник, теснимый напористым Вадиком, дрогнул и начал медленно, с ударами, отходить.

Во втором раунде история повторилась в точности. В третьем Вадик дождал парня. Зажав соперника в угол, он стал наносить ему удары чаще, чем тот смог отвечать ему. В одной из таких атак Вадик зацепил подбородок соперника, парень пошатнулся и на секунду потерял ориентацию в пространстве. Внимательный рефери тут же остановил бой, отдав победу моему другу ввиду явного преимущества.

Многие из наших в тот первый день соревнований выиграли. Те же, кто проиграл свои бои, бились достойно и во многом на равных. Ребята из других боксерских школ города отметили, что что-то поменялось в стиле и в тактике представителей ДЮСШ 14. Для нас же все было понятно – Городничев за сравнительно короткий промежуток времени сумел придать боксерам «Юности» бойцовский колорит.

Что же касается меня, то первый бой на этом турнире я выиграл ввиду неявки соперника. Прождав первый раунд, когда парень поднимется на ринг, судья поднял руку мне, так как оный не появился.

Честно говоря, было несколько обидно, так как хотелось не отставать от товарищей и показать себя в полной мере. Забегая вперед, скажу, что компенсацией за все, что я не показал, был мой следующий, финальный бой.

Финалы были через день. 5 января, читая списки, я с волнением обнаружил, что моим соперником по финалу будет «спартаковец» Павел Филимонов. Представитель ДСО «Малахитовый гонг» был на год старше меня, боксом занимался дольше на год и к нашей с ним дуэли провел 15 боев, из которых в 14 победил. Счет боев и опыт соперника были более чем приличными. Общее волнение подогревало то, что я видел предварительный бой Павла, который в хорошем игровом стиле переиграл достаточно мощного парня по фамилии Береснев.

Итак, финальный бой. Начался он, как это обычно бывает, с разведки боем. Павел прощупывал меня левым прямым в голову, я, уходя с линии удара, встречал его левым прямым в корпус. Сначала все шло довольно удачно для меня, он не доставал до моей головы, я же несколько раз хорошо попал ему в корпус. В общем-то, на этом весь наш игровой бокс и закончился.

Павел пробил длинную серию, один из ударов которой достал меня. Не скажу, что пропущенный удар был сильным, но что-то щелкнуло у меня в голове, и я решил тут же поквитаться за пропущенное. Соперник уже было хотел уйти на дистанцию, когда я бросился в атаку на него, нанося град прямых ударов. Несмотря на недоумение, которое появилось на лице у Павла, он принял бой. Началась классическая рубка.

Думаю, что изменение картины боя было совершенно обоснованным для меня, потому что уже по первым секундам поединка мне стало понятно, что переиграть его у меня не получится. За исключением нескольких хороших моментов, более опытный соперник смог разгадать большинство моих намерений и начал встречать меня там, где я и не ждал.

Итак, свой шанс я увидел в ближнем бою. Кто кого перерубит! Весь остаток первого раунда я гнал Павла по рингу, нанося ему удар за ударом. Он грамотно, как того требовала спартаковская школа, отходил, сам при этом встречая меня с обеих рук. Когда мы оказывались у канатов или в углу, в ход шли боковые и апперкоты. Наверное, со стороны все это было похоже на то, как две мельницы сошлись между собой и молотят друг друга своими лопастями. Бой был равным и бескомпромиссным. Гонг об окончании первого раунда застал нас в обоюдной атаке. Мы разошлись.

Помню, как, сидя в углу, мне не очень хотелось подниматься на второй раунд. По совести сказать, такого боя у меня еще не было, и поэтому те переживания и эмоции, которые я испытал, были со мной впервые и добровольно вернуться к ним снова, во втором раунде, честно говоря, не очень хотелось.

Но бокс есть бокс. Надежды тренера, друзей и болельщиков – все это накладывает определенный и полезный отпеча-

ток в деле становления бойца, и не выйти из своего угла после удара гонга, возвещающего о начале второго раунда, ты уже не можешь.

Второй отрезок боя начался с того, что мы вместе побежали друг на друга. Как будто состязание было в том, кто первый добежит до центра ринга. Добежали мы одновременно. Дальше было полторы минуты рубки. Не уступая друг другу в желании победить, каждый из нас решал свои задачи. Я очень хотел доказать, что не хуже более опытного соперника, он – поставить зарвавшегося новичка на место, подтвердив правило, что опыт бьет задор. Со стороны раунд выглядел равным. Для меня же во втором раунде произошло два события, которые, я думаю, повлияли на результат боя.

Во-первых, где-то в середине второго раунда я пропустил хороший удар по подбородку. Уверен, что это был полноценный нокаунт, так как в голове у меня заиграла какая-то музыка, возник эпизод из детства и все мои действия для меня стали выглядеть медленными и тягучими. Эффект «замедления времени в критической ситуации» я увидел в очередной раз, но уже с другой стороны.

По всем правилам бокса рефери обязан был остановить бой, но он, судя по всему, не видел моих глаз, так как вместо того, чтобы потерять равновесие, я закопался в ближнем бою и продолжил рубиться. Помню, как в голове на смену возникшей после нокаута музыки и детского эпизода медленно пришли шум ревущей публики и ярость схватки. Стоячий нокаутовый сон закончился, и я окончательно проснулся.

Вторым событием, повлиявшим на мое состояние, стало то, что одним из своих бесчисленных ударов, Павел капитально расквасил мне нос. Кровь моментально окрасила мою белую майку, Павла, рубаху рефери и даже судейские записки. Рефери остановил бой, врач проверил меня и, видя, что никакой травмы нет, разрешил продолжать.

В дальнейшем поединок еще несколько раз останавливался, тренер подавал рефери полотенце, тот вытирал мой нос и всякий раз бой продолжался снова. Гонг об окончании второго

раунда застал нас в одном из углов, где мы продолжали беспощадную драку.

Готовясь к выходу на третий раунд, я помню, как тренер что-то мне настоятельно объяснял. Ноги были ватными, кровь текла из носа не переставая. Минута отдыха прошла мгновено-но. Рефери пригласил нас продолжить бой.

Что я тогда чувствовал? Наверно, сегодня я бы и сам попросил тренера выбросить полотенце как знак отказа от продолжения поединка. Потому что, откровенно говоря, кондиции мои были далеки от тех, с какими я начал этот бой. Но в тот момент любая сдача означала трусость, а трусости в жизни было уже достаточно, и допустить новую я не мог.

На вопрос тренера, готов ли я продолжать бой, я ответил решительным кивком головы и уже через секунду продолжил рубиться с Павлом.

Опыт – великая штука. Может быть, именно его мне тогда и не хватило. В третьем раунде я по-настоящему устал и уже не успевал за своим соперником повторять все то, что делал он. Между тем о проигрыше у меня не было и мысли. Недостаток скорости я начал компенсировать силой отдельных ударов. Получалось ли это? Думаю, что не очень. Силы мои были на исходе, и нокаутировать бодрого своего соперника я уже не мог. Между тем рубку я продолжал.

Рефери еще несколько раз останавливал бой, вытирая мой основательно расквашенный нос. Видимо, в один из таких моментов он, уставший это делать или, может быть, из сострадания ко мне, принял решение остановить бой и отдать победу моему сопернику.

До конца боя оставалось примерно полминуты. Помню, как было несоизмеримо обидно, и не потому, что я проиграл, а потому, что мне не дали довести бой до конца.

Был ли у меня шанс выиграть? Думаю, что нет. Хотя потом ребята посмотрели судейские записки: первый раунд был за мной 60:59, второй – за Павлом 59:60, третий...

А какая теперь разница, какой счет был в третьем раунде, если бой я все равно проиграл.

Хотите повторить?

Свое отношение к повторной встрече с победившим меня соперником я знал хорошо. Второй раз встречаться с ним не хотелось. А вот какие чувства испытывал он относительно нашего возможного боя – вопрос интересный...

Сразу после соревнований Городничев устроил нам разбор полетов. Всегда спокойному, ему никогда не требовалось повышать голоса, чтобы выразить свое отношение к той или иной ситуации. Мастер по боксу был мастером и по объяснению.

– Ну и что вы устроили? – обращаясь ко мне и к Вадиду, перед всем строем спросил Владимир Михайлович.

К слову сказать, друг мой свой финальный бой на «Открытом ринге» выиграл, став победителем турнира. В финале он, так же, как и всегда, шел вперед и садил удары в своего противника. После трех раундов форменной драки победу отдали ему.

– Вы все время делаете одно и то же, – продолжал тренер, – идете вперед под разноименную ногу и бьете прямые удары. Кто вам сказал, что это бокс? Это всего лишь элемент нашей разминки. Выехать на нем можно, но только если соперник недостаточно опытный. А если попадется, как тебе, – обращаясь ко мне проговорил Городничев, – то выиграть уже не получится. Надо прежде всего думать головой и работать разнообразно. Для этого мы и оттачиваем на тренировке множество ударов и комбинаций, чтобы вы могли выбрать, к кому и что применить.

В завершение ко всему вышесказанному тренер запретил нам с Вадиком работать в ближнем бою на тренировках.

– Теперь будете работать только на средней и на дальней дистанции, – подвел итог работе над ошибками Владимир Михайлович.

Указание тренера – закон. Избегая ближнего боя, мы стали больше работать на дистанции.

Прошел еще месяц, прежде чем тренер объявил нам о первенстве города. Бойцы нашего возраста собрались у нас, в «Юности», чтобы выявить победителя в своих весовых категориях.

Готовясь к выступлению, я очень не хотел попасть на своего недавнего противника Павла Филимонова. Впечатление от недавнего поединка было свежо в памяти, и что-то подсказывало мне, что к повторению я не готов.

Господь услышал мои пожелания и сделал так, что в первом бою жребий свел меня с соперником Павла по полуфиналу недавних соревнований. Боксер по фамилии Береснев представлял добровольное спортивное общество «Трудовые резервы», был на год старше меня, на столько же дольше занимался боксом, провел 15 боев, из которых в 12 победил. Чуть выше ростом, крепко сложенный боец, объективно выглядел старше и мощнее меня.

Он видел мой недавний кровавый бой с Павлом и, судя по сосредоточенному выражению лица, отнесся ко мне более чем серьезно.

Ожидая от меня рубки в ближнем бою, противник был предельно собран и при каждом моем движении вперед, разрывал дистанцию, работая на отходах. Скажу честно, идти вперед я и не думал. Выполняя задание тренера, я работал исключительно на дистанции, и в этой дисциплине по итогам двух раундов мы были с ним равны. Лишь в третьем отрезке боя весы качнулись в сторону соперника. Более опытный парень, видя, что все мои удары в корпус доходят до цели, стал чуть привставать на носках, и, как следствие, я начал мазать ниже боксерской ватерлинии.

Итог – у меня предупреждение, снятие такого важного в равном бою очка и, как следствие, очередное поражение.

Помню, как после боя я встретил в раздевалке Павла Филимонова, выходящего на ринг после нас.

– Выиграл?! – не допуская другого исхода, спросил он.

– Проиграл, – махнув рукой, ответил я.

Помню взгляд Павла, которым был встречен мой ответ. Недоумение, удивление и даже скрытая радость.

Видимо, и он очень хорошо запомнил наш недавний кровавый бой и не горел желанием повторить его снова.

Шапка

В преддверии следующей главы хочу рассказать небольшую историю, которая, думаю, как никакая другая свидетельствует об упертости юношеского характера.

Зимы раньше были холодными. Хотя, может быть, нам, нынешним, не вылезаящим из своих автомобилей, так просто кажется. Запусти нас сегодня зимой пешком пройтись по городу, и, пожалуй, замерзнем не меньше, чем в детстве.

Зима 1983–1984 годов была достаточно суровая, и потому подарку, который сделал мне брат, я был несказанно рад. Он подарил мне шапку, но не простую, а норковую. Обращу ваше внимание, что немаловажно, не формовку, а именно шапку, шапку-ушанку.

Хотя подарком это можно назвать лишь с некоторой натяжкой. У меня была копилка. А у брата по случаю подвернувшаяся шапка. Ответить на вопрос брата, сколько денег в моей копилке, я не мог, тогда брат предложил мне слепой обмен: он мне шапку, а я ему содержимое копилки, сколько бы его там ни было. Конечно, я примерно знал, какую сумму скрывает в себе мой деревянный грибок. Понимание того, что шапка стоит несоизмеримо дороже, ускорило принятие мной решения. Мы ударили по рукам.

В аккуратно вскрытой братом копилке оказалось 25 рублей, которые тут же переместились в его карман. Я же взамен получил обещанную шапку.

Шапка была всем шапкам шапка! Со складывающимися вверху ушами, с завязками из красивых коричневых ленточек, она была настоящим произведением мехового искусства, о котором не то, что я, а многие взрослые люди и мечтать не могли. Надевая ее на голову, я сразу чувствовал себя старше, опытнее, взрослее.

Тут же, предпочтя ее носимой мною до этого обычной кроличьей шапке, я, однажды надев ее, уже не снимал. Ходил я в ней везде: и в школу, и на тренировку.

Вот как-то с очередной своей тренировки я и шел домой. Идти от «Юности» до дома предстояло минут 30, и обычно

данную дистанцию я преодолевал незаметно для себя. Но в тот день, о котором я веду повествование, погода была очень холодная, температура –30, да еще и дул ледяной северный ветер.

Первые пять минут я шел как обычно, довольный и ни о чем не задумывался. Ощущение, что что-то не так, наступило, когда, минуя дворы и переулки, я вышел на широкую улицу. Поток холодного ветра ледяным языком облизал мои уши и уже не отпуская их до самого дома. Первое, что в такой ситуации нужно было сделать, это опустить у шапки уши. И вот тут-то я должен признаться в том, чего не сказал ранее.

Шапка моя была всем хороша, за исключением одной детали – она была комбинированной. Такие шапки тогда называли обманкой. То есть снаружи, как и положено, везде был мех, а под ушами, которые в сложенном состоянии завязывались наверху, коричневый, в цвет норки, материал. И так, с собранными ушами, шапка выглядела царской, с опущенными – недо-разумением.

По крайней мере, я тогда так думал. Опустить уши у шапки и тем самым спасти свои, я, конечно же, мог, но показать всем, что шапка моя неполноценная, для меня казалось позором.

Вот так я и шел домой, изо всех сил терпя ломящую уши боль от морозного ветра. Несколько раз я был близок к тому, чтобы забежать в какой-нибудь поблизости находящийся подъезд или магазин, но понимание того, что дом близко, давало мне сил и надежду потерпеть еще чуть-чуть.

Казалось бы, опусти у шапки уши и иди домой спокойно. Так нет же, гордость не позволяла мне потерять марку, показав встречным прохожим, что шапка не такая, как они о ней думают. Какие прохожие? Что думают? Сегодня это выглядит как полнейший бред. Тогда же в этом для меня был некий смысл. Прав классик, метко подметивший плату за человеческую гордость, – лопни, но держи фасон!

Все так и было. Когда я зашел домой, в тепло, мои уши чуть не лопнули от боли. Помню, как бабушка охала и ахала, увидев мои отмороженные уши. Как открыла окно, достала снег с отлива и быстро-быстро растерла их.

Касаемо же шапки, то она ушла так же, как и пришла. Носил я ее недолго. Приходя в шапке в школу, я, чтобы не украли, запихивал ее в портфель, доверху набитый учебниками. Постоянно мокрый, находящийся в заломанном состоянии мех очень скоро начал рваться и лезть. Мама бесконечно зашивала шапку, и я еще какое-то время пользовал ее, пока в один прекрасный день не поменял изрядно потрепанный предмет своей гордости на вошедший в моду «петушок».

Диета

После проигранных городских соревнований я сделал для себя интересный вывод. Соперники в моем весе достаточно сильные. А что, если попробовать и уйти на одну весовую категорию ниже?

Обычный к тому времени мой вес был 60,5 кг, и поэтому, чтобы боксировать до 60, мне было достаточно не поесть и встать на весы голодным. Обойтись с утра без завтрака – дело несложное.

Но вот чтобы опуститься в категорию ниже, нужно было сбросить 3 кг. Думаю, что для людей взрослых и полных такая разгрузка большого труда не составляет. Но для меня, 14-летнего подростка, с ростом 180 см, в котором не было ни одной капли лишнего жира, данное испытание оказалось сродни экзекуции.

На помощь пришел брат. Он принес мне какую-то переписанную от руки диету, которая так просто и называлась «За десять дней – десять килограммов».

– Диета волшебная! – сказал брат. – Выдержишь ее и победишь.

Слова брата для меня всегда много значили.

«Раз он так говорит, значит, знает», – подумал я про себя и начал знакомиться со списком.

Итак, диета. В 08.00 утра – черный кофе без молока и сахара. На мое счастье, дома оказалась банка бразильского растворимого кофе. Пить его горьким я научился именно тогда, в 14 лет. В 10.00 диета рекомендовала съесть одно вареное яйцо.

В 12.00 – 50-граммовый кусочек сыра, в 14.00 – 100 граммов вареной колбасы, в 16.00... Если честно, то сегодня я уже и не помню, что нужно было съесть в 16.00 и через каждые два последующих часа. Помню, что все заканчивалось в 20.00 стаканом кефира, который растворялся во мне, как в песке.

В общем, ознакомившись с диетой, я с энтузиазмом приступил к ее выполнению. Скажу сразу: есть хотелось всегда!

Утром, когда мама готовила вкусную яичницу. Днем в школе, когда все бежали на обед, а я вместо аппетитной сосиски с пюрешкой доставал из портфеля заранее приготовленное вареное яйцо и, подобно иллюзионисту, глотал его, почти целиком. Но самое трудное было вечером, когда, придя с тренировки, я ощущал аромат бабушкиного супа. Картошка с тушенкой так и манила: «Съешь меня, съешь!»

Строго следуя диете, я продержался три дня. Это время показалась мне самым долгим периодом в моей жизни.

По прошествии же трех дней бабушка, видя, что я в очередной раз отказываюсь от ее угощения, осторожно спросила меня: «Ты, может, на себя за что обиделся, раз не ешь ничего?»

Рассмеявшись, я попытался объяснить ей, зачем мне все это надо. Пристально посмотрев на меня, она сделала вид, что поняла.

Я же, чтоб не расстраивать ее и одновременно с этим утолить чувство голода, съел-таки тарелку супа.

В общем, в оставшиеся до соревнований дни я данной диеты на 100 % не придерживался. Между тем даже частичное воздержание, помноженное на регулярные тренировки, сделало свое дело. К ответственному взвешиванию я подошел, как и планировал. Весы показали 57,7 кг. Этого было достаточно, чтобы боксировать в категории до 58 кг.

Очередной «Открытый ринг» состоялся в «Юности» в феврале, и я был готов к нему физически, морально и самое главное, психологически.

Готовя нас к этим соревнованиям, Городничев разучил с нами классическую боксерскую двойку – левой в корпус, правой на подъеме. Учитывая тот факт, что левой в корпус мы били

уже полгода и выглядело это вполне успешно, добавление правильно поставленного правого в голову грозило превратиться в наших руках в грозное оружие.

– Когда вы увидели, что левая рука соперника пошла вам в голову, то встречаете его левым прямым в корпус. Рука выбрасывается подобно штыку и достигает живота соперника. Попали и тут же переводите правый прямой ему в голову, – объяснял Городничев тонкости приема.

Связка была зловещей. Если правильно снабдить ее финтами, раскачкой корпуса, движениями глаз, то даже опытного соперника можно обмануть и достать.

Новый удар мне очень понравился, и я усердно стал шлифовать его на каждой тренировке.

Выделяя в своем повествовании какие-то отдельные связки, приемы и удары, хочу сразу поправиться: тренер наш никогда ни на чем специально не зацикливался. Научив нас новому удару, он ставил его в регулярные отработки и шел дальше, показывая следующий и следующий прием. То, что бойцы выбирали для себя какие-то особые «коронки», на которых старались выехать, это не тренерское упущение, а наша малоопытность.

Итак, на очередной бой я выходил уверенный в себе на все сто. Вес я согнал, что само по себе уже было моральной победой. Перевод с корпуса в голову бить научился, ну и так полюбившую мне атаку под разноименную ногу у меня никто не отбирал.

Выводя меня на ринг, Городничев, как всегда, говорил одну и ту же фразу, сам демонстрируя, что нужно делать:

– Работай спокойно.левой, левой, правой.

Мы с соперником вышли на центр ринга, пожали друг другу руки, выслушали наставление рефери и разошлись по углам.

Противник мой на этот раз был на голову выше меня. Сухощавый парень, он буквально начал порхать на ринге, когда прозвучала команда рефери «Бокс!».

Не помню точно, сколько секунд первого раунда прошло, когда парень пошел на меня, атакуя левым прямым. Я увидел, что он перед атакой чуть припустил руку, открыв левую часть лица. Правый прямой навстречу вылетел машинально. Этого

было достаточно, чтобы ноги великана дрогнули, и он как подкошенный рухнул на ринг. Нокаут.

Бой закончился, не успев начаться. Городничев набросил мне на плечи полотенце и, деловито озираясь по сторонам, проводил меня до раздевалки.

Через день были финалы. Очень хорошо помню своего соперника. Боец по фамилии Пургин был на голову ниже меня, но при этом выглядел достаточно мощно физически. Коренастый, с короткими руками и развитыми бицепсами парень был создан для ближнего боя, с которым он и ринулся на меня после удара гонга.

Соперник рассчитывал, что благодаря своему росту, я буду работать с ним исключительно на дальней дистанции. И это оказалось его ошибкой. Я любил ближний бой и, с радостью приняв его, продемонстрировал парню то, чем он сам хотел меня удивить. И хоть бой на этот раз продлился все три раунда, сомнения у судей в моей победе не было. Рефери поднял мне руку, и я со второй попытки стал победителем открытого первенства родного ДЮСШ.

Что же касается диеты, то брат был прав, она действительно оказалась волшебной. Придерживаясь ее, я выиграл соревнования.

Еще не ясно, кто победил

Первенство области среди нашей возрастной группы прошло в весенние каникулы 1984 года на ринге спортшколы «Юность».

Это были эпические соревнования!

Ну, во-первых, по масштабу. Число участников было не просто большим, оно было огромным. Мне кажется, не только спорткомбинат «Юность», но и весь центр города был заполнен боксерами, приехавшими в столицу Среднего Урала со всех уголков Свердловской области. То там, то здесь встречались группы молодых людей, которых объединяло нечто общее.

Походка. Так умеют ходить только боксеры. Длина мышц ног у всех людей разная, и, соответственно, походкой люди отличаются друг от друга. Но все ж таки походка боксеров особая, пружинистая.

Нужно изо дня в день, часами, передвигаться на носочках, прыгать в челноке и одновременно с этим наносить удары руками, чтобы в твоей походке появились пружинистость и плавность одновременно.

Руки. Видели ли вы когда-нибудь кисти рук боксера в спокойном, опущенном вниз положении? Не видели? Тогда посмотрите.

Они, как правило, независимо от того, сжаты в кулаки или нет, чуть задраны вверх. То есть, когда боксер стоит с опущенными вниз руками, кисти его не строго перпендикулярны земле, а располагаются под углом примерно 70°. Ничего не поделаешь, руки – оружие боксера, и потому они всегда наготове.

Взгляд. Тут разговор вообще особый. Молодые парни, отзанимавшиеся боксом хотя бы полгода и успевшие провести несколько боев, начинают смотреть на окружающий их мир по-другому. Взгляд боксера излучает уверенность и готовность. Уверенность в себе, что он сможет постоять за себя и своих близких и готовность в любой момент начать бой.

Вот такими замечательными ребятами и был заполнен центр нашего города в марте 84-го.

Соревнования традиционно начались со взвешивания. Готовясь к нему, я снова сел на волшебную диету и с трудом, но все ж таки протиснулся в весовую категорию до 58 кг. И в этот раз сгонка веса далась мне непросто, и перед самым взвешиванием я еще около часа бегал в шерстяном, с начесом, спортивном костюме по спортзалу «Юность».

Думаю, этот эксперимент и сказался в конечном итоге на результате моего выступления в первом же бою.

Тогда же впервые начались и мои проблемы со спиной. Скользящая движения боль появилась в пояснице и не позволяла мне полноценно гнуться. Амплитуда движений была сильно ограничена. Помню, как Городничев разминал мне спину в на-

дежде, что мне станет легче. Легче не стало, и на бой я вышел сильно зажатый.

Соперником моим был очень хороший парень из Асбеста. Невысокий, много опытнее меня спортсмен провел порядка 30 боев, когда судьба выбрала ему в соперники меня. Помню, что, работая в целом на равных, мне катастрофически не хватало выносливости. Таким образом, уставая раньше обычного, я неминуемо отдавал сопернику концовку каждого раунда. Итогом стало закономерное поражение со счетом 58:60 в каждом из раундов.

Особого разочарования проигрышем у меня не было. Я понимал, что соперник хорош, и то, что я честно, выполняя задание тренера, отбоксировал все три раунда, вселяло в меня надежду на будущие победы.

Вспоминая те соревнования, хочу особое внимание уделить описанию боев своих товарищей. Так сказать, дать оценку коллегам по цеху.

Много хороших парней занималось тогда со мной в «Юности», и для многих из них эти областные соревнования стали звездным часом. Начну со своего друга.

Вадик Куликов. Товарищ мой, только что выигравший вместе со мной очередной открытый ринг, показал себя прекрасным бойцом.

На областных соревнованиях он сумел несколько разнообразить тактический рисунок боя и вместо постоянной рубки продемонстрировал работу на средней и дальней дистанции. Но все ж таки привычка – вторая натура. Тяга к драке была заложена в Вадике с детства. Начиная бой на дистанции, друг мой при первой же возможности переводил его в ближний бой, где отчаянно шел вперед и бесстрашно рубился. Выиграв два боя в таком стиле, он стал победителем областных соревнований.

Женя Савелков. Был у нас такой замечательный тяжеловес. Появившийся с нами в одно время в «Юности» химмашевский самородок очень быстро сумел раскрыть свои природные таланты.

Высокий, метр девяносто, крепко сложенный, с хорошими ногами и быстрыми руками, парень был рожден для бокса. Эти областные соревнования он выиграл, как говорится, в одну калитку, заставив задуматься тренера о перспективах дальнейших побед.

Рассказывая о ребятах, которые со мной занимались, я уже не помню всех имен и боев. По истечении сорока лет многое стерлось из памяти, многое забылось. Между тем один бой на этих соревнованиях я запомнил навсегда.

Андрей Попов. Был у нас такой легковес. Выступал он в весе до 48 кг и особых достижений до описываемых событий не снижал. Нужно сказать, что манера ведения боя у Андрея была совершенно нестандартной, так как парень боксировал практически с опущенными руками.

Выступая пару месяцев назад на городе, он в финале встретился со «спартаковцем» Мариком Ерофеевым, которому, отбоксировав три раунда, заслуженно проиграл.

И вот теперь на областных соревнованиях Андрюха свой первый бой выиграл, и мы всей командой, предвкушая реванш, пошли смотреть бой Марика с неизвестным нам боксером из далекого города Серова.

Марик Ерофеев был очень хорош. Легкий, техничный, умеющий работать на всех типах дистанции и очень скоростной. Его старший брат Костя Ерофеев к тому времени был признанным мастером спорта, и потому Марик уверенно шел за своим братом проторенным путем.

Начиная смотреть бой Марика, мы были на сто процентов уверены, что чемпион Свердловска легко одолеет чемпионка Серова. Каково же было наше удивление, когда за весь первый раунд свердловчанин не нанес ни одного удара серовчанину.

Перемещаясь по рингу, Марик занимался исключительно тем, что старался уйти от ударов и атак соперника. Тактика, которую он демонстрировал, была больше похожа на изматывание соперника бегом, чем на тот бокс, которым боксер в совершенстве владел.

– Может, что-то хитрое придумал? – предположил кто-то из нас. – Сейчас во втором раунде начнет работать.

Но вопреки нашим ожиданиям Марик так и не начал работать во втором раунде. Его не известный нам соперник уверенно гонялся за ним по всему рингу и бил там, где догонял.

Было очевидно, что Ерофеев боится своего противника и еще до поединка смирился с поражением. Лучшим исходом боя Марик выбрал проиграть по очкам, а не ввиду явного преимущества.

Для нас все стало понятно после второго раунда, когда во время отдыха бойцов, судьи объявили имя и послужной список неизвестного нам серовчанина.

– В синем углу ринга отдыхает представитель города Серов Константин Цзю. Константин занимается боксом пять лет, провел 71 бой, в 69 победил. Является победителем республиканского турнира, в городе...

Услышав счет боев, нам стало понятно, кому пытается противостоять Марик Ерофеев. 71:69 это значит, что за такое количество боев парень проиграл всего лишь дважды.

– Инопланетянин! – решили мы для себя, объяснив таким образом поведения Марика.

Ерофеев, видимо, уже неоднократно встречался с Костей и знал, на что тот способен.

Бой закончился убедительной победой Цзю.

Марик, так ни разу и не ударивший соперника, грустный ушел в раздевалку.

Итак, в финале областных соревнований должны были встретиться наш никому не известный Андрюха Попов и уже тогда оваянный чемпионской славой Костя Цзю.

Я выводил Андрюху на ринг в качестве помощника секунданта, когда, остановившись на полпути, он еле слышно сказал мне: «Я в туалет хочу ...по-большому».

Я предложил ему развязать перчатки.

– Нет, не надо. Это, видимо, медвежья болезнь, со страху, – улыбнувшись, ответил Андрюха. – Вот отбоксирую, а уже потом и схожу.

Боксеры вышли на центр ринга и пожали друг другу руки. Костя, видимо традиционно, вручил Андрюхе вымпел спортивного общества, в котором он занимался. У нас вымпелов отродясь не было, и потому наш боксер оставил Костю без подарка.

Особое внимание хочу уделить внешнему виду спортсменов. Костя Цзю был одет в белые атласные трусы с широким резиновым поясом и красную майку с гербом РСФСР. На ногах спортсмена, что особенно ценно, были боксерки Adidas из замши.

Андрюха Попов выглядел ходячей рекламой расположенного на ул. Малышева магазина «Спорттовары». Черные трусики с обычной резинкой в поясе, белая, застиранная напроочь майка и купленные там же красные кожаные боксерки.

Капы. Тренер Кости открыл красивую коробочку, достал оттуда индивидуальную капу, сполоснул ее водой из кувшина и вставил в рот бойцу.

Андрюхина капа хранилась в старой коробке из-под использованного зубного порошка. Купленная там же, в спортивном магазине, за 70 копеек капа была универсальной и подходила всем, кто готов был задуматься о сохранности своих зубов. Воды в нашем углу не оказалось, и тренер вставил капу в рот бойцу, как говорится, на сухую.

Итак, бой.

С первых секунд инициативу захватил опытный Костя. Финтя и играя, он загнал Андрюху в угол, где решил начать свою атаку с левого удара в корпус сопернику. Обычно, начиная так, Костя переводил атаку правым прямым в голову, а затем начинал пробивать одну из своих затяжных серий. С Мариком два дня назад все именно так и было.

С Андрюхой же этот номер не прошел. Как только левая рука Цзю дошла до корпуса Попова, последний неожиданно для всех, а для соперника в особенности, выстрелил резкой двойкой ему в голову. Связка из левого-правого была настолько быстрой и точной, что серовский чемпион на секунду задумался.

Чтобы прийти в себя, Костя сделал шаг назад, собрался и, как того требовали регалии и опыт, с яростной атакой на-

бросился на Андрюху. Наш не дрогнул и принял бой. Начался настоящий красивый бокс.

Бойцы осыпали друг друга боковыми и апперкотами, демонстрируя при этом нырки, уходы и подставки. Когда того требовала ситуация, они, как по команде, разрывали дистанцию, чтобы через пару секунд сблизиться вновь и начать все сначала. Так прошел первый раунд. Перерыв. Боксеры разошлись по углам.

Всегда интересно поведение бойцов в перерывах между раундами.

Костя сел на стул и, глубоко дыша, внимательно слушал наставления тренера. Цезарич, усиленно жестикулируя, показывал и объяснял, что нужно делать во втором раунде. Лицо бойца было предельно сосредоточено.

Андрюха не стал садиться. Стоя в своем углу, он раскидал руки на канаты и спокойно слушал советы Городничева. Тренер, проникшись азартом боя, громче обычного выдавал их своему подопечному.

Кивая головой в знак согласия, лицо Андрюхи излучало азарт. Он понимал, что раунд ему удался и, желая развить успех, с нетерпением ждал продолжения боя.

Второй раунд стартовал с того, что Попов сам, первым, кинулся на Цзю. Теперь уже чемпион работал на отходах, а претендент гнал его по всему рингу. К середине раунда позиция поменялась, Костя перехватил инициативу и погнал нашего. К чести последнего, он не бежал, а так же, как только что делал Цзю, отходил с ударами, периодически доставая соперника контратаками из сайд-степов.

Бой выглядел абсолютно равным.

Лишь однажды, в середине второго раунда, Костя на финтах раскрутил Андрюху, выдернув правой на себя, чисто попал ему левой сбоку, на отходе. Удар был несильным, сродни шлепку, но прошел совершенно чисто, что означало бесспорное очко в актив чемпиона.

Начало третьего раунда зрители встретили ревом голосов и шумом оваций. Такого боя на этом первенстве еще не было. А тот факт, что дело может закончиться сенсацией, то есть пора-

жением признанного чемпиона, никого не смог оставить равнодушным.

Даже бывалые тренеры, забыв, что боксируют не их воспитанники, кричали боксерам, что нужно делать, чтобы победить. Гонг застал бойцов в непрерывном ближнем бою.

Боксеры пожали друг другу руки и разошлись по углам в ожидании объявления победителя.

Судьи медлили. Время шло, а решение арбитры не принимали. Интересно было наблюдать за боксерами. Костя и его тренер были предельно сосредоточены. Понимание того, что бой был абсолютно равным и судьи могут отдать победу любому из бойцов, витало в серовском углу.

Угол претендента выглядел по-другому. Андрюха Попов светился от счастья. Он понимал, что бой, который он только что закатил чемпиону, был лучшим из всех его прошлых, а может быть, и будущих боев.

Городничев хоть внешне и выглядел спокойно, в душе своей торжествовал. Всего за полгода он смог воспитать плеяду отличных бойцов, один из которых оказался способным на равных драться с признанным мастером. Такое дорогого стоит.

Рефери пригласил бойцов на центр ринга. Судья-информатор объявил: «Победу в этом бою одержал Константин Цзю».

Немногочисленные аплодисменты с серовской стороны заглушил свист и протяжный «фу!» со стороны всего остального зрительского зала.

Костя выиграл. Не думаю, что победа его была не заслуженной, ведь бой был очень равным, но тот факт, что во втором раунде, он при прочих равных чисто попал Андрюхе, позволял успокоиться.

– Проиграл в одно очко, – решили мы для себя.

Потом, после боя, те ребята, что попроторнее, пробрались к судейским запискам. Двое судей оценили счет ударов 60:60, а один посчитал 60:59 в пользу Кости.

На тренировке после соревнований Городничев устроил традиционный разбор полетов. Дойдя до Андрюхиного боя, он, обращаясь к нам, сказал:

– Видели, какой бой чемпиону закатил Попов?! Кстати, еще не ясно, кто из них победил...

Искажение

К концу учебного 1984 года тренер попросил всех принести свои дневники на тренировку. Данная процедура была призвана поднять успеваемость среди боксеров. Мол, если оценки низкие, плохо учишься, то и с боксом придется расстаться.

Заглянув в мой дневник, Городничев удивленно округлил глаза. Не часто, видимо, ему попадались бойцы, учившиеся на 4 и 5.

– Молодец! – коротко похвалил меня Владимир Михайлович.

В другой раз разговор зашел про увлечения и, узнав о том, что я играю в ВИА, тренер снова выразил свое удивление.

– Ты еще и на барабанах играешь?! И когда ты все успеваешь? – улыбаясь, покачал головой он.

Сегодня, кропая эти строки, я вспомнил цитату из замечательного советского фильма «Афоня»: «И когда ты только, Борщев, все успеваешь? И в фонтаны нырять, и на танцах драться...»

Да, в свои 14 лет я успевал и драться, и нырять.

Говоря же непосредственно про бокс, то в нем для меня все складывалось очень даже неплохо. За сезон я провел 7 боев, в 3 одержал победу, в 3 из них – ввиду явного преимущества.

Три же проигранных по очкам боя не очень расстраивали меня, так как год мой был младшим, а соперники, которые меня победили, были, соответственно, старше и опытнее меня.

Сохранялись все основания надеяться, что следующий сезон станет для меня более удачным.

Однако тому, что произошло в майские дни 84-го года, было суждено повернуть мою карьеру в боксе по-другому, совершенно неожиданному для меня пути.

Уже тогда, в конце первого года занятий, работать в паре на тренировке мне было особо не с кем. Тех, кто был в моем

весе или в категории чуть выше и ниже, я уверенно побеждал. Хороший тяжеловес Савелков был гораздо тяжелее, поэтому в пару нас не ставили. В общем, к концу сезона равных по классу соперников в группе у меня не было.

Думаю, именно поэтому тренер и поставил меня работать вольный бой с Толиком.

Толик был бывший хоккеист. Старше меня на три года, парень пришел в бокс, потому что с хоккеем у него что-то не заладилось. Между тем физическая форма его была не просто хорошей, она была ошеломляющей.

Невысокий, 1,70, крепко сложенный семнадцатилетний молодой человек резко выделялся среди нас, 14–15-летних пацанов. Толкающий с груди штангу весом 120 кг, парень обладал очень сильными ударами с обеих рук.

Помню, как на тренировке ровесник Толика, супертехнический боксер, встав с ним в пару, через раунд отказался продолжать спарринг. И это при том, что Толик ни разу не успел его по-настоящему ударить.

Страх пропустить тяжелую плюху заставил технаря выглядеть в наших глазах трусом.

Я трусом выглядеть не хотел, и поэтому, когда тренер поставил нас с экс-хоккеистом в пару, отказываться от вольного боя не стал.

Техника в тот момент, наверное, была лучше у меня. Но удар Толика – это было что-то!

Мы работали третий раунд, когда Толик, с красными от злости глазами из-за массы пропущенных от меня ударов, решил во что бы то ни стало поставить меня на место. Морально тяжело, когда тебя, 17-летнего, по сути дела мужика, на глазах сорока человек, таскает по рингу 14-летний пацан. Общий для всех вольный бой прекратился. Вся группа замерла, наблюдая мою с Толиком дуэль.

Будь у меня тогда больше опыта, я, понимая, что я выигрываю бой, сделал бы все, чтобы добоксировать до конца и просто не пропустить удар.

Тогда же опыта было немного и мне по-молодецки казалось, что вот-вот, и я добыю соперника. Поэтому я и не собирался оставиваться или снижать обороты, а шел вперед и атаковал.

Левый боковой прилетел точно в челюсть. Удар был подобен соприкосновению молота с наковальней, но в горячке боя я не упал и не дрогнул, а продолжил, хоть и значительно медленнее, садить удары в голову Толика в ближнем бою.

И это, судя по всему, была моя главная ошибка. Оказавшись с такой пружиной, как Толик, на ближней дистанции, у меня не было никаких шансов.

Правый прямой потряс меня не меньше левого, но я снова не упал, а продолжил работать в ближнем бою, хоть и скорость на этот раз стала еще ниже.

Подоспевший вскоре гонг спас меня от неминуемого нокаута. Хорошо, когда тебе 14 лет. Здоровья до такой степени много, что можно расплескивать его налево и направо.

Глядя после спарринга на своего соперника, не скажу, чтобы я совсем не видел его. Нет, я видел, но вот только контуры фигуры, на которую я смотрел, были искажены. Они как будто вибрировали, плавали и тряслись.

Тогда впервые состояние это продолжилось недолго. Через несколько часов я снова стал видеть все предметы отчетливо и на время позабыл о том, с чем мне пришлось дальше жить.

Как в Киншасе

На последней майской тренировке Городничев объявил нам: – Отпускаю вас на каникулы на две недели. После этого встречаемся здесь и начинаем подготовку к новому сезону.

– Дак ведь лето! – возмутился кто-то из ребят. – А отдыхать когда?!

– Успеете еще отдохнуть. Вся жизнь впереди! – с иронией ответил Владимир Михайлович.

Честно говоря, в первый месяц лета я планировал податься в пионерский лагерь. Поквитаться с прошлогодними обидчиками казалось мне тогда делом очень важным.

И еще не известно, чем бы для меня все это закончилось, не объяви тогда Городничев о летних тренировках.

Из группы в сорок человек в назначенное время нас пришло пятеро. Можно было подумать, что пришедшие были настоящими фанатами бокса, на деле все выглядело гораздо проще: ехать отдыхать нам было некуда и не на что. Вот поэтому мы и пришли.

Мы с Вадиком были в первых рядах возвращенцев.

Тренировка была на корте. Был такой раньше хороший деревянный корт с обычным асфальтом вместо покрытия и располагался он там, где сейчас находится «Дацюк-арена».

Условия были более, чем спартанские. Владимир Михайлович объяснил нам, что на время летних каникул спортшкола закрыта, и потому переодеваться и тренироваться мы будем прямо тут, на корте. Мыться предлагалось под открытым небом из расположенного поблизости крана.

Общую и без того непростую ситуацию усугубляло палящее солнце. Июнь месяц, температура – градусов 30, открытый корт с асфальтовым покрытием и полное отсутствие каких бы то ни было головных уборов. Это было что-то!

Началось все, как обычно, с разминки. Но разминка на этот раз была нестандартной и включала в себя использование элементов окружающей среды. Там же, рядом с кортом, была высокая деревянная лестница. Верхняя точка этого сооружения была выше здания «Юности», перил не было, и потому добраться до самого верха могли лишь только настоящие смельчаки.

Когда тренер дал нам команду взобраться наверх, первое свое восхождение мы совершали потихоньку, примеряясь к непривычной высоте. Оказавшись наверху, мы, не успев насладиться прекрасным видом, получили команду тренера спуститься вниз.

Спуск вниз оказался в разы страшнее подъема. Страх потерять равновесие и упасть с верхотуры заставил нас спускаться в полуприседе, практически на попе. Городничев с улыбкой смотрел на нас, все понимал и никуда не торопил. Но как только мы оказались внизу, он тут же, не дав отдохнуть, скомандовал: «А теперь наверх!»

Так продолжалось до тех пор, пока подниматься и спускаться по крутой лестнице мы не стали так, как если бы перед нами был обычный подъездный пролет. Соревнуясь друг с другом, кто быстрее, теперь уже мы слышали слова тренера, призывающего нас не торопиться, чтобы не упасть.

Там же, рядом с лестницей, были и заполненные песком дорожки для бега. Владимир Михайлович учил нас стартовать из положения верхнего и нижнего старта.

– Слушайте внимательно! Когда звучат слова «На старт! Внимание!», вы должны подготовиться, пропустить импульс энергии от мозга по всему телу, разбудив при этом каждую клеточку своего организма. А как только услышите слово «Старт!», то, еще не дослушав последней буквы этого слова, начинайте взрываться на месте и, быстро-быстро работая ногами и руками, стартовать.

Старт в песке мы отработывали в тот день до упаду. По окончании такой необычной разминки мы были подобны загнанным лошадям. Больше всего хотелось пить.

И тогда Городничев, видя наше удручающее состояние, рассказал нам историю, которую я в точности помню до сих пор.

– Вот вы сейчас устали? – обращаясь к нам, спросил Владимир Михайлович.

– Да! – хором выпалили мы.

– А чего это вы так устали? – продолжал тренер. – Температура-то всего лишь 30 градусов.

– Да к ведь жарко! – взмолились мы.

– Послушайте-ка, что я вам расскажу, – переключив наше внимание, продолжил Городничев. – Есть такие два боксера: Джордж Форман и Мухаммед Али. Может, слышали?

Мы дружно закивали головами, повторяя мусульманское имя Кассиуса Клея.

– Так вот, – продолжил тренер, – у них был финальный бой за звание абсолютного чемпиона мира среди профессионалов. И проходил он не где-нибудь, а в столице африканского государства Заир, в городе Киншасе. А какая в Африке температура, знаете?

Мы снова закивали.

– 50 градусов! – добавив голоса, проговорил Владимир Михайлович. И, немного подумав, добавил. – Это днем.

Так вот, чтобы хоть чуть-чуть было не так жарко, бой решили проводить ночью. Ночью было 40. И вот представьте: огромный стадион заполнен до отказа, в центре стадиона поставлен ринг, и на нем идет 15-раундовый бой!

На словосочетании 15-раундовый, Городничев поставил ударение так, что даже самый обделенный воображением из нас четко представил всю красочно нарисованную тренером картину.

– 15 раундов при 40-градусной жаре и высочайшей влажности! – подняв палец вверх, повторил Владимир Михайлович. – А вам полтора часа потренироваться при 30 градусах. Это же пустяки.

Не знаю, для кого как, но для меня сразу все стало в разы легче.

Мысленно я представил и Формана, которого ни разу не видел, и Мухаммеда Али, про которого слышал, но тоже не встречал, и стадион, до отказа заполненный потными неграми и, кажется, даже почувствовал запах этого самого, негритянского, пота.

После рассказа тренера начались отработки в парах. Получив задание и услышав команду «бокс!», мы приступили к ее выполнению, не думая больше ни о жаре, ни о жажде, ни об усталости.

И до сих пор, когда мне приходится оказаться под палящим солнцем, я вспоминаю ту тренировку и рассказ тренера про бой в Киншасе.

Лучший тренер на земле

...Если когда-нибудь будет проводиться опрос на звание лучшего тренера на земле, я, не раздумывая, назову имя Городничева.

Воспитатели, учителя, тренеры – все это производные одной и той же профессии – педагог. Чтобы получить диплом о педагогическом образовании, нужно окончить педагогический

институт. Дело, конечно, непростое, но вполне реальное. Педагогов много. Но чтобы спустя сорок лет о тебе помнили как о лучшем тренере, здесь одного образования мало, здесь должно быть нечто большее.

Нет в этой профессии больших денег, и работать в нее идут не за длинным рублем, а по велению души. А душа – это категория Божественная, и потому настоящие педагоги могут быть только от Бога...

Лето прошло быстро. В конце августа Владимир Михайлович снова собрал нас в «Юности». На этот раз была почти вся группа.

– Будем делать ремонт нашего спортзала, – объявил нам тренер.

Стройматериалы, молотки, гвозди, краска – всего этого было в избытке, оставалось только приложить к этому руки, и на две недели тренер наш превратился в прораба.

Раздав каждому из нас задание, он сам надел на голову самодельную газетную шапочку, взял кисточку и начал творить.

Каждый день мы приходили в «Юность» и трудились. Мы красили стены, меняли сломанные доски пола, откручивали старые разбитые подушки от стены и крепили новые.

Огромные спортзальные окна мы отмыли до такой степени, что казалось, что стекла в них вовсе отсутствуют, настолько чистыми они стали. Руками, которыми целый год мы мутузили друг друга, теперь мы создавали свой боксерский мир.

Все ребята свято верили, что в грядущем сезоне под руководством нашего тренера «Юность» станет лучшей школой бокса в городе.

Лично я ни до, ни после – никогда – не работал с таким неподдельным энтузиазмом, как в те августовские дни 1984 года. Было по-настоящему приятно видеть, как твоим трудом старый предмет превращается в новый, способный служить тебе и твоим товарищам еще много лет.

К 1 сентября зал сиял новизной. Приятно пахло краской, и празднично-волнительная атмосфера, которая обычно встречается первоклашек в школах, царил в нашем спортивном зале.

Новичков было много. Слухи о том, что чудо-тренер кует из обычных мальчишек бойцов, лавинообразно распространились по всему городу. Ребята с центра, ВИЗа, Пионерского Поселка и даже с Химмаша считали для себя честью попасть в группу к Городничеву.

Как часто бывает в таких случаях, без зависти дело не обошлось. Другие тренеры завидовали Городничеву. Видя, как пацаны тянутся к настоящему педагогу, они каждый по-своему пытались подставить ножку молодому тренеру.

Помню, как один из таких местных завистников, зайдя в зал между занятиями, попытался научить нас правильно подтягиваться на турнике. И здесь без курьеза не обошлось.

– Запомните, как надо делать! – озвучил свое действие тренер, подбегая к турнику. Раскачавшись, он резко потянулся вверх, но вместо того, чтобы поднять голову над перекладиной, со всего маха врезался в турник носом.

Фонтан крови оросил место ежедневных ристалищ. Зажав нос руками, педагог-неудачник бегом ретировался в сторону душевой. Городничев же, выждав, когда коллега покинет помещение, обращаясь к сорока парам горящих глаз, нравоучительно произнес:

– Запомните, дети, вот так делать не надо!

Да, нескучно было в «Юности».

Помню, как в начале сентября мы сдавали нормы ГТО. Была такая обязательная для всех дисциплина в Советском Союзе и дословно называлась она «Готов к труду и обороне!». Для выполнения ее нужно было пробежать короткую дистанцию, метнуть мяч и прыгнуть в длину.

Нормативы были установлены для всех возрастов разные. Для действующих спортсменов, коими мы являлись, показатели были несколько завышенными. Считалось, что спортсмен – не обычный школьник, а натренированный, и поэтому делать все он должен быстрее, выше и сильнее.

Мяч я метнул сразу куда надо, а вот с прыжком в длину дело застопорилось. Не получилось подобрать правильную ногу, и я дважды заступал за черту. Когда же у меня осталась послед-

няя, третья попытка, я собрался и прыгнул чисто, на тот минимум, который и требовался. Из трех обязательных дисциплин оставался бег.

Я и до бокса бегал очень неплохо. Регулярно приседая в течение двух лет, я довел эту дисциплину до нужной кондиции и получилось так, что, помимо хорошего результата, бег доставлял мне еще и радость. Особой коронкой у меня были короткие дистанции.

Тогда же в «Юности» для сдачи нормы ГТО нам нужно было пробежать стометровку. Запускали нас по пятеро.

– На старт! Внимание! Марш! – скомандовал Городничев, и мы рванули.

Обогнав всех на первых же метрах, я, мало того, что первым достиг финиша, я сумел показать какой-то фантастический для не бегуна результат.

Дело в том, что на сдаче норм ГТО присутствовали тренеры по легкой атлетике. Высокие, худые мужчины, в спортивных костюмах и круглых очках внимательно следили за всем происходящим и своими секундомерами проверяли наш результат.

В общем, не успел я финишировать, как ко мне подбежали два человека и наперебой стали уговаривать меня перейти из бокса в легкую атлетику.

Честно говоря, я сначала даже не понял, что им нужно. Но потом, когда они подошли к Городничеву и о чем-то с ним поговорили, он подозвал меня и с традиционной улыбкой сказал:

– Ты, оказывается, еще и бегать умеешь! Тренеры-легкоатлеты предлагают тебе перейти в их секцию.

– Зачем? – недоуменно спросил я.

– А это уже тебе решать, – ответил Городничев.

Я сказал что-то типа, что предателем быть не хочу и что пришел в бокс не для того, чтобы через год променять его на легкую атлетику.

Тренер посмотрел на легкоатлетов, развел руки в стороны и пожал плечами. Вопрос снялся.

К слову сказать, снялся он только для Городничева.

На одного из тренеров мой результат произвел сильное впечатление, и после того случая он еще целый год ходил за мной и уговаривал стать олимпийским чемпионом.

Другой интересный случай произошел во время показа по центральному телевидению шпионского сериала «ТАСС уполномочен заявить». В фильме рассказывалось о борьбе наших разведчиков с цэрэушниками и завербованными ими агентами. Часть шпионских событий была связана с африканской страной с чисто папуасским названием – Нагония. Обсуждая как-то сериал на тренировке, я не поленился блеснуть знанием географии и поведать коллегам, что страны с таким названием в мире нет.

Услышав меня, Городничев усомнился и сказал:

– Да там у них в Африке каких только стран нет. И Нагония наверняка есть.

Я не уступал:

– Владимир Михайлович, нет такой страны!

– Есть, есть, – отмахнулся Городничев.

История так бы и закончилась, если бы через несколько дней тренер не подошел ко мне и в присутствии всех, честно сказал:

– А ведь ты был прав. Нет в Африке страны с таким названием. Молодец! Хорошо знаешь географию.

История, конечно, пустяковая, но для меня, 14-летнего подростка, было очень важно, что тренер наш даже в таких пустяках человек внимательный и честный.

Желание тренироваться под его руководством было огромным.

Плодотворно отзанимавшись сентябрь, мы готовились к очередным соревнованиям. Настроение было боевое, и ничего не предвещало никаких неожиданностей, когда после тренировки Городничев подозвал меня к своему тренерскому столику.

Обычно жизнерадостный и позитивный, на этот раз Владимир Михайлович выглядел понурым и расстроенным.

– Послушай меня, – серьезно обращаясь ко мне произнес он. – Тебе нужно переходить в другую секцию.

– Почему? – откровенно не понял я, – я не хочу в другую, мне здесь нравится.

– Дело в том, что я ухожу, – дрогнувшим голосом проговорил Владимир Михайлович.

«Переманили...» – подумал я про себя и тут же добавил:

– Тогда я с вами.

Городничев грустно улыбнулся.

– Ты не понял. Я совсем ухожу. То есть с тренерской работы ухожу. Я больше не буду работать тренером...

Р. С. Спустя годы я узнал, что в 1983 году в семье у тренера родился сын и той зарплаты, которую платили ему в «Юности», катастрофически не хватало. Чтобы свести концы с концами, он обратился к руководству спорткомбината с просьбой чуть приподнять заработную плату или позволить работать не полный рабочий день, чтобы иметь возможность дополнительной подработки. Ему отказали...

Часть третья

ЛОКОМОТИВ

Белоусов

Сказать, что уход Городничева с поста тренера был для нас неожиданностью, значило бы не сказать ничего. Мы тренировались все лето, отремонтировали спортзал, набрали прекрасную спортивную форму и были готовы побеждать кого угодно и где угодно, когда внезапное известие о том, что мы остаемся без тренера, как град в летний зной, обрушилось на нас.

И если это была не трагедия, то катастрофа точно.

В нашем последнем разговоре в «Юности» Владимир Михайлович настоятельно советовал всем, в ком видел боксерскую искру, переходить в «Локомотив».

– Идите в «Локомотив», к Добрушину. Грибняк замечательный тренер, я его воспитанник, но у него сейчас есть очень хороший парень, будущий чемпион, он все свое тренерское время уделяет ему. Если хотите расти дальше – Добрушин лучший вариант.

Всего в нашей группе было больше сорока человек. К совету тренера перейти в «Локомотив» прислушалось десять. Остальные закончили с боксом там же, в «Юности». Из десяти вставших под знамена «Локомотива» первый год дожили четверо, второй – трое, четвертый – один...

Но не буду забегать вперед и расскажу обо всем по порядку. «Локомотив» резко отличался от «Юности».

Расположенная в старом здании на ул. Якова Свердлова школа бокса, по уже известной нам традиции, соседствовала

с секцией спортивной гимнастики. При этом зал у гимнастов был хороший, светлый и просторный.

Для бокса же, судя по всему, помещения подбирались по остаточному принципу. Один зал бокса находился с одной стороны зала гимнастики, второй – с другой. Расположенные на втором этаже помещения эти были не полноценными спортивными залами, а скорее зальчиками. Там, где тренировал Добрушин, зал был побольше, и стоял миниатюрный ринг, у Грибняка зал был поменьше, ринга не было вовсе.

Нам, привыкшим к просторам «Юности», откровенно говоря, было тесно и душно в этих небольших лабораториях бокса. Но главный сюрприз ждал нас не в размерах помещения, а в человеке, к которому мы попали.

Мы учились со второй смены и, соответственно, тренироваться могли только утром. Но маститые локомотивовские тренеры Добрушин и Грибняк с утра тренировки не вели. Время мэтров наступало после обеда, ближе к вечеру.

С утра же тренировочный процесс был доверен Белоусову Виктору Михайловичу. Вот к нему мы и попали.

Когда я впервые его увидел, честно говоря, не сразу понял, что он является тренером. Одетый в джинсы и партикулярный мохеровый свитер человек этот разительно отличался от тех тренеров, у которых я успел позаниматься.

Нас было пятеро, пришедших на первую локомотивовскую тренировку. Построившись в ряд, мы, как обычно это делали в «Юности», приготовились поприветствовать вошедшего в зал тренера. Но тот, почему-то не обращая ни малейшего внимания на нас, быстро проследовал в тренерскую.

Мы ждали, когда же руководитель выйдет и даст команду к началу разминки. Время шло, человек не выходил, мы были в замешательстве. Когда же понимание того, что что-то не так, наступило, человек появился и мимоходом, следуя теперь уже в обратном направлении, на выход, обращаясь ко мне, громко и протяжно произнес:

– Чего стоишь? Веди разминку!

Сказал и ушел.

Я, как это много раз было в «Юности», начал разминку. При этом ладно я, человек, отзанимавшийся год у настоящих тренеров, понимал, что и как нужно делать. А каково было тем, кто пришел на свою первую боксерскую тренировку?

Несколько одноклассников, увлеченных моими рассказами о чудо-тренере пришли попробовать себя в новом виде спорта, но по иронии судьбы вместо Городничева попали к Белоусову.

Справедливости ради нужно сказать, что новый тренер появился на той тренировке еще раз. Привычно следуя мимоходом в тренерскую, он, увидев, как я бью левый прямой по мешку, соблаговолит остановиться, чтобы поправить меня.

– Ты как кулак заворачиваешь?! – противно гнусава, протянул Белоусов. – Кто тебя так бить учил?!

– Городничев Владимир Михайлович, – не без гордости проговорил я.

– Городничев?! – еще более противным голосом переспросил Белоусов. – Тоже мне тренер! Без году неделя...

Огрызнувшись, наш новый руководитель вновь исчез за спортзальной дверью и на этот раз навсегда. Больше его на данной тренировке мы не видели.

Вообще, если говорить про Белоусова Виктора Михайловича, то мужик он был неплохой. Просто получилось так, что свою работу тренером, на которую его непонятно кто поставил, он совмещал с работой носильщика, на ж/д вокзале. Благо тот располагался рядом с «Локомотивом». Может быть, поэтому тренер Виктор Михайлович и носильщик Белоусов в профессиональном плане часто мешали друг другу.

Мне же больше всего было жалко тех ребят, которые по моему зову пришли со мной в бокс и вместо того, чтобы постигать азы благородного искусства, стали прозябать на подобных тренировках.

Дима Утробин, КМС по гребле, отложив весло в сторону, решил попробовать себя в боксе. Крепкий, как все байдарочники, с отличной физухой и дыхалкой, он мог бы сделать карьеру в нашем виде спорта, окажись в правильных руках.

Максим Корняков, мой одноклассник, человек, у которого духа было больше, чем здоровья, тоже не смог ничему толком научиться, посещая несколько месяцев утренние тренировки Белоусова.

Предоставленные сами себе, ребята вставали в пары и лупили друг друга почему зря. Притом бокса как такового в таких сражениях не было и в помине.

Видя, как друзья-одноклассники буксуют на месте, я время от времени поправлял их ошибки и показывал, что и как нужно делать. Они, как могли, старались, но все же было очевидно, что для полноценного тренировочного процесса этого было недостаточно.

Что же касалось моей спортивной формы, то, даже несмотря на то, что тренировки наши проходили спустя рукава, тот запас прочности, который я получил, тренируясь у Городничева, был настолько велик, что я на голову чувствовал себя выше остальных.

Все это я уверенно продемонстрировал в ближайших боях.

Фигурально выражаясь, под руководством Белоусова я провел два боя на очередном открытом первенстве некогда родного ДЮСШ и в обоих победил ввиду явного преимущества.

Тогда же произошел казус. Увидев меня выступающим за «Локомотив», второй тренер «Юности», Одинцов, подозвал меня и в совершенно претензионном тоне потребовал вернуться в родные пенаты, чтобы продолжить выступление за бывшую школу.

Думаю, два феерично выигранных мной боя пробудили в тренере интерес к моей доселе не заметной для него персоне.

– Давай возвращайся, мы с тобой скоро на Россию поедem! – соблазнительно произнес Одинцов. И, чтобы у меня не оставалось никаких сомнений, относительно выбора секции, через губу добавил. – И нечего по «Локомотивам» всяким бегать...

Признаюсь честно, слова, сказанные Одинцовым, на меня подействовали. С одной стороны, «Юность» была мне родной, с другой – тренироваться у Белоусова в «Локомотиве» не хотелось, и еще аргумент – «на Россию поедешь!» звучало заманчиво.

Между тем послушаться хоть и бывшего, но глубокоуважаемого мной тренера Городничева я не мог, и потому выбрал самый неудобный для себя вариант, сидеть на двух стульях сразу.

В течение трех недель я посещал две секции одновременно. Понедельник и среду я пахал в «Юности», во вторник и четверг тренировался в «Локомотиве».

Все закончилось внезапно, когда Белоусов объявил, что в «Локомотиве» пройдет матчевая встреча с каменск-уральской школой бокса.

Это был конкретный шанс показать себя, так как на соревновании должны были присутствовать главные локомотивовские тренеры.

В данном месте своего повествования сделаю небольшое отступление и расскажу про своего друга Вадика Куликова.

Окончивший к этому времени 8-й класс товарищ мой покинул нашу среднюю школу и пошел учиться в ГПТУ на автослесаря. Времени на тренировки у него оставалось меньше, чем прежде, да и те немногие разы, когда он посещал занятия, тренировал Белоусов, а у него, как известно, многому не научишься.

Между тем счет боев моего друга был 10:10, то есть из десяти проведенных боев он выиграл все. Сила духа и воля к победе, помноженные на школу Городничева, сохраняли в нем запас прочности, и свои последние два боя, числясь уже под руководством Белоусова, он выиграл так же, как и всегда, ввиду явного преимущества.

На матчевых встречах с каменскими Вадика предстоял очередной, одиннадцатый, бой. На этот раз соперником его был Александр Рыбин. Хороший, техничный боец, успевший провести к тому времени около 40 боев, Рыбин был довольно известен в широких боксерских кругах. Вскоре после того боя с Вадиком он смог получить звание мастера спорта и войти в список лучших боксеров Каменска-Уральского.

Вадик Рыбина не знал, а потому не боялся. Не теряя времени на разведку боем, друг мой смело пошел вперед, разя более опытного соперника ударами под разноименную ногу. Судя

по реакции Рыбина, было видно, что такой прыти от противника он не ожидал. Но «опыт – сын ошибок трудных», и потому каменский самородок принял предложенную ему манеру боя.

Началась рубка. В течение двух раундов поединок был абсолютно равным. Воля к победе Вадика и мастерство Рыбина были подобны косе, встретившейся в поле с камнем. Я почти уверен, что Вадик выиграл бы тот бой, не сломай он в конце второго раунда правую руку.

Я секундировал своего друга.

– Правой бить не могу, – обращаясь ко мне, проговорил Вадик после второго раунда, – очень больно.

– Держись, – поддерживал его я, – один раунд остался. Надо немного потерпеть.

И Вадик терпел. Боксеры заканчивали последний раунд в ближнем бою, когда Рыбин на выходе чисто попал Вадика по голове. Вадик не упал и даже не пошатнулся, но рефери пронзительно закричал «стоп!» и открыл счет.

Недоумение выступило на лице моего друга. Встретив счет крепко стоящим на ногах, он развел руки в сторону, как бы призывая судей в свидетели, мол, «что он тут считает?!»

Между тем рефери закончил счет и традиционноскомандовал «бокс!» Вадик бегом побежал на соперника с надеждой вырвать победу на последних секундах боя. Но, увы...

По правилам юношей бой длится до одного нокаута. Поединок был остановлен. Боксеров пригласили на центр ринга и подняли руку Александру Рыбину. Вадик проиграл первый раз в жизни.

Перелом кисти был действительно тяжелым, ведь вместо того, чтобы оставить сломанную руку в покое, друг мой, забыв про боль, лупил ею что было мочи целый раунд.

Кость деформировалась, и с тех пор горб на правой кисти Вадика служил ему напоминанием о боксерской юности.

Что же касается меня, то я свою встречу выиграл традиционно ввиду явного преимущества.

Первым, кто подошел ко мне после боя и поздравил с победой, был, конечно, Белоусов Виктор Михайлович. Весь в белом,

с бабочкой, судивший в это время бои, он на мгновенье бросил все и, растолкав стоящих на пути людей, подбежал ко мне.

– Молодец! – похлопав меня по плечу нарочито громко, так, чтобы всем было слышно, произнес Белоусов. И тут же, видимо, для пущей убедительности, что я являюсь именно его учеником, добавил:

– Сейчас мойся, а завтра на тренировку, как обычно.

Услышав первое за несколько месяцев нормальное обращение, мне сразу захотелось спросить его:

– Дяденька, а вы меня разве знаете?

Но настроение было победное, зла я не помнил и, ничего не ответив, пошел в душ.

Грибняк

Мой стиль и манера ведения боя, видимо, понравились старейшинам локомотивского тренерского цеха Добрушину Леониду Яковлевичу и Грибняку Виталию Васильевичу, и как-то так получилось, что ими на меня была объявлена охота.

В тот день Виталий Васильевич оказался расторопнее своего визави. Обращаясь к Белоусову, сразу после отправки меня в душ, Грибняк спросил:

– Виктор, твой парень?

– А чей же еще?! – недвусмысленно ответил Виктор Михайлович.

– Пусть завтра ко мне в зал подойдет, мы сейчас на «Территориальный совет» команду собираем. Надо его с собой брать.

– Вот так всегда! – обращаясь к неведомым силам, раскати-сто произнес Белоусов. – Не успеешь подготовить спортсмена, а его у тебя уже забирают.

– Ладно, ладно, проследи, чтоб завтра был, – привычно выслушав упреки коллеги, заключил Грибняк.

Осенью 1984 года Виталию Васильевичу Грибняку было 55 лет. Я сегодняшний ненамного моложе его. Тогда же, когда я увидел его первый раз, он показался мне почти дедушкой.

Невысокий, плотный, с круглым лицом и приплюснутым носом, человек этот был живым олицетворением спокойствия и доброты.

После нескольких месяцев тренировок у Белоусова общение с Виталием Васильевичем напомнило мне об уже было забытой тренерской заботе.

На мое удивление, Грибняка интересовало все, что я делаю. Поправляя мои огрехи, он сам показывал, как правильно нужно бить, двигаться, совершать уходы и нырки.

По сути, передо мной был Городничев, только старше. И это было вполне понятно. Ведь Владимир Михайлович сам оттачивал свое мастерство под руководством Грибняка и немудрено, что стиль и манера от старшего в известной степени передалась младшему поколению.

Внешне напоминающий Винни Пуха, Виталий Васильевич исполнял все приемы так ловко и быстро, что казалось, что он сам только вчера закончил свои выступления на большом ринге. Мастер объяснять, он находил именно те слова, которые были понятны любому человеку.

– Представь, что через тебя проходит железный шест-стержень, – объясняя, как правильно бить правый прямой, начинал свою речь Виталий Васильевич. – Стержень проходит через твою голову, туловище и крепиться к полу. Поэтому ты не можешь гнуться, болтаться, ведь шест проходит внутри всего тебя. Ты можешь только проворачиваться по своей оси на этом стержне.

Люди, услышавшие этот рассказ, уже к концу первой тренировки начинали правильно бить правый прямой.

Я же, оттренировавшись лишь одну тренировку, понял: это мой тренер.

Через пару дней Виталий Васильевич объявил нам, что мы вместе с ним едем в город Каменск-Уральский, где будет проходить территориальный совет спортивного общества «Труд».

Вечером в назначенное время мы встретились «Под варежкой» на Привокзальной площади, загрузились в электричку и отправились в соседний город.

Костяк нашей команды составляли ребята, перешедшие из «Юности» – Вадик Куликов, Андрей Авдеев, Макс Корняков и я.

Из «Локомотива» с нами была перспективная добрушинская молодежь: Серега Лесков, Валерка Калугин и Радик Карымов. Именно тогда началось мое близкое знакомство с этими замечательными, младше меня на год, ребятами.

Поезд тронулся, мы поехали.

Сидя в электричке, я наблюдал за Виталием Васильевичем.

Уже немолодой человек, он был одет достаточно дорого, и что особенно ценно – со вкусом. Черная крашенная ондатровая шапка, зимняя модная куртка «Боинг», шотландский мохеровый шарф. Обычно 55-летние люди так тогда не одевались.

Глядя в темное окно электрички, он о чем-то думал, размышлял. Иногда казалось, что он начинал говорить сам с собой, сам себе задавал какие-то вопросы, сам же на них отвечал.

Кто-то, читая эти строки, может подумать, что человек был не в себе. Уверяю вас, Грибняк был в полном порядке. Когда мы, сидящие чуть поодаль от него, начинали дурить, он на мгновение прекращал свою медитацию и, обращаясь к тому из нас, кто был наиболее активен, нет, не словами, взглядом, просил успокоиться.

Взгляд Виталия Васильевича был очень интересный. Добрый и наивный, с одной стороны, и тяжелый, проникающий в самую душу – с другой. Притом чтобы он пользовался вторым своим взглядом, я видел лишь однажды.

Тогда же, в электричке, когда мы уже подъезжали к Каменску, к нам подседа группа молодых парней. Примерно 20-летние, они были навеселе и, судя по поведению, находились в поиске приключений на известное место. Увидев 14-летних подростков, путешествующих в компании с дедом, они стали искать повода для драки:

– Вы откуда, парни? – задал нам традиционный в те годы вопрос старший из них.

– Из Свердловска, – ответили мы.

– Из Свердловска? – переспросил любопытный и, уже обращаясь к своей компании, поставил вопрос, так сказать, ребром: – А свердловские нас корят?

Мне было забавно и интересно наблюдать за всей этой сценой. Сомнений в том, что дернись парни, и лежать им всем в проходе между лавочками, у меня не было. Но мне было очень интересно посмотреть, как поведет себя в данной ситуации признанный мэтр бокса.

Услышав знакомые нотки в голосе незнакомцев, доселе медитирующий Виталий Васильевич быстро поднялся искомандовал нам:

– Так, встали. Скоро выходим.

Затем повернувшись в сторону подвыпившей молодежи, быстро, практически мельком, заглянул в глаза интересующемуся проблемой, «корят ли его свердловские».

Лично мне показалась, что взгляд тренера выражал его же мысль. Что-то типа: «Идите с миром, ребята. Устал я вас убивать, уже...»

Хотя, может быть, это показалось только мне, а сам Виталий Васильевич вообще ни о чем таком и не думал. Может быть... Но только после гляделок с Грибняком агрессивный тут же, сам себе и ответил:

– Не, со свердловскими у нас мир!

Спартанцы

Хотел назвать эту главу поэтически, что-то типа «Сон на матах в зимнюю ночь», но, немного подумав, решил назвать ее по-другому.

«Спартанцы» – вот название, которое наиболее точно передает ту обстановку, в которую нас на два дня волей случая погрузили.

Первым моим соревнованиям за пределами родного города суждено было пройти в конце ноября 1984 года в славном городе Каменске-Уральском. Не знаю почему, но так получилось, что места в гостинице для нас забронированы не были и настой нас разместили в огромном спортивном зале местной школы. В этом же зале по совместительству и должны были пройти территориальные соревнования спортобщества «Труд».

– Располагайтесь! – щедрой рукой обводя огромное помещение, объявил нам представитель встречающей стороны.

Нашим ребятам повторять по два раза не требовалось, и уже через считанные минуты представители ДСО «Локомотив» заняли находящийся по соседству с душевой предбанник. Помещение было хорошее. Ну, во-первых, там стояли кушетки, и на них можно было прилечь. Во-вторых, там было тепло. И, в-третьих, рядом была вода.

Принесенные из спортзала маты очень удачно заменили матрасы. Недолго побалагурив, мы забылись богатырским сном.

Ночь прошла быстро. Наступившее утро ясно показало, что условия, в которых предстояло жить и выступать юным боксерам, были что ни на есть спартанские.

Посреди большого зала стоял ринг – место будущего ристалища. По углам зала и по его периметру лежали маты, на которых спали не греческие воины, а наши уральские боксеры. Хотя, если описать всю картину, которая представилась моим глазам, думаю, что отличий между теми и другими было немного.

Все это напоминало один большой военный или спортивный, в данном случае, лагерь. Часть воинов-спортсменов еще спала, часть умывалась, а часть уже тренировалась.

Кто-то только начал разминку и легко семенил по кругу, кто-то уже отжимался на скорость, а кто-то, совсем по-боевому осыпая градом ударов воображаемого соперника, вел бой с тенью.

Для людей, далеких от бокса, все это могло показаться похожим на хаос, для посвященных же выглядело как выполняемые по плану действия.

По тому же незримому плану следующим пунктом было взвешивание. Без какой-то договоренности, только увидев тренеров у весов, воины, ой, простите, боксеры, разоблачившись и оставшись таким образом только в плавках, выстроились друг за другом в длинную очередь. Спартанский день начался.

Как известно, воины должны хорошо питаться. По окончании взвешивания Виталий Васильевич выдал нам пачку та-

лонов, назвал адрес местной столовой и распрощался с нами до начала турнира.

Выйдя на улицу, я почувствовал морозное дыхание зимнего утра.

Расположенный на берегах реки Синары город металлургов славится влажным климатом. В декабре же, когда столбик термометра подбирается к отметке в 20 градусов, создается ощущение, что очень холодно.

Аппетит воинов, в принципе, никогда не спит, но, когда ты еще с вечера ничего не ел и не пил, чтобы удержать нужный вес, морозный воздух делает свое коварное дело. Аппетит пропал, и есть захотелось невыносимо сильно.

Не дожидаясь поиска вождеденной столовой, мы зашли в первый ближайший хлебный магазин, закупили сдобы и начали ее жадно уминать. Насыщение наступило быстро. Дальше, как и положено по древнему девизу, захотелось зрелищ. Пошли смотреть город.

Новый город – всегда интересно, и потому, бредя по одной из центральных улиц, мы стали глазеть налево и направо. Помню старые сталинские здания в центре города, с большими полукруглыми окнами на первых этажах.

Вот у одного из таких зданий я и услышал крик сердобольного прохожего.

– Парень! Нос-то белый! Хватай снег, растирай!

– Точно! Отморозил, – глядя на меня, подтвердили друзья.

Кто-то дал мне снег, я быстро потер нос, и мы пошли дальше.

Шатание по центру привело нас в столовую. На этот раз мы уже лениво съели положенный нам завтрак и потянулись обратно в наш военный лагерь-спортзал готовиться к боям.

Кто-то перед боем умудрился вздремнуть, кто-то просто коротал время: сидя, лежа или болтаясь по залу, но с первым ударом гонга, возвещающим о начале турнира, боксерский лагерь ожил и пришел в движение.

Тяжеловесы, понимая, что до их выступления еще масса времени, удобно устроились на зрительских местах, средневесы,

никуда не торопясь, только начинали свою разминку, легковесы, разминку заканчивали и самые первые из них уже выходили на ринг.

Магические слова «на ринг вызывается!» звучали перед выходом очередной пары, и звонкий удар гонга оповещал начало и конец каждого раунда.

Мужское общежитие в буквальном смысле слова – это всегда шероховатости, споры и конфликты. Уже потом, служа в армии и находясь на северной точке, я часто сталкивался с тем, что товарищи то ли от скуки, то ли еще из-за чего начинали выяснять отношения между собой. Впервые же с проявлением подобного поведения я столкнулся тогда на первых своих выездных соревнованиях в каменском спортзале.

До моего выступления еще было приличное количество пар, а потому, надев поверх боксерской формы – трусов и майки – спортивный костюм, я барражировал между зрительским залом и нашим предбанником, когда, в очередной раз войдя в него, увидел двух моих друзей стоящими друг напротив друга в боксерской стойке и готовящихся начать бой.

Вадик Куликов, на 100 % готовый к выходу на ринг, с завязанными на руках перчатками, двигался в челноке между кушетками, вызывая на бой моего одноклассника Максима Корнякова.

Макс был очень хороший парень. Боксом он пошел заниматься по велению своего бесстрашного сердца, но вместо того, чтобы попасть в надежные тренерские руки, он попал в группу к Белоусову, где в принципе невозможно было ничему путному научиться.

Видимо, поэтому Макс так и не научился настоящему челноку, а двигался как первые боксеры из XIX века. Переступая с ноги на ногу, он то сокращал дистанцию, то разрывал ее. При этом руки Макса в это время совершали некие круговые движения под стать тем, которые демонстрируют в боксерской хронике первопроходцы бокса.

Со стороны это выглядело забавно и крайне неуклюже, за что друзья-«локомотивовцы» втихаря между собой прозвали Макса каракатицей. Между тем, фигурально выражаясь, боксом он все ж таки занимался несколько месяцев и смог отработать

один очень коварный удар – левый боковой. Попади им Макс в голову, и нокдаун, а может, и нокаут был бы обеспечен.

Вадик Куликов это знал и потому был аккуратен с Максом в предбаннике больше, чем с другими бойцами на ринге.

Итак, как говорится, картина маслом: Вадик в трусах, майке и перчатках прыгает в челноке между кушетками. Макс, подобно первым британским праотцам бокса, ходит туда-сюда за Вадиком и грозит ему своим левым боковым.

– Вы, че, охренели?! – увидев все это, закричал я.

– А тебе вообще через пару на ринг выходить! – прикрикнул я на Вадика.

– А че, он сам начал! – оправдываясь, ответил Вадик.

– Подходи, подходи! – шептал Макс, пробивая левый боковой по воздуху, перед носом Вадика.

Вспоминая сегодня всю эту сцену, я невольно ассоциирую ее с эпизодом из фильма «Джентльмены удачи», где коллеги Доктора, проиграв пиджак и бритву в шахматы, стали выяснять отношения между собой.

Год назад мы встречались с Максом и Вадиком на столетие нашей школы. На мой вопрос: «Из-за чего вы тогда чуть не подрались?» – ни один из них не смог ответить. Забыли. И слава богу!

Тогда же, в Каменске, мы выступили очень достойно. Большинство из нас победили.

Свои бои я тоже выиграл. Первый – во втором раунде, ввиду явного преимущества, второй – по очкам. Имена своих соперников и порт их приписки я уже не помню.

Спустя сорок лет в памяти этого не осталось. Но я помню главное, что лучшие воины Древней Греции, спартанцы, и боксеры Урала очень похожи между собой.

«Дорога»

Соревнования эти между собой мы так просто и называли – «Дорога». Хотя, конечно, официальное название имелось, и звучало оно как «Первенство Свердловской железной дороги».

Так как добровольное спортивное общество «Локомотив» напрямую относится к железнодорожному хозяйственному ведомству, то наша «Дорога» была первым этапом на пути к всесоюзному центральному совету (ЦС) данного объединения.

Победители первого этапа «Дороги» ехали на второй – ЦС, где за победу получали звание кандидата в мастера спорта и напрямую, без отборочных соревнований, попадали на первенство Советского Союза. Исходя из всего вышеперечисленного, престиж данного турнира был велик.

После каменных соревнований прошло две недели, когда Виталий Васильевич объявил нам о новых соревнованиях, которые должны были пройти в Серове.

Последние бои достаточно удачно складывались для меня. Из семи я победил во всех, притом, что немаловажно, в шести ввиду явного преимущества. Подготовка к новому сезону с прежним тренером, Городничевым Владимиром Михайловичем, была прекрасной. Можно сказать, что я ехал на старых дрожжах и ехал достаточно хорошо.

Понимая это, я решил больше не гонять вес и выступить в более тяжелой весовой категории. Если в Каменске я выступал до 60, то теперь моей категорией стала до 63 кг. В этом был особый резон. Весил-то я реально 61 и поэтому теперь мог позволить себе есть без ограничений.

Были последние дни декабря, когда Грибняк сказал нам прийти в «Локомотив» к 19:00, чтобы уже оттуда всей командой отправиться на вокзал и сесть на поезд до Серова.

Помню, как бабушка удивила меня. Услышав, что я уезжаю в Серов, она назвала этот город незнакомым для меня словом – Надеждинск.

Итак, мы собрались в «Локомотиве», в том зале, где тренировал Белоусов. Обычно пустой по утрам, вечером, он был подобен центральному рынку в воскресный день.

На каждом мешке, подушке, у каждого тренажера, стояли взрослые боксеры и, выполняя задание тренера, неистово их молотили.

Тренер – пожилой пузатый человек, с горбатым от природы носом и высоким, обрамленным кучерявыми волосами лбом. Одетый в синий динамовский костюм, он стоял в центре зала, а вокруг него разбитые на пары бойцы мутузили друг друга.

Отдавая четкие и короткие команды подопечным, он был подобен главарю шайки, находящемуся в центре драки. Это был еще один гений тренерского штаба «Локомотива» Добрушин Леонид Яковлевич.

Тогда он показался мне очень суровым, почти злым.

– Пришел? – бросив на меня мимолетный взгляд, строго спросил Добрушин.

Я ответил, что да, я пришел.

– Ну тогда переодевайся и вставай на мешок, – уже глядя в другую сторону, добавил мэтр.

Я переоделся, наскоро размялся, пристроился к свободной стороне уже занятого кем-то мешка и начал потихоньку его молотить.

Выполняя задание тренера, я все время поглядывал на Добрушина, не смотрит ли он на меня. Леонид Яковлевич меня демонстративно не замечал.

В подсознании была мысль: «Ведь Городничев отправил меня именно к Добрушину, а тот на меня даже и не смотрит. Может быть, он про меня вообще не знает? Вот было бы здорово, если это так, и я останусь у Грибняка. А то этот какой-то злой, а Грибняк добрый».

Думать-то я так думал, но все самое интересное в этом вопросе ждало меня впереди...

Тем временем вечерняя тренировка подходила к концу. Добрушин ушел в тренерскую и только после этого кто-то из ребят поставил на ринг переносной серебристый магнитофон.

Боксеры неторопливо собирали сумки, когда унылое завывание Аркадия Северного «Та-ган-ка!» впервые познакомило меня с репертуаром мэтра отечественного шансона.

Дальше был марш-бросок на вокзал.

«Дорога» проводилась в двух возрастных группах, среди юношей и среди мужиков. Из мужиков в нашей команде были ставшие впоследствии знаменитыми в нашем городе крепкие боксеры Сергей Макарихин и Виктор Киселев.

Были и другие – Валера Пеленев, Вася Волков и еще ряд хороших ребят, имена которых я сейчас не помню. Движущиеся по подземному переходу, мы были подобны потоку горной реки, обойти которую предпочли все идущие нам навстречу привокзальные хулиганы.

Загрузившись в плацкарт, команда вскоре уснула. Ночь прошла быстро. Утром, подбадриваемые вечно энергичными старшаками, мы вывалились из поезда на серовскую землю.

Очень хорошо помню этот момент. Холод и темень. Немногочисленные фонари скупо освещают одинокий поезд. Морозная дымка синим туманом висит над перроном, от холода тяжело дышать, и мы бежим со своими спортивными пожитками к ждущему нас на привокзальной площади автобусу.

На этот раз нам повезло больше, чем в Каменске, нас разместили в центральной гостинице города – «Серов». Отель был в лучших традициях советского гостеприимства. Двухместные номера позволяли отлично выспаться перед предстоящими боями, а многообразное сладкое меню местного ресторана в День сластены явно указывало о заботе партии и правительства о подрастающем поколении.

Серов показался мне тогда городом хлебным.

Вероятно, такая оценка была связана с прекрасной гостиницей, где мы так шикарно жили и сытно питались.

Но, как известно, за все хорошее надо платить, и вечером мы уже разминались в манеже местного стадиона «Локомотив», готовясь показать свое боксерско-гладиаторское искусство жителям города металлургов. В первом бою моим соперником был высокий, крепкий, рыжий парень из Перми. Если я, выступая в весе до 63 кг, весил примерно 61 кг, то соперник мой, выступая в той же весовой категории, судя по его габаритам и физическим кондициям, весил явно килограммов на пять больше меня. Было видно, что несколько лишних килограммов парень

согнал, притом на весы он встал одним из последних, а до этого долго бегал по залу с целью пропотеть.

Первый раунд получился равным. Я работал на дистанции и не вязался. Пермяк давил, пытаюсь затащить меня в размен ударами и навязать ближний бой.

Ситуация кардинально изменилась во втором раунде, когда соперник в одной из атак хорошенько попал мне по голове. Сказать, что это был нокдаун, нельзя. Ну попал и попал, а я как продолжал работать, так и работал. Меня не шатнуло, я не потерялся ни на долю секунды. Все было так же, как до удара, за исключением одного нюанса – вместо четких очертаний соперника, я стал видеть его размыто.

Чтобы понять, о чем я говорю, нужно скосить глаза к переносице и посмотреть на кого-либо или на что-либо. Скосили? Почувствовали? И вот теперь представьте, с каким искажением зрения я вынужден был продолжать этот бой.

Разглядеть и разгадать подготовку соперника к атаке, его финты, раздергивания, движение глаз, я уже не мог, потому что не видел деталей.

Есть такое выражение в боксе «работать вторым номером». Так вот в данном случае я работал номером десятым. То есть лишь тогда, когда рука противника уже летела в меня, я мог ее различить и среагировать.

После пропущенного удара бой перестал быть равным. Я уже не опережал соперника и даже не конкурировал с ним в скорости, а едва поспевал за ним.

В третьем раунде чаша весов окончательно склонилась в сторону пермяка. Единственное, что я мог сделать, оказавшись в такой ситуации, это войти в ближний бой и искать удачи там, пытаюсь перерубить противника на встречном ударе.

Мне казалось, что в ближнем бою наши шансы будут равными, но вскоре выяснилось, что и в этом компоненте пермский боксер был лучше. Более тяжелый и мощный, он окончательно начал одолевать меня, зажав в одном из углов ринга.

Казалось, что большая, темная туча нависла, расплылась надо мной, и на ринг опустилась ночь.

Рассвет в виде множества ламп и огней наступил, когда я, выходя из ближнего боя, четко попал противнику в подбородок правым прямым. Если вы меня спросите, видел ли я, куда бил, отвечу честно – нет. Просто повезло!

Подобно Голиафу, тяжелый пермяк рухнул на настил ринга, сотрясая при этом деревянный помост. Бедняга при счете «9» и слове «аут», он так и не смог самостоятельно подняться на ноги. Нокаут, и моя досрочная победа.

Приятно победить, когда еще несколько секунд назад ты безнадежно проигрывал. Радости моей не было предела. Едва я перешагнул канаты ринга, как вся наша локомотивовская команда бросилась поздравлять меня с такой неожиданной, но от этого не менее заслуженной победой.

Пермяка уводили в подтрибунное помещение, когда Юрка Халеев, секундирующий меня в том бою, дал свою оценку происходящему:

– Да, хорошие кадры Володя Городничев делает!

Через день был финал. Мне попался упорный парень из Нижнего Тагила, у которого я выиграл по итогам трехраундового боя по очкам.

Вообще, вся команда свердловского «Локомотива» выступила очень удачно. Среди моих сверстников турнир выиграла Серега Лесков, Валера Калугин, Радик Карымов, Андрей Авдеев.

В боях у старших, так называемых мужиков, особый интерес вызвал бой нашего тяжа Васи Волкова. Василий был настоящий русский богатырь. Надень на него кольчугу и шлем, и можно было бы сразу, без грима, отправлять его на съемки фильма про Илью Муромца. Широкое рязанское лицо Василия свидетельствовало о доброте его природной натуры, а хорошо поставленный удар служил прямым доказательством утверждения, что добро должно быть с кулаками.

В финальном бою наш тяжеловес в полной мере удовлетворил просьбу товарищей по секции.

– Вася, печень проверь! – крикнул ему наблюдающий за ходом боя Сергей Макарихин.

Василию по два раза повторять не требовалось. Удар куда просили, и соперник досрочно заканчивает свое выступление на турнире. Вася же с чемпионской лентой на груди выглядел очень нарядно.

Помню, как, помимо боксерских навыков, меня поразила и хитроумность наших старших локомотивовских товарищей.

Уже после своей победы в финальном бою Виктор Киселев крутил в руках подаренную ему за первое место шкатулку с ключом в замке. Он открывал ее и закрывал, открывал и закрывал, пока, наконец, не положил ключ внутрь шкатулки и не захлопнул крышку. Мгновенная попытка открыть емкость успеха не принесла, и тогда Виктор, недолго думая, спросил, переодевающегося неподалеку Сергея Макарихина, какой приз за первое место ему вручили.

– Вот! Снова картину дали, – ответил Сергей.

– Опять? – усугубляя сомнения друга, удивился Виктор. – У тебя же уже есть картина.

– И не одна, – безрадостно ответил Сергей.

– Давай меняться! – протягивая другу ларец-шкатулку, предложил Виктор.

– Давай! – радостно согласился Сергей.

Мена совершилась. Виктор взял картину, убрал ее в сумку и стал неспешно собираться на выход, когда Сергей, пытающийся до этого безуспешно открыть шкатулку, обратился к товарищу.

– Витька, а ключ-то где?

– Внутри, – честно ответил Виктор.

Да, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят...

Что же касается моих призов, то мне подарили чеканку, грамоту и красивый красный значок-медальку с мчащимся вперед поездом-локомотивом. Римская цифра I на планке значка определенно указывала, что обладатель одного является чемпионом «Свердловской железной дороги», или «Дороги», как мы ее между собой называли.

Аура

После выигранного турнира я был на седьмом небе от счастья. Общее и без того прекрасное настроение дополняли областные радионовости, выходящие по несколько раз в день.

«В городе Серов завершилось первенство Свердловской железной дороги по боксу среди юношей. Победителями стали...» Далее шло перечисление имен и фамилий, в которых мои персональные данные звучали тоже.

Это было очень приятно. Помню, как к маме на работе подошел ее начальник, старый еврей, и с уважением, которое раньше не прослеживалось, проговорил: «Съышал, съышал. Сын твой по боксу чемпионом стал. Поздравляю!»

Такие слова дорогого стоили.

Все было замечательно, за исключением одной детали.

Я снова впал в состояние, когда после пропущенного удара зрение исказилось. Первый раз это случилось после боя с Толиком и вот сейчас, спустя полгода, история повторилась. Я понимал, что боксировать в таком состоянии – это то же самое, что вместо двух рук работать одной.

Мысль о том, что с боксом пора завязывать, тогда впервые посетила меня.

Я начал размышлять. «Может, это пробитость? – думал я. – Но, с другой стороны, пробитость выражается в другом. Когда такому боксеру попадают, он теряет равновесие и падает. Я же, в отличие от своих коллег, ни равновесие, ни сознание после пропущенного удара не терял. Моя проблема была не в вестибулярном аппарате, а в зрении».

Между тем пойти к врачу и рассказать ему все казалось мне постыдным поступком, который однозначно приведет к расставанию с боксом.

В этом вопросе я торопиться не спешил и решил, как это часто бывает, понадеяться на старый, добрый, русский авось. «Авось, такое больше со мной не случится», – предположил я и, отогнав прочь тугу-печаль, продолжил заниматься боксом дальше.

...Удивительная вещь, а ведь я только сегодня смог наконец-то узнать, что же за проблема с глазами у меня была. В разговоре с женой я рассказал ей, как мне приходилось боксировать после пропущенных ударов.

Когда я подошел к деталям описания своего состояния, она, не думая ответила мне:

– Так это же аура. Глазная мигрень.

Ну что ж, раз название того, что со мной происходило, наконец-то известно, в дальнейшем тексте данное состояние и свое пребывание в нем буду называть – аура...

Заканчивался 1984 год. Помню, как в Театре кукол у нашей школы было что-то наподобие новогоднего бала. Кто-то танцевал, кто-то просто весело проводил время, болтая в компании друзей.

Ко второй категории отдыхающих относился и я. Стоя с друзьями в середине зала, я был одет в коричневый костюм-двойку, и медаль за первое место на первенстве «Дороги», прикрепленная к лацкану моего пиджака, сияла и переливалась под блуждающими лучами светомузыки, как звезда Героя Советского Союза.

Конфликт

...И все-таки, какими замечательными людьми были оба наших локомотивовских тренера!

Интеллигенты не по названию, а по сути. Так как они разговаривали между собой, могли разговаривать только глубоко культурные и, самое главное, воспитанные люди...

Только начавшийся 1985 год по всем статьям сулил быть моим годом.

За первое учебное полугодие я провел девять боев, все выиграл, притом семь досрочно. Было стойкое ощущение того, что мое время пришло, и, подобно барону Мюнхгаузену, я готов на подвиг.

После новогодних каникул я привычно пришел в «Локомотив», где на входе в раздевалку встретил Леонида Яковлевича Добрушина.

Лицо тренера было недовольным, подбородок казался несколько выдвинутым вперед, в глазах таилась обида.

– Переоденешься и ко мне! – надменно сказал он.

Я быстро переоделся и поднялся на второй этаж. Тренировка только началась, и бегущие по кругу друзья улыбкой и жестами поприветствовали меня. Тренер сидел, как всегда, в углу, за столиком с гонгом. Я подошел к нему.

– Ты скажи мне, – сурово начал Леонид Яковлевич, – тебя к кому Городничев в «Локомотив» отправил?

– К вам, – честно, как есть, ответил я.

– Та-а-а-к! – как бы заранее одобряя то, что я не соврал, протянул Добрушин. – А ты к кому пошел?

– К Грибняку, – снова правдиво ответил я.

Леонид Яковлевич посмотрел на меня с каким-то удивлением. Мне даже показалось, что он не ожидал услышать такие простые и честные ответы. Может быть, поэтому следующий его вопрос прозвучал гораздо мягче и, я бы сказал, даже растеряннее:

– А почему?

– Вас не было, когда Виталий Васильевич позвал меня на турнир в Каменск, – начал говорить я. – Я там выиграл, мне тренер очень понравился, хочу заниматься у него.

– Подумаешь, на один турнир вместе съездили! – снова переходя на тон «через губу» протянул Добрушин. – Мы с тобой еще на десятки турниров поедem. И что теперь прикажешь делать?

– А давайте я буду заниматься у него, – тихо проговорил я. – Ездить буду со всеми, но заниматься у него.

– А давайте я буду решать, кто и у кого будет заниматься, – оборвал меня Добрушин. – Вообще-то, в «Локомотиве» по документам старшим тренером записан я. Так что зря вы тут без меня что-то решаете.

Услышав про непонятное для меня старшинство, я несколько оробел. Перемена в моем настроении не могла быть незамеченной опытным тренером.

– Да ты пойми, – снова спокойно, видимо, жалея меня, начал Леонид Яковлевич. – Тебе же лучше будет. У Виталия Васильевича есть парень, очень хороший, будущий чемпион страны, а может, и больше. Он все свое тренерское время будет посвящать ему. Некогда ему будет тобой заниматься. Это объективно. Иди ко мне, я из тебя сделаю хорошего боксера.

Я задумался. С детства брат учил меня не быть предателем. В момент разговора с Добрушиным я посмотрел на себя глазами брата.

Грибняка на разговоре нет, а я, значит, за его спиной, тихонечко договариваюсь о будущей карьере. Некрасиво...

Для полного набора предателя не хватало только ящичка печени и бочки варенья.

– Леонид Яковлевич, – секунду подумав, ответил я. – Я вас очень уважаю, но тренироваться буду у Виталия Васильевича. Вы меня простите, если что не так.

– Ну тогда и ты меня прости, – спокойно, но жестко ответил Добрушин. – Либо ты занимаешься у меня, либо ни у кого. Понял?

– Понял, – ответил я и вышел из зала.

Понять-то я, конечно, все понял, но только вот, выйдя от Добрушина, напрямиком направился к Грибняку.

Леонид Яковлевич, светлая ему память, таких фрутков, как я, видел десятками и потому, доверяя, всегда проверял.

Не успел я зайти за амуницией в раздевалку и выйти оттуда, как Добрушин уже стоял передо мной, заслоняя своим телом дорогу, ведущую в зал к Грибняку.

– Ты че, не понял?! – сделав нарочито суровое лицо, спросил меня Леонид Яковлевич. – Иди домой!

Не знаю, чем бы закончилась вся эта история, не окажись в ту минуту рядом с нами Грибняк.

Подобно Винни Пуху, ввалившемуся в дом кролика, Виталий Васильевич с мороза забежал в локомотивовские двери и, увидев наше противостояние, поспешил присоединиться к нам. Он даже не успел отряхнуть шапку и дубленку от снега, а потому был подобен Деду Морозу, только без бороды.

– Так, что стоим? Быстро на тренировку, – обращаясь ко мне, проговорил Виталий Васильевич.

– Дак вот, – разведя руки в стороны, пробубнил я.

– Никуда он не пойдет! – вклинившись в разговор, отрезал Леонид Яковлевич.

– Ну что значит не пойдет? – переспросил никогда не жалующийся на недопонимание Виталий Васильевич.

Возникла неловкая пауза, прервать которую на этот раз предстояло Добрушину.

– Ну Виталий Васильевич, сколько можно?! – почти взмолился Леонид Яковлевич.

– Это же уже не первый раз такое повторяется... – призывая в свидетели локомотивовские стены, продолжил Добрушин.

– Леонид Яковлевич, я первый этого парня нашел, – в надежде подобрать аргумент парировал Грибняк.

– Да что значит первый?! – не успокаивался Добрушин. – Его конкретно ко мне послали. А вы его перехватили, как обычно.

– Ну что значит как обычно? – удивился Грибняк. – Он сам решил, где ему заниматься. Все, по-моему, честно.

– Виталий Васильевич! – с нотками обиды в голосе, протянул Добрушин. – Так дело не пойдет! Можете на меня обижаться, но я этого так не оставляю.

– Ну как же так, Леонид Яковлевич, – перебирая пальцами рук, бубнил себе под нос Грибняк. – Это же дело добровольное. У нас даже и общество-то так и называется «добровольно спортивное». Выбор всегда должен оставаться за спортсменом.

– Хорошо! – подытожил Добрушин. – Я сегодня препятствовать не стану, пусть тренируется. Но раз уж вы на спортобщество киваете, вот тогда пусть руководство этого общества и решает.

– Пусть, – кивнув головой, по-детски, согласился Грибняк. И, уже обращаясь ко мне, бодро добавил: – Чего стоим? В зал, в зал.

Продолжение этой истории наступило через несколько дней, когда меня вызвали на ковер к председателю Свердловского ДСО «Локомотив».

Нужно отметить, что прицепом со мной в этой истории шел и мой одноклассник Максим Корняков. Четко следующий вы-

бранному мной курсу, он всегда поддерживал мою точку зрения, чем вселял в меня и без того избыточную уверенность и оптимизм.

Мы с Максом пришли в ДК железнодорожников, где располагался кабинет руководителя местного ДСО и присели в приемной в ожидании вызова к начальству. На дверях красовалась золотая табличка с говорящей фамилией Салогуб. Это был председатель нашего спорткомитета.

Разговор не был коротким. Чиновник поинтересовался, сколько у нас проведенных боев, сколько из них выигранных. Услышав наши ответы, он сделал удивленное лицо и проговорил вслух то, что подумал:

– И чего они из-за вас так сцепились? Ничего такого вы еще не сделали.

Далее товарищ Салогуб рассказал нам о спортивном пути в боксе Леонида Яковлевича и о множестве подготовленных им мастеров спорта. Особое внимание в своем рассказе председатель уделил истории о том, что именно Добрушин вложил свою лепту в то, что наш прославленный земляк Олег Кортаев стал самим собой.

Озвучил он и главный аргумент, почему нужно идти к Леониду Яковлевичу.

– Виталий Васильевич – прекрасный тренер, – не кривя душой проговорил товарищ Салогуб. – Прекрасный, но сейчас у него есть хороший парень Леша Пряничников. Он выиграл Союз по молодежи и собирается ехать на мир. Виталий Васильевич при всем желании не сможет уделять вам много времени, так как полностью будет вовлечен в работу сборной.

В конце длинного разговора, который больше всего походил на монолог, Салогуб еще раз, судя по всему, в последний, задал нам судьбоносный вопрос:

– У кого вы хотите заниматься?

Мы хором ответили:

– У Грибняка!

– Да будет так, – сказал чиновник и, пожелав нам удачи в спорте и учебе, исчез из нашей жизни навсегда.

Магнитные бури

Тренировочный процесс у тренера высшей категории Грибняка Виталия Васильевича шел своим ходом. Мы штатно оттренировались две недели в новом 1985 году, когда стало известно, что через месяц, в феврале, в «Калининце» пройдет первенство Свердловской области.

– Соревнования будут с продолжением, – предупредил нас Виталий Васильевич, – победители поедут на Россию.

Первое место на России – это кандидат в мастера спорта. Кандидатом быть очень хотелось. Мы начали тренироваться с удвоенной силой.

Я понимал, что на этот раз мой год является старшим. Определенный опыт у меня уже есть, нахожусь я в прекрасной спортивной форме – нет ни одной причины, чтобы не выиграть эту область. Так, по крайней мере, думал я и был глубоко уверен в своем желании.

Все произошло, как и обычно происходит в боксе, внезапно. Мы пришли на очередную тренировку, а тренера на ней не оказалось. Выяснилось, что Виталий Васильевич вместе с подопечным отбыл на сборы в Кисловодск.

Шла подготовка к чемпионату мира среди юниоров, и присутствие тренера с нашим тяжем в лагере сборной было более чем оправдано.

Роль замещающего тренера была предоставлена незабвенному Виктору Михайловичу Белоусову.

– Та-а-ак! Построились, – услышал я привычно-протяжные нотки.

– Веди разминку! – традиционно обращаясь ко мне, заключил специалист и, как часто бывало, исчез.

«Опять двадцать пять! – подумал я про себя. – От кого ушел, к тому и пришел».

Потянулись дни бестолковых тренировок. Белоусов иногда был на них, иногда не был, но между тем большой разницы в этом я не чувствовал. Ведь я уже тренировался у него и знал, чему и как он может научить.

Раз в неделю приходил Леонид Яковлевич и приглашал нашу группу на совместную тренировку. В отличие от Белоусова, Добрушин был действительно классным тренером. Мастер своего дела, он всегда принимал участие в тренировочном процессе, поправлял и подсказывал, учил и хвалил.

С некоторых пор это касалось всех, кроме меня. Мне же от Добрушина доставались короткие, но многозначительные взгляды, по которым я мог сделать однозначный вывод, что никто не забыт и ничто не забыто. Что ж поделаешь, обижаться в такой ситуации было не на кого, ведь я сам выбрал, у кого мне заниматься.

Однажды в конце одной из таких тренировок были спарринги, и Добрушин определил меня в пару со своим лучшим бойцом. Парень пришел в бокс сравнительно недавно, но был очень хорош и по-Добрушински техничен. Судя по всему, Леонида Яковлевича интересовало, как покажет себя его самородок в бою против меня. И тут я снова разочаровал Леонида Яковлевича, так как закончил бой в первом же раунде. Стремительная атака и нокдаун.

Подготовительный месяц перед областью подходил к концу, когда за неделю до соревнований появился Виталий Васильевич. Приехавший с кисловодских сборов, он сумел настолько удачно подготовить своего воспитанника, что тот стал победителем первенства мира среди юниоров.

Данное событие было выдающимся для всего уральского бокса. Алексей Пряничников стал мастером спорта международного класса, Виталию Васильевичу же было присвоено звание заслуженного тренера РСФСР. И тогда, и сегодня таких тренеров можно по пальцам пересчитать. Тренироваться у заслуженного тренера очень почетно.

Сделав одно из главных дел своей жизни, Виталий Васильевич тут же переключился на дела местного масштаба и, как всегда, с головой окунулся в тренировочный процесс. Понимая, что нужно наверстывать, он практически не отходил от меня в течение недели. Никогда ни до, ни после я так много не работал на лапах, как в эти несколько дней. Время прошло быстро. За два дня до соревнований тренер сказал мне:

– Все, ты готов. Больше тренироваться не надо. Отдыхаешь и в бой.

Вспоминая сегодня те соревнования, могу точно сказать, готов я тогда был очень прилично. Отсутствие Виталия Васильевича, и как следствие, неполноценность тренировочного процесса, думаю, имела место быть, но не были ключевой причиной, оправдывающей мое последующее поражение.

Еще раз: я был уверен в победе в областных соревнованиях и больше думал уже о России, нежели о сопернике, который вышел против меня. А им был боксер из Верх-Нейвинска Владимир Довиденков.

Боксерская школа этого уральского города славилась в середине 80-х своим упорством и техникой одновременно. Лучшим у них тогда, без сомнения, был Тимур Баранов – боксер даровитый и талантливый. На той области он выступал на категорию ниже, а потому другие представители верх-нейвинской школы меня особо не волновали.

Рассказывая об этом бое, могу говорить только о тех ощущениях, которые испытывал я.

Желание попасть противнику по подбородку и отправить его в нокдаун уже в первом раунде было у меня большим. Но, отдавая должное сопернику, скажу честно: в тот день желание не совпало с возможностью. Между тем весь раунд я давил, работал первым номером и, соответственно, обыгрывал его на все 100 %.

Выходя на второй раунд, я был уверен, что вот теперь-то точно достану парня и закончу бой досрочно. Но что случилось в тот момент, ума не приложу. Ноги вдруг стали ватными, руки тоже.

Вместо заряда энергии, который еще несколько секунд назад был в моих мышцах, пришли апатия и лень. Я, конечно, мог боксировать, но почему-то делал все это уже без желания, а больше по необходимости. Уже не атаковал, а защищался, работал не первым номером, а вторым. В итоге раунд получился очень равным. Ничья.

В перерыве судья-информатор сообщил всему боксерскому собранию, что секундирует меня Виталий Васильевич Грибняк, чей ученик Алексей Пряничников, только что стал победите-

лем молодежного первенства мира в городе Будапешт (Румыния). За подготовку спортсмена Виталий Васильевич был удостоен звания заслуженного тренера РСФСР.

Бурные аплодисменты не дали закончить речь информатора. В ответ благодарным коллегам Виталий Васильевич поднял над головой секундантское полотенце и поприветствовал всех присутствующих.

Не знаю, у кого как, но у меня в тот момент появилась уверенность, что данный бой я уже выиграл, жилы можно не рвать, и все, что необходимо сделать, так это просто довести его до конца. Третий раунд прошел как второй – в равной борьбе. Соперник старался больше обычного, а я, наоборот, окончательно потерял силы и желание боксировать.

По окончании боя судьи долго совещались и к моему великому изумлению, рефери поднял руку моего соперника.

Провожая меня с ринга и читая немой вопрос в моих глазах, Виталий Васильевич сказал:

– Ну что тут скажешь... Ты был недостаточно убедителен.

Думаю, что он был прав.

Так уж, видно, мы устроены, что всегда свое поражение хотим свалить на кого-то другого. Старшие ребята после боя говорили, что судьи специально засудили меня в отместку за поднятое Виталием Васильевичем полотенце над головой, типа чтобы он не зазнавался. Я же долго оставался при мысли, что проиграл, потому что почти месяц тренировался без тренера и не смог подготовиться должным образом.

Сегодня же, вспоминая, как во втором раунде силы покинули меня, думаю, что все дело было в тестостероне, ну или в магнитных бурях...

Добрушин

Областные соревнования закончилась. Общее негативное настроение усугублял тот факт, что парень, которому я уступил, в финале сам проиграл боксеру, у которого я раньше выигрывал.

Чувство того, что на месте победителя должен был быть я, еще какое-то время будоражило сознание.

Но лучшее средство забыть о поражении – это подготовка к новым боям.

В начале апреля тренеры сообщили нам радостную новость: нам предстоит поездка на Кавказ, в город Минеральные Воды, на Всесоюзное первенство. Турнир памяти летчика-испытателя Виктора Лызаря был традиционным и считался очень престижным. Как правило, на него съезжались боксеры из всех союзных республик, и победить в таком соревновании было очень значимо.

Весной 85-го как раз набирал популярность альбом нашего доморощенного блатаря Александра Новикова «Извозчик». Воодушевленный предстоящей поездкой, я несколько дней подряд напевал припев любимейшей мне песни: «Родной Кавказ, мы скоро будем вместе встречать в портах большие корабли...»

Какой-то специальной подготовки к соревнованиям не было. Мы тренировались всегда одинаково хорошо и были готовы к встрече с любым соперником на любом поединке.

В качестве наставников нас должны были взять Добрушин Леонид Яковлевич и судья республиканской категории Белоголовый.

Для меня же главным было то, что Добрушин едет с нами. Наконец-то, свершилось то, о чем он мне говорил: «Мы с тобой еще на массу турниров поедем». Но данная новость несколько напрягла меня, так как Леонид Яковлевич после известных событий со мной не разговаривал.

«Как он будет меня секундировать?» – думал я тогда.

Но это было еще не скоро, а впереди меня ждал полет на самолете, первый в моей жизни. Я был уже достаточно взрослым, 15 лет, видимо, поэтому помню все детали того путешествия.

Чувство отрыва лайнера от земли незабываемо. Когда, едва набрав высоту, самолет начал разворачиваться, чтобы лечь на свой курс, я попытался оторвать голову от кресла, голова тут же помимо моей воли вернулась обратно. Это было забавно.

Помню, когда мы приземлились в аэропорту Минеральных Вод и вышли на трап самолета, аромат проснувшейся природы приятно опьянил меня. Ведь до этого я на юге никогда не был, а тут, улетаая из еще заснеженного Свердловска, мы попали в уже зеленый кавказский сад.

Разместили нас в гостинице по два человека в номере. Я жил с тяжем Андреем Авдеевым. К слову сказать, Андрей был единственным из нас, перешедших с «Юности», кто в точности выполнил наказ Городничева. Перейдя в «Локомотив», он пошел именно к Добрушину и остался с ним до конца.

Еще не начиная рассказ непосредственно о турнире, хочу особое место в своем повествовании уделить нашим наставникам и их заботе о нас.

Понимая, что большинство из нас никуда с Урала никогда не выезжали, Добрушин и Белоголовый постарались сделать все, чтобы эту короткую поездку мы запомнили на всю жизнь. И вот теперь по прошествии почти сорока лет могу уверенно сказать, что им это удалось.

Когда недавно один из участников той нашей команды, Серега Лесков, после перерыва в тридцать лет позвонил мне и буквально произнес: «Всесоюзный турнир памяти летчика-испытателя Виктора Лызаря, в городе Минеральные Воды», — я без сомнения, тут же, узнал его.

Итак, вернемся к нашему руководству или, вернее сказать, к его заботе о нас.

Мне кажется, не осталось ни одного из знаковых Лермонтовских мест в окрестностях Минеральных Вод, которые бы тренеры с нами не посетили. Эолова арфа, Лермонтовский орел, Бендеровский Провал, гора Машук. Мы обошли все, что только было можно.

А купленная мной в Эссентуках кружка с носиком для минеральной воды? Она до сих пор лежит где-то дома как напоминание о том нашем путешествии.

Хочу подробнее рассказать о людях, подаривших нам этот праздник.

Судья республиканской категории Святослав Силыч Белоголовый. К тому времени он был уже достаточно пожилым

человеком. Высокий, чуть сутуловатый, с редкими седыми волосами. В памяти он остался как настоящий джентльмен бокса, всегда в белой одежде с галстуком-бабочкой и темных квадратных очках.

Родившийся в Харбине в семье царского железнодорожного инженера, он долгое время жил в Китае и сам принимал участие в профессиональных боях. Не желающий разлучаться с железной дорогой, он все годы своего судейства был рупором ДСО «Локомотив».

Статьи о наших победах, выходящие в течение долгих лет в местных многотиражках, были написаны им. Склонный к поэзии, он смог оставить свой след на земле. Одни из множества написанных им слов запечатлены на памятнике Виталию Васильевичу Грибняку: «Ты в ринг нырнул судьбу слагать, свою и подопечных...»

Вечная память светлому и талантливому человеку!

Леонид Яковлевич Добрушин, этот профессор бокса, всегда общался с нами на равных. Рассказывая нам о себе, он с удовольствием слушал и наши истории, стараясь извлечь из них что-то полезное.

Наслаждаясь достопримечательностями Кавказа, он рассказывал нам и о своем детстве. Как сейчас помню его повествование.

– Во время Великой Отечественной войны я жил в Свердловске, и с пацанами мы бегали шмонать танки, шедшие с фронта на чистку и ремонт. В одном из таких танков я нашел немецкий пистолет, а в другом – останки руки, – поведал нам Леонид Яковлевич.

На вопрос кого-то из нас:

– А где теперь оружие?

Он замолчал на секунду и, заговорщицки озираясь по сторонам, вполголоса произнес:

– Лежит в надежном месте.

Будучи ребенком войны, тренер наш очень хорошо знал цену всем человеческим качествам, и лучшие из них он старался развивать в своих подопечных. Психологом Добрушин тоже был отменным.

Помню, как, шагая по одной из улиц Минеральных Вод, вездесущий Серега Лесков немного отстал от нас и, следуя шаг в шаг за Леонидом Яковлевичем, стал пародировать его походку. Он сделал ноги колесом, выпятил живот вперед, гордо закинул голову вверх и быстрым движением руки забросил волосы назад. Притом лицо, которое скорчил Серега, передало нотки надменности Леонида Яковлевича. Пародия получилась блестящей. Мы начали гасить в себе рвущийся наружу смех.

– Лесков, перестань меня передразнивать! – глядя исключительно впереди себя, проговорил Леонид Яковлевич.

– Леонид Яковлевич, а как вы это поняли? У вас что, глаза на затылке? – спросил обескураженный Серега.

– Запомни, Лесков, – важно ответил Добрушин, – у меня очень хорошее периферическое зрение.

Удивленные, мы проследовали дальше.

Что же касалось моих отношений с Леонидом Яковлевичем, то и в них наметился некоторый прогресс. И хотя сам тренер со мной пока еще не разговаривал, но уже с вниманием слушал, когда я начинал что-то говорить.

Между тем главной нашей задачей на турнире было достойно выступить. Притом важно заметить, что мы уже имели билеты на обратный путь и должны были улететь за день до финалов. То есть даже если бы кто-то из нас и вышел в финал, боксировать там он бы не смог.

Соревнования проходили в большом культурно-концертном комплексе, что-то наподобие нашего «Космоса». Турнир был всесоюзным, а потому народу, и, соответственно, пар было предостаточно. Общаясь перед боем с другими боксерами, помню, как я познакомился с ребятами из Таджикистана, Прибалтики и Молдавии.

Очень сильной на фоне других выглядела команда из Казахстана. Боксеры из этой команды были сухими и техничными. Один из казахов подошел к нам и поинтересовался, откуда мы.

– Из Свердловска, – ответил Серега Лесков.

– Свердловск? – впал в ступор парень. – А это где?

Мы, конечно, объяснили ему, как могли, географию нашей Родины и место Урала в жизни страны. Но лучшим доказательством того, что Свердловск – город боксерский, стало само выступление наших бойцов в первый день соревнований.

Первым на бой вышел Радик Карымов.

Боксируя с хорошим казахом, наш смог убедительно победить того по итогам трех раундов.

Следующим был Валерка Калугин. Ему противостоял представитель Прибалтики. Почин Валеры оказался лучше, чем у Радика, и друг наш смог расправиться со своим соперником уже во втором раунде, послав того в нокаунт.

Но настоящий фурор произвел вечный балагур, пародист и приколист Серега Лесков. Казах, который вышел против него, выглядел очень солидно. Форма сборной республики говорила сама за себя, парень был очень опытный. Начиная разматывать Лескова с первого раунда, чувствовалось, что он работал с запасом и полностью контролировал ход поединка. По крайней мере, мне тогда так показалось. Помню в сердцах я даже успел пожалеть Серегу, что в первом же бою ему попался такой сильный соперник, выиграть у которого будет невероятно сложно.

Но закончился первый раунд, боксеры отправились отдыхать в свои углы. Всегда эмоциональный во время секундирования подопечных Леонид Яковлевич на этот раз был немногословен. Со стороны мне показалось, что он сказал Лескову одну лишь фразу, все остальное время он молчал и старательно обмахивал бойца полотенцем, давая ему возможность продышаться.

Уже после боя Серега поведал нам, что сказал ему тренер. Глядя на своего воспитанника выпученными от удивления глазами, Леонид Яковлевич произнес:

– Сережа! Я тебя не узнаю.

Этого оказалось достаточно, чтобы в самом начале второго раунда, когда уверовавший в свою победу казах пошел в атаку, Серега взял да и встретил его правым полубоковым-полупрямым навстречу.

Сила удара сложилась с движением соперника вперед, и оттого удар получился мощнейшим. Казахский чемпион рухнул на настил ринга. Нокаут.

Первый настоящий нокаут на этом турнире стал делом рук никому неизвестных уральцев. После победы Лескова стало понятно, что свердловские ребята – это серьезно.

Я же в ожидании своего выхода на ринг проводил время с пользой для организма. Обнаружив в местном буфете блюдо с телевизионным для меня названием «шницель», я с удовольствием угощался заморской котлетой в компании с отечественным винегретом. Данное кулинарное сочетание мне так понравилось, что прежде, чем приступить к разминке перед боем, я умял не меньше двух шницелей и столько же порций винегрета.

Итак, мой выход на ринг. Соперник – парень из Невинномысска. Город этот славился тем, что именно туда после победы в чемпионате мира переехал наш земляк Юрий Александров. Вот с представителем этой школы бокса мне и пришлось встретиться в первом своем бою.

Леонид Яковлевич, как бы он ко мне ни относился, должен был выполнять функцию тренера-секунданта. Перед боем он подошел ко мне и строго спросил:

– Размялся?

Я ответил, что да. После этого Добрушин поднял лапы и дежурно прогнал меня на них. Затем, видя, что время не ждет, он так же, как прежде, строго сказал:

– Пошли! – и, набросив мне на плечи полотенце, вывел меня на ринг.

Начался бой. Соперник был хорош и не хотел уступать мне, а потому первый раунд получился равным. Отдыхая в углу, я внимательно следил за эмоциями тренера. Я понимал, что что-то делаю не так, а потому традиционно ждал от секунданта подсказки и установки на второй отрезок боя.

Леонид Яковлевич, подобно древнеримскому атлету, со всех сил обмахивал меня полотенцем, давая таким образом такой необходимый в перерыве воздух. Что же касалось советов, то Добрушин по-рыбьи молчал.

В глазах его читалось, что внутри тренера все клокочет и бучует, он горит желанием подсказать, но засевшая в сердце обида не дает открыть рта.

Гонг о начале второго раунда прервал нашу немую сцену. Я встал и пошел продолжать, Добрушин, зажав полотенцем рот, чтоб не проговориться, терпел и молчал. Во втором раунде соперник выглядел лучше меня. Несомненно, на это повлиял очередной приступ ауры, глазной мигрени, который настиг меня после его удара. Между тем мне удалось продержаться до конца раунда, после чего я без сил рухнул на выставленный в углу стул.

И вот тут произошло то, что сегодня я с уверенностью могу назвать чудом. Секундирующий меня тренер в мгновение преобразился. Ревность и обида уступили место профессионализму и человечности.

Не успел я сесть на стул, как Леонид Яковлевич начал выдавать свои рекомендации, как заведенный. Сейчас я уже не помню, что конкретно он мне тогда говорил, важным было не что, а как советовал Добрушин.

Громко и уверенно, как командир артиллерийского расчета, командующий своим подразделением под огнем противника. Обмахивая полотенцем, он давал мне возможность провентилировать легкие, при этом сопровождая свои действия ценными, как золото, наставлениями.

В тот момент мне было особенно радостно и не потому, что я слышал такой важный для меня совет, а потому что тренер больше не злился на меня, и мы с ним были одной командой, которая не могла проиграть.

Выходя на третий раунд, я начал в точности выполнять все, что сказал Добрушин. Мне кажется, даже мозг мой в тот момент отключился, и я уже не старался ничего придумать и изобрести. Я методично, раз за разом исполнял наказ Леонида Яковлевича.

Успех не заставил себя долго ждать. В середине третьего раунда я отправил соперника в нокдаун и ввиду явного преимущества закончил бой.

Мне кажется, Леонид Яковлевич был больше меня доволен случившимся. И главным здесь было не то, что я точно и сильно попал сопернику по подбородку, а то, что я четко и без отступления выполнил то наставление, которое он мне дал.

После поднятия руки я вернулся в свой угол. Леонид Яковлевич был подобен римскому императору, встречающему вернувшегося с победой полководца. Для полного соответствия античному герою ему не доставало лишь тиары на голове.

– Ну вот! – подводя итог целесообразности своих советов, произнес тренер. – И ничего лишнего не надо было делать.

Накинув мне на плечи полотенце, он уводил меня с ринга с таким достойным и гордым видом, что можно было подумать, что мы только что выиграли чемпионат мира.

Крайним из нас в тот день на ринг вышел тяжеловес Андрей Авдеев. Свой бой он так же, как и все мы, выиграл ввиду явного преимущества в третьем раунде.

Результат, продемонстрированный нами в первый день всесоюзного турнира, был фееричный, вся команда Свердловска прошла в полуфинал. Из пяти выигранных боев четыре были выиграны ввиду явного преимущества.

Перед новыми боями Леонид Яковлевич настраивал нас:

– У вас остался один бой. К сожалению, мы улетаем до финала, у нас уже куплены билеты на обратный путь, и остаться мы не можем. Но вы должны провести этот бой очень достойно. Надо выложиться на все 100 % и победить. У вас уже у всех есть 3-е место. Быть призером всесоюзного турнира – это очень престижно, но постарайтесь сделать больше, станьте финалистами.

Настрой тренера был серьезным, хотя, если честно, нас специально и не требовалось настраивать, так как мы сами все прекрасно понимали и очень хотели победить.

Полуфинальные бои начались для нас с поражения. Радик Карымов проиграл в упорном бою по очкам. Валерка Калугин в таком же упорном бою выиграл. Все ждали боя Сереги Лескова.

Нокаутирующий давеча казаха и выходящий на бой фаворитом, он смог разделать своего очередного соперника под орех

и занять, таким образом, максимально возможное на турнире второе место.

Моя история оказалась менее радостной. Боль в пояснице я почувствовал сразу после выигранного боя. В день же полуфиналов боль резко усилилась и жестким тормозом сковывала все мои действия. Я разминался до последнего в надежде, что все-таки смогу выйти на ринг. Наблюдавший за мной Леонид Яковлевич увидел, что, совершая в бою с тенью удары в корпус, я зависаю в них.

– Что случилось? – подойдя ко мне, спросил тренер.

– Спина болит, – ответил я.

– Боксировать можешь? – уточнил Леонид Яковлевич.

– Да-а, – с сомнением в голосе протянул я.

Тогда Леонид Яковлевич надел лапы и сказал, какие комбинации я должен пробить. Я пробил.

– Снимай перчатки, – грустно заключил Добрушин, – ты не сможешь боксировать.

Сегодня, спустя столько лет, что я думаю о том его совете сняться с боя?

Великий он был тренер и человек был настоящий! Ведь, несмотря на то, что команде были нужны очки и места, он смог понять то, что и мне-то самому было не до конца понятно. Здоровье спортсмена Добрушин ценил выше всех мест и наград, и поэтому спустя почти сорок лет я, кропая эти строки, отдаю ему дань уважения и любви за себя и за всех наших ребят, кого смог подготовить и воспитать великий тренер и прекрасный человек Добрушин Леонид Яковлевич.

Гвардейцы

Интересуясь историей русской гвардии, я натолкнулся на интересный факт.

Первые гвардейские подразделения вышли из потешных полков Петра I – Семеновского и Преображенского. Гвардейское же звание они получили после сражения под Нарвой, когда швед-

ский король Карл XII разбил русскую армию. Поражение могло быть еще более сокрушительным, не прояви стойкость два этих полка. Прикрывая отход остатков разбитых войск Петра, преобращенцы и семеновцы стояли насмерть в арьергарде, давая возможность основным силам отойти. Неся огромные потери, они не двинулись с места до тех пор, пока не получили приказ.

За храбрость и героизм именно после этого сражения полки получили звание гвардейских. Но, как выяснилось, это было не все. Именным приказом царь Петр повелел заменить зеленые чулки гвардейцев на красные в знак того, что гвардейцы сражались «по колено в крови».

Очередное первенство Свердловской железной дороги прошло в городе Нижний Тагил в конце ноября 1985 года. Соревнование это было обычным и ничем особенно выдающимся мне оно не запомнилось, за исключением того, что я заболел.

То есть когда мы выезжали в Тагил, я чувствовал себя вполне нормально и ничего не предвещало никаких неприятностей. Когда же мы приехали в очередной город металлургов и переночевали, то утром я понял, что болею.

Температура была невысокой, и по своему статусу заболевание было ничем иным, как ОРЗ, но сам факт того, что температура 37,5 все ж таки имела место быть, я подошел к Виталию Васильевичу и рассказал о своем состоянии.

- Сколько температура? – уточнил Грибняк.
- 37 с небольшим, – ответил я.
- Как сам чувствуешь себя? – спросил Виталий Васильевич.
- Не очень, – честно ответил я.
- Ну что думаешь? – напрямую спросил меня тренер.
- Думаю, надо сниматься, – прямо ответил я.

На этом наш врачебный консилиум был закончен. Виталий Васильевич начал что-то говорить себе под нос, рассуждать и предполагать.

Точно услышать, что он говорил, я уже не мог, так как тренер развернулся в сторону, противоположную от меня, и поти-

хоньку начал уходить. Одно же слово из его заключительного монолога я расслышал абсолютно точно: «трус».

– Что вы сказали, Виталий Васильевич? – догнав тренера, попытался уточнить я.

– Не важно, – мотнув головой, ответил Грибняк и уже без слов окончательно ушел прочь.

До моего выхода на ринг оставалось пять пар. Как раз оптимальное время, чтобы размяться и подготовиться.

Ни о чем другом в тот момент я думать уже не мог. Варианты закончились, оставалось одно: выйти на ринг и доказать тренеру, что слово «трус» не имеет ко мне никакого отношения.

Фамилию соперника помню хорошо – Агапитов. Представитель тагильской школы бокса был парнем, идущим вперед и хорошо бьющим.

Первый раунд был равным, я боксировал на дистанции, Агапитов пытался навязать мне ближний бой, но безуспешно. Перелом наступил во втором раунде, когда состояние мое ухудшилось, температура поднялась, и один из пропущенных ударов вызвал в моих глазах уже ставшую привычной для меня ауру. Начался ближний бой.

Известно, что в ближнем бою тагильцы особенно хороши. Агапитов исключением не был. Точно попав мне по носу, он сумел расквасить его настолько, что кровь полилась у меня ручьем. Рефери, когда видел, что крови слишком много, останавливал бой, вытирал мой нос и, всякий раз взглянув на главного судью соревнований, продолжал поединок снова.

Второй раунд закончился. Виталий Васильевич, секундирующий меня, кричал изо всех сил, что мне надо сделать. Проникшись азартом боя, мне кажется, он уже сам готов был выскочить на третий раунд вместе со мной, чтобы вдвоем одолеть супостата.

Третий раунд превратился в бойню. Агапитов шел и бил, я не уступал. Когда казалось, что все должно было быть кончено в пользу тагильца, я перехватывал инициативу и начинал лупасить и теснить его.

В заключительном раунде, мне кажется, не было ни одной свободной секунды, чтобы мы двигались в челноке или

финтили на дистанции. Ближний бой, самый откровенный и честный, настоящая взаимная рубка, с брызгами крови, фонтанирующей из моего носа, заполнил собой все время поединка.

Гонг об окончании боя не был услышан нами, и мы продолжали садить друг в друга серии, выясняя, кто из нас сильнее. Как бывает в таких случаях, рефери растащил нас.

После продолжительного совещания руку подняли моему сопернику. Я проиграл.

На утро следующего дня, подойдя в гостинице к зеркалу, я себя не узнал. Удары соперника в нос сделали свое коварное дело, и две огромных гематомы расползлись под оба моих глаза.

«Однако... – подумал я. – Что скажут дома, когда увидят такого красавца?»

Соревнования закончились, мы вернулись домой. Опытная бабушка, увидев мои синяки, не испугалась, а предложила мне компресс из бодяги. Проверенное средство сделало свое дело, и уже через несколько дней я был снова как огурчик.

Что же касается гвардейской истории, то на первой же после соревнований тренировке тренер проводил очередной разбор полетов. Так получилось, что вся наша группа свои бои тогда проиграла.

Называя нам ошибки, Виталий Васильевич по обыкновению журил нас за безынициативность. Я, понимая, что так же, как все, заслуживаю упрека, стоял с опущенной головой, когда услышал слова тренера:

– И только один из вас показал, что он настоящий боец! Посмотрите, как он дрался! – указав на меня, проговорил Виталий Васильевич. – С высокой температурой, по колено в крови... И судьи... Судьи видели, что он настоящий гвардеец, и только поэтому не остановили бой!

Откуда Виталий Васильевич уже тогда знал то, что я недавно прочитал в «Википедии», я не знаю. Может быть, он слышал этот рассказ про гвардию от своего тренера, а тот от своего?..

Шлем

1986 год ознаменовался введением в боксе новых правил. Начиная с этого года, боксеры-любители могли боксировать только в защитных шлемах. Шлемы давно были известны в боксе. Обычно их использовали на тренировках для отработки ближнего боя. Преследуя благородную цель – сохранение здоровья спортсменов, руководители мирового бокса не знали, что приобрести шлем в СССР было большой проблемой.

Честно говоря, я к нововведению отнесся спокойно, шлем так шлем, подать его сюда. Но, к сожалению, сказать оказалось проще, чем сделать, или, вернее, купить этот самый боксерский шлем.

Тренер предупредил нас всех:

– Если шлем не купите, к боям допущены не будете!

Понятно. Я поехал по магазинам искать шлем. Весь спортивный инвентарь, произведенный в нашей стране, продавался в магазинах «Спорттовары». Вот в ближайший к дому я и пошел. На перекрестке улиц Малышева – 8 Марта продавец мне ответил, что шлемы были, но буквально вчера продали последний.

«Эх! Не успел», – подумал я и рванул в центральные «Спорттовары» на проспект Ленина.

– Продали, все продали недавно, – ответили мне там.

После этого мой путь был в другие районы города, где располагались спортивные магазины.

В те декабрьские дни я объехал все, что только было можно. Я был на Уралмаше и Эльмаше, на Сортировке, а когда и там ничего не нашел, то поехал в другой конец города, на Химмаш. И везде звучал один и тот же ответ: «Шлемы были, но несколько дней назад мы их продали».

Помню, даже в одном из магазинов мне посоветовали съездить в Первоуральск, вроде как там они еще остались.

В общем, накатался я за этими шлемами до упаду. При всем при этом, приходя на тренировки, я встречал строгий взгляд Виталия Васильевича, который всякий раз спрашивал у меня, купил ли я шлем. Я честно рассказывал, какие из последних

магазинов посетил, Грибняк вздыхал, охал и советовал съездить в следующий, где я еще не был.

Когда же последний из называемых Виталием Васильевичем спортивных магазинов я безуспешно посетил, он, в очередной раз выслушав мой доклад, убежал куда-то и вскоре вернулся, держа в руках новенький коричневый шлем.

– На вот, держи, – по-свойски проговорил Виталий Васильевич, сунув мне в руки боксерский головной убор. – Леше Пряничникову в сборной выдали два, один вот тебе отдаю.

Шлем был необычный. Он изрядно отличался от тех шлемов, которые удалось купить некоторым нашим счастливицам.

Во-первых, он был тонким и аккуратным, без больших ушей, как у Чебурашки, и с удобной кожаной застежкой. Надежная железная пряжка легко затягивала его под подбородком. На лбу шлема белыми буквами была нанесена надпись «Главспортпром», что говорило об отношении данной экипировки к сборной команде страны. Помимо всего прочего, от шлема исходил свежий кожаный аромат, что свидетельствовало о новизне вещи.

– Спасибо, Виталий Васильевич! – от всего сердца поблагодарил я тренера.

Намотавшись по всему городу в поисках вожака шлема, я был по-настоящему рад, что вопрос решился так просто, да еще и бесплатно для меня.

– Смотри, будь аккуратен, – предупредил меня Грибняк. – С непривычки работа в шлеме меняет глазомер. Закладывай дистанции больше, а то пропустишь удар.

О том, что наши тренеры были профессорами в боксе, я понимал и тогда, но сегодня, когда я пишу эти строки и вспоминаю все что было, уверенность в тренерском профессионализме подтверждается снова и снова.

Вообще, по-хорошему можно было просто делать то, что они говорили, и успех был бы гарантирован.

Касаемо же шлема, то про него, наверное, все. Продолжение главы, собственно, к самому шлему имеет лишь опосредованное отношение, и дальше рассказ будет о вещах вечных.

...Иван занимался с нами в одной группе. У двадцатишестилетнего взрослого мужчины это было второе пришествие в мир бокса. Лучшие его годы и достижения пришлись на годы юности, а теперь он посещал тренировки для сохранения спортивной формы или, как он сам выражался, «для поддержания штанов».

Человек Иван был цельный, серьезный, и я бы даже сказал бывалый. Злые языки поговаривали, что Иван успел отсидеть срок за драку, но в боксерской среде это не редкость, и потому на наше отношение к людям данный факт не влияет.

В общем, Иван был настоящий русский мужик.

В 1986 году мне было 16 лет, я был достаточно техничен, быстр и, самое главное, договороспособен. Уж если кто со мной договорился работать на технику, без удара, то так я и работал. По крайней мере, до того момента, пока этот самый удар в меня не прилетал.

Но не все боксеры на это способны.

...Вот помнится, занимался у нас в группе прекрасный боксер Игорь Алексеев. Он был из одной когорты с Юркой Халевым и Олегом Тисленко – тех, кто прославлял «Локомотив» до меня.

Так вот Игорь был очень техничный, сверхскоростной и хорошо бьющий. Я до сих пор удивляюсь, почему он не стал чемпионом страны, хотя, кажется, чемпионом России он был.

Боксируя с ним на тренировках, уже я договаривался работать без удара, что он по своему более высокому классу и как настоящий мастер поддерживал.

Но стоило только встать с ним в пару, как обязательно мне тут же прилетал жесткий удар в голову. После этого, продолжая спарринг уже в состоянии ауры, я ни на что не мог рассчитывать. И так шансов было мало, а после удара они вообще заканчивались.

Что поделаешь – не всем боксерам дано уметь не бить...

Но вернемся к Ивану. Ветеран наш любил работать в паре со мной. Он честно говорил мне, что я помогаю ему лучше под-

готовиться к возможному инциденту. Ведь мой старший боксерский партнер работал в такси, а там чего только ни случается.

Итак. Я экзаменовал Ивана месяц, когда встал с ним в пару, впервые надев такой выстраданный, но от этого не менее ценный шлем.

– Как работаем? – спросил я старшего товарища.

– На технику, – традиционно ответил Иван. – Без удара.

Мы начали. Пока шла отработка, все было, как обычно, хорошо. Но вот когда начался вольный бой, видимо, что-то у моего напарника пошло не так. То ли я в тот день был быстрее обычного, то ли Иван был с похмелья, но так получилось, что насовал я ему тогда ударов в лицо, как говорится, полную кошелку.

Повторюсь, мы работали «без удара», и потому мои удары, достигшие цели, были не акцентированными и, соответственно, не сильными, а скорее обидными для человека старше меня на десятилетие.

Иначе чем объяснить тот факт, что в заключительном раунде вольного боя напарник мой поймал-таки меня и со всей мочи засадил по бороде.

За пять лет, сколько я в итоге занимался боксом, таких ударов я ни от кого не пропускал.

На мгновение рухнув на пятую точку, я тут же вскочил на ноги.

– Извини, я случайно! – крикнул Иван.

– Ага, понял, – автоматом ответил я. – Давай продолжать!

Договор был нарушен, мне засадили по бороде, и я горел желанием отплатить тем же. Желание отомстить клокотало во мне больше, чем когда бы то ни было.

– Сядь, сядь, садись! – закричал Виталий Васильевич.

Наблюдающий за нашим поединком, он хорошо видел все детали спарринга. Видел он и удар, который я пропустил. Ему, профессору бокса, все сразу стало понятно.

– Садись! – чуть ли не насильно усаживая меня на скамейку, приказал Виталий Васильевич.

– Удар видел? – спросил меня он.

– Видел, – бодро, насколько это было возможно, ответил я. – Правой прямой, навстречу, через руку.

– Да, да, – повторял Грибняк.

– Я хочу продолжить бой, – желающий сатисфакции не уни-
мался я.

– Нет, нет, – успокаивал меня Виталий Васильевич. – На се-
годня, точно все. До дому дойти сможешь?

– Конечно! – не понимая, почему возникли сомнения, отве-
тил я.

– Вот тебе пачка талонов, – Виталий Васильевич протянул
мне первое, что было в его кармане. – Иди домой и отдыхай.
На этой неделе на тренировку не приходи.

– Да все в порядке, – продолжил спорить я.

– Иди, иди, – не терпящим возражения голосом, повторил
Грибняк.

Пока шел наш диалог с тренером, Иван с видом крайнего со-
жаления о случившемся бегал вокруг нас. Со стороны казалось,
что он действительно сам не рад тому, что произошло. Думаю,
так оно и было.

В тот вечер я спокойно добрался до дому, погулял с друзья-
ми и лег спать. И вот тут, когда мозг перешел в состояние покоя,
началось самое интересное. Голова болела не просто сильно,
она разламывалась. Ноющая тупая внутренняя боль не давала
мне спать. Мне кажется, я так и не уснул в ту ночь.

Я и до этого слышал, что при сотрясении нельзя давать че-
ловеку спать. В последующие пару ночей я почувствовал это
правило на себе.

Это было не что иное, как сотрясение мозга – нокаут. Притом,
должен признать, что нокаут был сильнейшим. На восстановле-
ние ушла неделя, но и потом, когда я пришел на тренировку, тре-
нер еще две недели не давал мне работать вольный бой.

Что касается Ивана, то после нашего спарринга с ним в пару
уже никто не вставал.

На этом можно было бы закончить свое повествование
о шлеме и Иване, но так получилось, что у этой истории есть
продолжение.

Спустя много лет после описанного случая судьба снова свела нас с Иваном.

Серьезный человек и успешный бизнесмен, он чудом прошел 90-е, оказавшись тогда в эпицентре известных событий.

Когда мы случайно встретились, он неподдельно был рад. Наше общение продолжилось, и иногда Иван приезжал в гости ко мне. В одну из таких встреч он приехал навеселе.

– Выпьем! – предложил он.

– Ты же знаешь, дружище, я не пью водку, – как есть ответил я.

– Знаю, – с пониманием произнес Иван и добавил. – Тогда можешь просто посидеть со мной, а я выпью сам?

– Могу, – с легкостью согласился я.

Мы сидели, разговаривали, вспоминая бокс, наших тренеров и ребят, занимавшихся в разные годы в «Локомотиве». Иван понемногу выпивал и редко закусывал. Когда же, как сказал классик, он дошел до нужной кондиции, то с прищуром посмотрев на меня, спросил:

– А ты помнишь, как мы с тобой в паре работали?

– Конечно, помню, – улыбаясь, ответил я.

– Да, здорово ты меня тогда оттащал! – окунувшись в прошлое, вспомнил Иван.

– И ты здорово тогда по мне попал! – не уступая старшему товарищу в памяти, дополнил я.

– Да ты пойми, – продолжил Иван. – Я ведь уже тогда мужик взрослый был, а ты пацан зеленый.

– Правда, – не споря, согласился я.

– Вот и представь, каково мне, мужику, который на улице других мужиков ронял, было чувствовать, что его пацан как хочет, так и таскает.

Иван задумался, как будто вспоминая что-то, а потом улыбнулся и произнес:

– А ведь ты тогда такой красавец был! В белом весь и шлем новенький. И делал-то со мной, все что хотел и так, и так, и вот так, – говоря последние слова, Иван показал руками серии ударов на дальней, средней дистанции и в ближнем бою. – Дума-

ешь мне, взрослому мужику, легко было стерпеть такое унижение от пацана?

– Да, наверно, нелегко, – согласился я.

– И я говорю, нелегко. Вот я тогда тебя и ударил, – закончил свою мысль Иван.

Дальше была пауза. Иван задумался на какое-то время, потом налил еще стопку, хлопнул ее и, протянув мне руку, проговорил:

– Прости меня, брат, не должен был я тебя тогда так бить. Мы без удара работали, на технику, я сам предложил.

Я улыбнулся и пожал протянутую руку. Мы обнялись...

Да, не просто это, став большой величиной и очень богатым человеком, попросить прощения за то, что было давно, в прошлой жизни.

С точки зрения православия, поступок этот самый что ни на есть христианский, и я верю, что Господь зачтет его в актив добрых дел нашего товарища по ДСО «Локомотив».

Таран Енгибаряна

Весной 1986 года, придя на тренировку, я застал Виталия Васильевича в каком-то очень приподнятом настроении духа. Уже в то время он практиковал разминку под магнитофон, когда сам, поставив кассету, уходил на время из зала. Звучал популярный хит Валерия Леонтьева «Все бегут, бегут, бегут...», и мы, вторя ему, начинали свой бег.

В тот день, о котором я говорю, Виталий Васильевич кассету не ставил. Сам проведя полноценную разминку, он подошел ко мне и прямо с каким-то трудноскрываемым энтузиазмом проговорил:

– Сегодня мы с тобой начнем разучивать очень коварный удар – таран Енгибаряна.

Далее он рассказал мне, кто такой этот самый Енгибарян.

– Был такой прекрасный советский боксер, олимпийский чемпион Владимир Енгибарян. Боксировал он в весе до 63 кг

и отличался одной уникальной особенностью – руки свои он держал не у лица, а на поясе.

Соответственно, его удары шли также от пояса, и никто не мог понять, куда в следующую секунду полетят его кулаки. Так вот, – продолжал Виталий Васильевич, – Енгибарян разработал один удар, который до него никто не применял. Он теперь так и называется – таран Енгибаряна. Удар очень коварный. Соперник обычно не ждет его, а когда пропускает, то, как правило, уже оказывается в нокауте.

Далее Виталий Васильевич поведал, что удар очень непросто в исполнении, но мы должны научиться его правильно бить.

Зачем научиться и кому должны, я и не думал. Вообще, у нас обычно такие вопросы тренерам не задают. Если он сказал, что должны, значит, должны.

Грибняк всю тренировку объяснял и показывал мне, как бьется этот самый таран. Попробую воспроизвести то, что он говорил.

Руки можно держать по-Енгибаряновски, на поясе, а можно и как в обычной стойке, у лица. Когда левый прямой соперника летит вам в голову, вы шагаете левой ногой вперед навстречу, подседаете на левую ногу и опускаете свою левую руку до уровня пояса и потом, когда рука соперника оказывается над вашей головой, толкаетесь ногами снизу вверх и, выгибая левый локоть внутрь под определенным углом, бьете в подбородок сопернику.

– Если все выполнить точно, то нокаут будет гарантирован, – заключил свою речь Виталий Васильевич.

Продемонстрировав мне технику удара несколько раз, тренер попросил меня пробить его самому. Но только, сколько бы я ни старался, удар у меня не шел.

«То ли я какой-то урод, то ли удар уродский», – думал тогда я, но у меня никак не получалось выгнуть локоть внутрь и при этом ударить сильно.

От прямого удара я уходил легко и даже в подбородок с этой позиции мог ударить сильно, но, со слов Виталия Васильевича, это все был другой удар – апперкот, а ему нужен был от меня таран, именно таран, таран Енгибаряна.

Целую неделю я безуспешно пытался научиться тарану, но ничего не выходило. Тогда Виталий Васильевич, видя мое усердие и упорство, пошел мне навстречу, предложив разложить удар на части и отрабатывать его, таким образом, по частям.

В зале была старинная, выдавшая виды белая подушка. Поставленная изначально под углом в 45 %, она была призвана отрабатывать удары снизу, в корпус или в голову. Виталий Васильевич приставил меня к этой подушке, показал, что я должен делать и стал следить за мной.

Я не помню, чтобы когда-то до или после этого мы с такой щепетильностью отрабатывали какой-нибудь удар, но в отношении тарана Грибняк был непреклонен.

– Ты должен научиться его бить! – настаивал тренер. – Он тебе очень пригодится!

В общей сложности на таран у меня ушел месяц. Помню тот счастливый день, когда Виталий Васильевич поставил мне лапы, и я пробил именно так, как он от меня и требовал.

– Молодец! Вот так и бей! – оценил и одновременно напутствовал меня на будущее Виталий Васильевич.

Скажу честно, я не помню, чтобы за оставшееся время занятия боксом я применил этот удар в бою.

Зато я точно помню, где и в какой ситуации этот удар пригодился мне как никакой другой, потому что пробить по-другому я просто физически не мог.

Но не буду забегать вперед и расскажу обо всем по порядку.

Летом 1988 года я оказался в армии. Как и зачем я туда попал, история отдельная, и, возможно, я к ней позже еще вернусь. Сейчас же я хочу рассказать только один эпизод из своей армейской жизни.

Когда нас после карантина перевели в учебку, я с радостью узнал, что сержант наш земляк, уралец.

– Откуда ты? – подойдя к командиру соседнего взвода водителей, спросил я.

– Во-первых, не ты, а вы, – жестко поставил меня на место сержант. – Во-вторых, как ваша фамилия, товарищ солдат?

Обескураженный, я назвал свою фамилию.

– Я запомнил вас, солдат, – пообещал мне старший по званию. – Теперь, когда вы будете попадаться мне, я буду спрашивать с вас вдвойне.

Ну что тут скажешь, когда в первый же день пребывания в учебке тебе объявляют о том, что ты на особом счету. И обиднее всего было то, что говорил это твой земляк. Хотя именно в этом вопросе ясность наступила позже.

Оказалось, что сержант наш, который декларировал свою уральскость, был и не уральцем вовсе. Эвакуированный после взрыва Чернобыля из Припяти в Каменск-Уральский парень был нашим лишь по прописке, но никак не по духу.

Между тем земляк – не земляк меня запомнил и, пока был командиром у соседнего взвода, изгалялся над нами как мог. Хотя, наверно, я сужу слишком строго, так как ничего противопоставного с его стороны не было, а то, что он требовал от нас, было, как он считал, для нашей же солдатской пользы.

То есть, когда кто-то из солдат отставал на утренней пробежке, он командовал, чтобы вся рота села в глубокий присед и шла вперед гусиным шагом, пока «скороход» не догонит основной пелотон.

Вы можете сказать, что в этом ничего такого нет, и он воспитывал нас через коллективную ответственность, прием известный для советских казенных учреждений. Да, наверно, вы правы. Но попробуйте пройти гусиным шагом из низкого приседа хотя бы метров 20. А мы ходили несравнимо больше.

И основная подлость этого шага заключалась даже не в сложности физического исполнения дебильного упражнения, а в том, что ходили-то мы в сапогах, сапоги были начищены ваксой, и после этого, с позволения сказать, упражнения армейские форменные брюки-штаны становились настолько грязными, что их приходилось стирать. А в грязной форме солдат быть не может, вот и стирали мы свою форму после каждой такой зарядки.

В общем, когда мы шли этим самым гусиным шагом, не было такого человека в роте, а это, около ста солдат, кто не поклял-

ся бы приехать после армии в Каменск-Уральский, найти нашего дорогого сержанта и разбить ему хлебало.

Что же касается лично меня, то сержант меня очень невзлюбил и при первой возможности старался всегда докапываться до меня.

Культивирующий на гражданке здоровый образ жизни, парень был качком, ну или культуристом, как их тогда уже называли.

Про таких физкультурников один мой приятель говорил коротко, но емко: «Здоров бес!»

И слова эти в самую точку. Сержант мог легко пробежать кросс 10 км в кирзовых сапогах, отжаться сто раз за подход, подтягивался он на каждой руке по 10 раз, ну и самое главное: внимание! – он двигал стены.

Последнее занятие сержанта меня не просто удивило, оно меня шокировало.

– Зачем он это делает? – спросил я сослуживцев.

– Статика, – пояснил мне склонный к качу солдат.

Сержант знал, что я занимался боксом, и все никак не мог успокоиться в вопросе, кто сильнее он – качек или я – боксер. Помню, как он предложил мне растянуть свернутые в несколько раз длинные резиновые бинты. Я попробовал, бинты не тянулись. Тогда сержант выхватил у меня резинки и, громко считая количество сделанных им повторений, растянул бинты раз десять или двадцать.

– Теперь понял?! – обращаясь ко мне, победно возгласил он. – Только я могу из всех вас сделать такое упражнение.

Слушая и наблюдая его лоховские выходы, я всегда делал понимающе тупое лицо и со всем соглашался. Это еще больше нервировало сержанта и не давало покоя его обделенному вниманием эго.

Притом касаясь прямого столкновения моего с сержантом, повода проверить его пресс у меня не было, так как он все делал по уставу, а если и не по уставу, то все ровно устав тут же вспоминал, когда понимал, что въехал в забор.

Его лебединая песня продолжалась полгода и закончилась, когда командир полка поймал его катающимся ночью с подругой на уазике по автопарку.

– Разжаловать в рядовые и из командиров учебки перевести в обычную роту! Пусть послужит как другие, – дал приказ командир полка.

Сказано – сделано. У парня перед всем строем срезали лычки на погонах и перевели в соседнюю роту МТО (материально-технического обеспечения). Сказать, что экс-сержант был расстроен, не сказать ничего. Блатная жизнь для него закончилась, что не преминуло сказаться на его психике – он стал более раздражительным, нервным и злым.

Полгода в учебке пролетели быстро. Мы окончили обучение и разъезжались по точкам. В нашем взводе осталось человек пятнадцать, не больше.

В то холодное ноябрьское утро мы стояли перед входом в столовую. Сержант нашего взвода радистов скомандовал:

– Взвод, для приема пищи в столовую по одному, шагом марш!

Мы пошли. Так уж получилось, что в этой цепочке я стоял первым. Первым и пошел.

– Бизоны стоять, черпак идет! – Раздался знакомый моему уху возглас разжалованного сержанта.

Тут надо немного пояснить. Там, где я служил, отголоски армейской дедовщины витали в спертom казарменном воздухе. Солдат, не дослуживших до года, старослужащие называли униженно – бизонами. Те же, кто отслужил год, были, соответственно, черпаками. Бизоны должны были слушаться черпаков безоговорочно, предвкушая радостный день, когда из бизонов, подобно гусенице, превращающейся в мотылька, они оборотятся в черпаков.

Итак, наш бывший командир выкрикнул девиз старослужащих, чем признал, что, не сыскав счастья в жизни официальной, по уставу, он, пересев на другой велосипед, ударился в дедовщину.

– Стоять, бизоны! – еще раз крикнул бывший.

Ребята по старой памяти боялись его. Не успев привыкнуть, что он уже не командир, солдаты остановились и позволили гордому человеку пройти вперед себя в столовую. Касаемо гор-

дости, ее было в избытке, так как парень шел с высоко поднятой головой и расправленными во всю ширь плечами.

– Ты че, не понял?! – обращаясь ко мне, заорал культурист.

Дело в том, что я или задумался о чем-то и не слышал команды отставника, или, что скорее всего, специально ждал подходящего повода, который наконец-то представился. В общем, и после второго окрика я шел как шел, не останавливаясь.

– Пшел отсюда! – догнав меня, заорал бывший сержант и, о горе, ударил меня кулаком в спину.

Я развернулся. В этот момент сержант хотел отмахнуться от меня, как от назойливой мухи, чтобы освободить для себя дорогу, но, как говорится, не тут-то было.

На автомате, не думая, я пробил ему серию в табло. Левый и правый были прямыми, далее шел левый боковой и замыкал комбинацию, правый прямой, оказавшийся контрольным.

Бывший сержант рухнул, освободив тем самым проход для идущих за ним сослуживцев.

Все, как по писанию: «...И последние стали первыми» (Лк 13.30).

Скажу честно, сержант был парнем крепким, а потому поднялся быстро. Кровавая сопля, выбегающая из ноздри, разнообразила его доселе серое лицо.

– Ты это че? А?! – до конца не понимая, что произошло, завопил бывший взводный. – Ты это меня? Ты это как?!

Вопросов было очень много.

Ну, во-первых, парень видел себя уже сидящим за столом и поедающим вкусную армейскую кашу, во-вторых, такой прыти от кого бы то ни было, включая меня, он не ожидал и, в-третьих, его авторитет, распиаренный отжиманиями, подтягиваниями, растяжением резинок и толканием стен, рухнул в одночасье.

В это время вся наша процессия переместилась с улицы в тесный столовский тамбур. В нем нас набилось человек двадцать, включая нашего сержанта-радиста, еще не побитого мной, сержанта побитого, и человек 15 моих сослуживцев.

За данное время еще пара старослужащих подтянулась в столовую на завтрак. Войдя в тамбур, они поняли, что произошло, и ожидаемо встали на сторону своего коллеги, то есть черпака.

– Ты как сегодня спать будешь? – стоя напротив меня и не решаясь напасть, угрожал мне экс-сержант. – Мы же сегодня всей ротой к вам придем и тебя по ночнику забудем.

В этот момент, сделав очередное тупое лицо, я слушал перспективную рекламу приближающейся для меня кровавой ночи.

«А ведь и правда, – подумал я тогда. – Ведь придут за своего-то постоять. А их там ни много ни мало человек под семьдесят наберется, а нас, молодых, 15 осталось, да и то каждый за себя».

«Может, дать ему ударить себя пару раз, и все спишут на обоюдную драку и ничего сегодня ночью и не будет?» – рассуждал я, стоя в столовском тамбуре.

Время шло. Глядя на оппонента, я понял, что через секунду-две он точно кинется на меня в драку.

«Пусть ударит несколько раз, и будет обоюдка», – решил я, видя надвигающуюся атаку культуриста.

– Держите его! – предусмотрительно заорал экс-сержант своим сторонникам.

Наш сержант, вторя своему другу, дал команду на этот раз уже моим сослуживцам, то есть своим подчиненным.

– Ребята, приказываю вам, держите его руки, не давайте ему драться!

С десятков рук намертво вцепились в меня. Мне кажется, на каждой моей руке повисло тогда человек по пять. Мои руки были прижаты к туловищу, и, помимо этого, их еще и держали так, что пошевелить ими я не мог.

Удостоверившись, что в меня вцепились достаточно крепко, бывший сержант пошел в атаку. Сблизившись со мной, он начал бить меня по голове. При этом выражение его лица в момент ударов было таким, с каким обычно бьют своих врагов герои голливудских фильмов.

Ожидая от качка мощных и тяжелых ударов, я начал вертеть головой, уходя с линии огня.

– Получай! Получай! – орал бывший сержант, нанося по мне непонятно какие удары.

Удары были непрофессиональными, а потому несильными. Мне, привыкшему терпеть удары в боксе, все это напомнило какой-то балаган, где с другими шутами я сам играю роль паяца.

«Меня, человека, отзанимавшегося пять лет боксом, бьет какое-то чучело?! – в сердцах подумал я. – Пора заканчивать это шоу».

В тот момент гордость взыграла во мне. Я уже не хотел давать возможности сержанту свести наш конфликт к ничьей и избежать таким образом ночной расправы от старослужащих.

Решение атаковать в долю секунды было принято мной. Мозг-то решение принял, а вот чем атаковать, когда твои руки со всех сторон держат супостаты, неизвестно.

Я начал высвобождать свое оружие из цепких лап.

Сделать это было непросто. Правую руку, как я ни пытался, освободить не получилось. С левой мне повезло больше. Видимо, народу на ней висело меньше, чем на правой, и потому я сумел-таки выкрутить ее из объятий врагов.

Все это время экс-сержант не переставал садить в меня свои пародирующие бокс удары. Больно не было. Было обидно!

И вот свершилось! Я высвободил левую руку и уже приготовился пустить ее в ход. При этом позиция, в которой я оказался, уходя от ударов противника, была именно та, что соответствовала подготовке к тарану Енгибаряна.

То есть, избегая удара сержанта, я ушел под его руку, присел и, спасая свою левую руку от лап сослуживцев, подтянул ее к поясу. В этот момент, взглянув вверх через лес рук, разделяющих меня и сержанта, я увидел единственную щель, ведущую к его подбородку.

Траектория удара полностью соответствовала тому, что мы разучивали с Виталием Васильевичем. Я пробил.

В тот момент экс-сержант уверенно набирал очки, нанося удары по моей беззащитной голове. Возможно, он думал, что еще немного, и я упаду, а он победит, когда прилетевший снизу,

как ракета с подводной лодки, удар, выключил рубильник в его голове...

Что было потом, как говорится, это уже совсем другая история. Я и так считаю, что оторвал у читателя слишком много времени, занимая его внимание банальными подробностями рядовой для армии истории.

Делаю же я это потому, что еще и еще раз хочу сказать спасибо нашим великим тренерам!

Ну кто, кроме Грибняка, мог придумать, что таран Енгибаряна будет мне настолько необходим?!

Часть четвертая

СБОРНАЯ ОБЛАСТИ

Прописка

Лето 1986 года ознаменовалось для меня тем, что в июне месяце я сотоварищи по школе был отправлен для прохождения упэкашной практики на Свердловский инструментальный завод.

Было такое обязательное движение в школах Советского Союза – практика на учебно-производственном комбинате. А так как на УПК я постигал азы металлообработки, то для совершенствования токарных навыков меня приписали к Свердловскому инструментальному заводу, или СИЗу как его сокращенно называли.

Работать из-под палки я никогда не любил. Единственный случай, когда я получал удовольствие от физического труда, был связан с ремонтом нашего спортзала в «Юности». Тогда Владимир Михайлович Городничев смог пропитать нас любовью к труду, но, к сожалению или к счастью, кому как судить, на нем эта любовь началась, на нем и закончилась.

Итак, целую неделю числясь на заводе, я пытался имитировать бурную деятельность, испортив при этом не один резец и отправив в брак не одну болванку. Ущерб, нанесенный мной советскому машиностроению, мог быть несравненно больше не приди мне вызов на областные сборы в город Карпинск.

Не ставя никого в курс, я исчез с завода так же незаметно, как и появился.

Нет, друзья, конечно, знали, что товарищ их поехал защищать спортивную честь области и как могли объяснили руководству завода данный поворот. Заводские объяснение приняли и даже были несказанно рады моему внезапному отъезду, так как резцы и детали были целее без меня, чем со мной.

Упэкашное же руководство мой отъезд опечалило, что послужило поводом для конфликта с мастерами-преподавателями по моему возвращению в первые дни сентября.

В общем, в середине июня я собрал манатки, сел в поезд и отправился в Карпинск.

Вместе со мной на сборы должен был ехать еще один представитель нашей локомотивовской школы бокса Федя Купин. Отзанимавшийся у Леонида Яковлевича Добрушина всего год, он зарекомендовал себя крепким и ударным бойцом, успевшим провести десять боев и во всех одержать победу. По какой причине у него не получилось поехать на те сборы, я не помню, но точно знаю, что ехать в компании с ним мне было бы веселее...

Итак, я уехал один.

Северный город Карпинск не был, как остальные города Урала, городом металлургов, он был городом шахтеров и горняков. Об этом свидетельствовали и названия городских заведений.

Расположенная в самом центре города гостиница «Горняк» встретила меня ароматом приготовленного завтрака и суетой ее боксерских постояльцев.

Поезд в Карпинск пришел рано утром, и поэтому, когда я поднимался по гостиничной лестнице в поиске своего номера, навстречу мне, подобно гороху, высыпала вся юношеская сборная Свердловской области.

Вглядываясь в заспанные лица боксеров, я пытался определить своих будущих соперников, то есть тех ребят, кто мог быть со мной в одной весовой категории. Честно сказать, мало что у меня из этого получилось, так как, только возникнув передо мной, вся процессия тут же пропала из виду, уносясь на утреннюю пробежку.

Повторюсь, гостиница находилась в самом центре города, а по соседству с ней был шикарный по тем временам зеленый

парк. Идеальное место, чтобы жить и проводить утреннюю разминку, так сказать, не отходя от кассы.

На завтраке, на который я, конечно же, успел, мы уже были все вместе, и кто-то с любопытством, а кто-то с надменностью рассматривали вновь пребывавшего новичка, то есть меня.

Человеческое общество устроено очень интересно. Находясь в определенных ситуациях, люди ведут себя определенным же образом. Притом не важно, где они находятся: в пионерском лагере, в армии, на спортивных сборах, как мы тогда, ну или в тюрьме.

Мое первое знакомство с областной командой напомнило мне сцену из фильма «Джентльмены удачи», когда директора детского сада, переодетого в уголовника Доцента, привели в барак, и он встретился с отрядом, где ему предстояло отбывать срок.

Итак, я стоял в столовой на раздаче, когда ввалившаяся после разминки команда увидела меня. Кто-то начал сразу ставить свой поднос на мой, кто-то залез вперед меня, а кто-то уже был готов, толкнув меня плечом, задать ряд принципиальных вопросов. Классическая прописка со всеми сопровождающими ее нюансами была в действии.

– Сашка! – закричал позже всех вошедший в столовую парень. – Сашка! Это же Сашка, мы с ним еще в «Юности» вместе занимались!

Растолкав обступивших меня коллег, парень подошел ко мне и, протянув руку, громко закричал:

– Здорово, брат!

Левка Исянов, друг по «Юности» в прямом и переносном смысле, легковес, выросший до моих размеров, довольный и веселый, стоял напротив меня.

Мы обнялись, похлопали друг друга по спине и через минуту уже сидели за одним столом, уминая вкусный шахтерский завтрак.

Тренировки, тренировки, тренировки

Жить я устроился у Левки. Номер на четверых был достаточно уютным и светлым. Из боксерских постояльцев, кроме Лев-

ки, был тяж Андрей Башкирцев и еще кто-то из свердловских ребят, кто точно, я уже не помню.

– В 12 часов вторая тренировка, – сказал мне Левка, – готовься!

– А сколько всего тренировок в день? – уточнил я.

– Три, – улыбаясь, ответил Левка.

На дневную тренировку мы поехали с комфортом, на трамвае.

Местный трамвай – это отдельная история, он был в городе один-единственный и ходил по одной колее. Доехав до одного конца города, трамвай разворачивался на небольшом кольце и мчал в обратный конец по тем же рельсам. Конечная остановка располагалась недалеко от стадиона, где нам и предстояло проводить основное тренировочное время.

Карпинский стадион состоял из футбольного поля, обрамленного гаревыми дорожками для бега, и двухэтажного здания, где на первом этаже был зал для тренировок с небольшим рингом, мешками и прочим спортивным инвентарем, а на втором – игровой зал, где в центре на время боксерских сборов ставился большой ринг.

Тренировка началась со знакомства с тренером. Так как я прибыл в последней волне, то познакомиться нужно было только мне.

Тренер спросил, как меня зовут. Я назвал. После чего он по всей форме представился мне:

– Ивкин Николай Иванович, главный тренер сборной области по боксу.

Невысокий, в коричневом пиджаке поверх синей олимпийки, с кареобразной прической и черными усиками. Чем-то напоминающий солиста ансамбля «Сябры», Николай Иванович был мало похож на боксера, а больше напоминал какого-то инженера или техника. Но красивый значок на лацкане его пиджака с надписью «Заслуженный тренер СССР» развеял всякие сомнения о профессии этого человека.

Говорил Ивкин быстро, но при этом немного растягивал слова. Говор его сразу показался мне знакомым, а уже потом, когда мы лучше узнали друг друга, он рассказал, что родом с Вятки.

Бабушка моя была вятская, а потому нотки знакомого с детства вятского диалекта звучали для меня по-отечески.

Первым заданием, которое дал нам Ивкин на дневной тренировке, был бег вокруг футбольного поля. Дистанция три километра выглядела для меня сродни полноценной тренировке. На сборах надо себя показывать. Не желая плестись в хвосте, я занял место в первой тройке и, пыжась, держался в лидерах несколько кругов.

Скажу честно, до своего приезда в Карпинск, я не занимался почти месяц. Сидя на практике в заводском цеху, мне очень нравилось поглощать беляши. И вот теперь, держа лидерство в забеге, я чувствовал, как пирожки улечучиваются.

– Слышь ты, новенький, ты так не старайся! – услышал я слова бегущего рядом старосты группы Олега Бреуса.

Клянусь, мне тогда показалось, что столовские смотрины с пропиской не закончились, а перенеслись на футбольное поле, и человек, который так грубо ко мне обращается, заслуживает подобного ответа.

– Че ты хочешь?! – ответно буркнул ему я.

– Да ты не понял, – уловив мой настрой, поспешил успокоить меня староста. – Не выкладывайся так сейчас. Впереди еще вечерняя тренировка. Ты так не выдержишь.

Секунду назад я готов был усмирить наглеца, а теперь, поняв, что парень желает мне добра, мне стало смешно.

– Спасибо! – быстро поблагодарил я сердобольного парня и перешел из тройки лидеров в середину группы.

Вообще нас было человек 20. Сборы были трехнедельные, две недели из которых уже прошли. Выживших ждали спарринги, по результату которых тренеры должны были отобрать самых достойных для участия в первенстве Урало-Сибирской зоны России.

После первой же тренировки я понял, что моя спортивная форма далека от идеала. Ребята тренировались уже давно и выглядели очень прилично, я же был в самом начале тренировочного пути.

Догнать коллег и попасть в сборную – было главной задачей для меня в те дни.

Сказать, что я работал до седьмого пота, не сказать ничего. Я пахал как папа Карло. После кросса были отжимания. Совокупно мы отжалась, наверно, по тысяче раз, так что руки в конце дневной тренировки не гнулись совсем.

Между тем занятие было закончено, и нас ждал обед. Отобедав в гостинице, ребята пошли гулять. Я же, добредя на автопилоте до номера, шлепнулся в постель и заснул таким богатырским сном, что проснулся лишь к вечеру.

И снова трамвай, поездка на стадион, где на этот раз нас ждала полноценная тренировка.

Там было все – разминка, отработка задания в парах, ну и апофеоз любого занятия – вольный бой. Партнеры в вольном бою не были одними и теми же. Постоянно меня соперников, Ивкин лишал нас малейшей возможности привыкнуть к своему визави. Каждый новый раунд все начиналось сначала: и разведка боем, и атаки, и работа на отходах, и желание точно попасть сопернику, и задача не пропустить самому.

В конце тренировки было легкая ОФП, работа с отягощениями, заминка.

Выйдя из тренировочного зала, я почувствовал себя совершенно уставшим.

И вот тут, когда, вождедея о горячем душе я встал под кран, ледяная карпинская вода добила меня окончательно. Крик отчаяния невольно вырвался из моей груди.

– У них уже месяц горячей воды нет, – понимая, что случилось, из соседней кабинки объявил вездесущий Левка. – Мы-то уже привыкли, и ты скоро привыкнешь.

Левка не соврал, в конце сборов я не просто спокойно стоял под ледяной водой, я, можно сказать, плескался в ней, представляя, что это горный ручей, а я – преодолевший пустыню путник.

Досуг

Неделя на сборах пролетела быстро. Три тренировки в день оказались для меня более чем утомительными, и потому мой организм самостоятельно перешел в экономичный режим работы.

Все свободное время между тренировками и приемом пищи я спал. Остальные радости жизни оказались для меня недоступны.

Между тем радости были, было их немало, и среди множества их разнообразия встречались даже самые экстравагантные.

Однажды вечером группа наших боксеров стояла у входа в гостиницу, соображая, куда себя деть. Сказать, что банду возглавлял Левка, было бы неправильно, так как старших у нас не было и все были на равных. А все – Арсен Галустян, Эдик Бабанов, Андрей Осалихин, Сява, ну и, конечно, Левка собственной персоной.

Про Сяву в этой истории стоит сказать отдельно.

Парень этот был родом из города с самим за себя говорящим названием – Волчанск и звали его, конечно, не Сява, а Слава, Слава Юсупов. Славка был парень в доску свой. Балагур и весельчак, на сборы он приехал с гитарой, и вечерами на зависть и удивление всем нам он играл на ней легко и непринужденно.

За манеру пения и за внешнее сходство ребята прозвали Славу-Сяву Челентано. Прозвище, данное товарищами, Сяву удовлетворяло, и всем своим поведением он старался не отставать от своего итальянского оригинала.

День клонился к закату, когда представителям сборной области стоящим у входа в отель представилась женская фигура, идущая от горизонта в их сторону. Большущие чемоданы в обеих руках указывали на то, что молодая дама, а дама была молода, не старше 25 лет, совершает вояж в одного.

– Добрый вечер, мальчики! – многообещающе поздоровалась таинственная незнакомка. – Не подскажите, где в этом городе гостиница?

Наши, обалдевшие от такого счастья, наперебой стали тараторить, что именно около гостиницы дама с чемоданами и стоит.

– Какая удача! – обрадованно произнесла девушка и в попытке поднять свой багаж, одарила нашу молодежь очаровательной улыбкой.

Лицо незнакомки было милым, приятным и имело все основания претендовать на начальную степень красоты, именуемую в просторечье симпатичностью.

Да, девушка была определенно хороша.

– Вам помочь? – наперебой загалдели наши донжуаны, а самый расторопный из них, Сява, не дожидаясь разрешения девушки прикоснуться к ее вещам, схватил огромный чемодан и без спросу поволок его в гостиничный холл.

– Какой он милый! – одаривая улыбкой остальных, проговорила девушка.

Милыми в тот вечер хотелось быть всем, а потому средневес Арсен, указывая своему товарищу на чемодан, сказал:

– Боб, ну что ты стоишь? Бери чемодан и тащи его наверх.

Боб, он же Эдик Бабанов, был парнем, выступающим в тяжелой весовой категории. Своими физическими кондициями он заметно выделялся среди нас всех, но когда он схватился за ручку чемодана, чтобы поднять его, то невольно крикнул и только со второй попытки, оторвав чемодан от земли, смог затащить его внутрь.

Следуя за дамой по лестнице, те из наших ребят, что были налегке, обратили внимание на фигуру незнакомки. Фигура была точеной, объемы достаточными, и все вместе это выглядело очень аппетитно.

Боксеры в гостинице были своими. За время сборов они уже успели набить оскомину администратору и потому, не споря с ними долго, ответственный работник быстро заполнила анкету, выделив незнакомке номер на одном этаже со звездами уральского бокса.

Ребята, схватив злополучные чемоданы, доперли их до нужного этажа, девушка, взяв под руку Сяву, поднялась налегке сама.

– Все добрые дела всегда должны быть оплачены, – войдя в номер, заявила симпатичная девушка и предложила ребятам остаться у нее испить чай.

Чай заварили быстро, благо наши в гостинице знали где что лежит. Печенье и конфеты девушка достала свои. Воодушевленный повышенным вниманием незнакомки, Сява быстро сгонял за гитарой, начался творческий вечер.

Выпив чаю и закусив его печеньем, Сява на глазах благодарной публики в очередной 101-й раз превратился в Адриано Челентано.

И если для наших ребят такое Сявино перевоплощение было привычным, то молодая дама слушала с повышенным вниманием все, что играл и пел наш трубадур.

Может быть, именно поэтому, заслушавшись очередным Сан-Ремовским хитом, девушка невольно присела на колени к Левке и начала гладить рукой его короткие, постриженные под еж волосы.

– Какой ты красивый! – с придыханием, нараспев, с интонацией театральной актрисы, произнесла таинственная незнакомка.

– Это я-то красивый? – попытался уточнить Левка.

– Конечно, ты, – без раздумий ответила незнакомка. – Вы все здесь красавцы!

В мгновение ока дело стало приобретать интимный оборот.

– Сява, мы, наверно, пойдем, – полуспросил, полуутвердил Левка, обращаясь к шпарящему на гитаре другу. – Сегодня, мне кажется, твой вечер.

– Пай, пай, пай, пай, пай, – кивая головой после каждого слова, на итальянском, пропел Челентано-Сява.

Маяк единодушно был принят друзьями, и, уступая трофей без боя, ребята покинули номер незнакомки.

Ретировавшись, боксеры устроились в одном из своих номеров и стали ждать.

– Повезло Сявке! – не скрывая зависти, проговорил Эдик Боб.

– А я тебе говорил, учись на гитаре играть, и все девчонки твоими будут! – упрекнул друга Арсен.

– Что-то долго их нет, – глядя на часы, произнес самый ответственный из всех Андрей Осалихин. – Час уже прошел.

– Роу-мант-Ик! – нараспев, с ударением на последний слог, оценил ситуацию Левка.

– Да, на его месте мог быть ты, – обращаясь к Левке, улыбнулся Эдик Боб.

– Пацаны, пойдете-ка проверим их! – будто чуя неладное, засуетился Осалиха.

– Пошли! – поддержал его вечно серьезный Арсен.

Через минуту квартет стоял у номера незнакомки и стучал в дверь уединившихся.

Открыли не сразу, но это в данный момент оказалось не главным.

Более интересным выглядел тот факт, что Сява с гитарой наперевес стоял на кровати. Держа инструмент двумя руками за гриф, он готов был использовать его не по назначению, а как орудие пролетариата. Целя гитарой в голову таинственной незнакомки, Сява истошно блажил:

– Не подходи, тварь! Зашибу!

– Слава, Слава, – нараспев, тягуче, обращалась к нему девушка. – Ты никуда не уйдешь! Сейчас мы с тобой расстелим кровать и будем спать.

Притом, что характерно, девушка держала в своих руках большую белую простынь. Видимо, с помощью нее она хотела поймать легковеса, если тот вздумает удрать.

– Пацаны, спасите меня! – обращаясь к своим, взвыл Челентано.

Лицо Сявы в этот момент было подобно переливающемуся календарнику. В нем отражались страх, ужас, отчаяние, с одной стороны, и счастье от того, что друзья пришли за ним, – с другой.

– А ну, отойди в сторону, – закричал рванувшийся к Сяве Андрей Осалихин. Он первым из ребят понял, что в сложившейся ситуации нужно просто спасти друга, вытащив его из цепких женских рук.

Осалихин отстранил даму от прохода, взял потерявшегося Сяву за руку и вывел его из злосчастливого номера.

В этот вечер друзья долго не ложились спать. Сидя в номере у Сявы, они пытались отвлечь товарища анекдотами и веселыми историями. И сколько бы они их тогда ни рассказывали, Сява не смеялся.

Поджав ноги под себя, он сидел на краешке кровати и тихонько икал. Даже гитара, вечная спутница Сявы, была ему в этот вечер чужой.

Левка тоже мечтал научиться играть на гитаре. Взяв семиструнную в руки, он начал перебирать лады и затянул:

– Колумб Америку открыл, страну совсем для нас чужую. Дурак, он лучше бы открыл на нашей улочке пивную...

Но не успел Левка допеть куплет до конца, как вдруг Сява, который сидел напротив него лицом к двери, болезненно и устало застонал:

– А-а-а-а!

Левка взглянул на Сяву и ужаснулся. Лицо друга было подобно лицам актеров, играющим в фильмах ужаса, когда, долго вглядываясь в кромешную мглу, они вдруг начинают видеть монстра. Боль и страдание, ужас и панику излучали глаза нашего друга.

Сам испугавшийся не меньше Сявы, Левка резко обернулся.

В открытой двери с широко распахнутыми глазами стояла недавняя виновница Сявиного стресса.

– Мальчики! – еще более театрально, нараспев, произнесла свою реплику незваная гостья. – А я вижу, у вас тут стаканчики стоят! Вы что, пьете?!

С этими словами девушка подбежала к столику, на котором стояли стаканы с яблочным соком и, глубоко вдохнув в себя аромат содержимого посуды, с визгом произнесла:

– Хм-м! Яблочком пахнет!

Неизвестно, чем бы закончилась вся эта сцена, не войди в этот момент в номер Андрей Осалихин.

– Ты опять здесь?! – сдвинув брови, прокричал наш строгий товарищ. – А ну пошла отсюда! Ходят тут всякие, режим спортивный нарушают!

Он вывел, с позволения сказать, даму, из номера и на этом ночное рандеву закончилось.

Утром, когда вся команда убегала на тренировку, на этаже были замечены четыре санитары. Двое вели вчерашнюю виновницу торжества под руки, еще двое пытались тащить ее неподъемные чемоданы.

– Ты что туда кирпичей наложила, что ли?! – обращаясь к девушке, прокричал санитар.

– Ну наконец-то догадались! – протяжно-театрально заключила дива. – Да, у меня там кирпичи...

Как мы узнали позже, девушка была пациенткой подмосковной психиатрической больницы. Сбежать оттуда ей помог ее брат, снабдивший сестру документами и деньгами. Конечный путь следования молодой дамы был Иркутск, город, где жили ее родители. Как она, настолько отклонившись от Транссиба, попала на Северный Урал, ума не приложу. Наверно, мотануло.

Спарринги, или Чаще жмите руки

Время шло. Несколько по привыкнов к непростому режиму, я стал меньше спать и однажды вечером вышел с друзьями в парк на прогулку.

Главным развлечением в Карпинском парке было колесо обозрения. Колесо было, конечно, не таким большим, как в Свердловске, но все ж таки оно было, и потому ребята любили кататься на нем.

Сев с друзьями в кабинку, мы стали медленно подниматься вверх, когда непонятно откуда взявшаяся паника обуяла меня. Дело в том, что до этого на колесе обозрения я катался лишь в раннем детстве и вот теперь, оказавшись в неуправляемой мной ситуации, запаниковал.

Первая мысль, пришедшая в голову, была немедленно спрыгнуть вниз, не дожидаясь, пока колесо поднимет нас на большую высоту. Примирясь к прыжку, я медлил, а колесо – нет, и уже

через пару секунд наша кабинка была поверх парковых деревьев, спрыгнуть откуда желания не было. Теперь самым страшным было оказаться на самом верху.

«Только бы оно не сломалось, только бы не сломалось!» – думал тогда я.

Медленно приблизившись к верхней точке своего подъема, колесо на мгновение замерло, качнулось, скрипя железными сочленениями, и пошло вниз. Страх и напряжение уступили место радости и облегчению.

Высота была преодолена, а вместе с ней и страх, который где-то глубоко сидел во мне. В тот вечер я совершил еще несколько подъемов на колесе обозрения прежде чем окончательно понял, что не боюсь.

Между тем приближалось время спаррингов. В каждом весе было по два абсолютно равных и достойных кандидата на одно место в сборной области. Занять его горели желанием все.

Спарринги проходили на втором этаже спортивного комплекса. Там, в игровом зале, был установлен полноразмерный боксерский ринг. На нем и предстояло провести наши дуэли.

Больше других меня впечатлил бой легковесов Олега Бреуса и Сани Игнатьева. Бреус был местный, карпинский, Игнатьев – свердловский, с «Калининца». Выступающие в одном весе, они конкурировали за единственное место в команде.

Выходя на ринг, ребята по традиции бокса пожали друг другу руки, и это было воспринято как само собой разумеющееся. Когда же начался сам бой, Саня Игнатьев, видимо, из уважения к товарищу протянул руки еще раз, чтобы Олег Бреус их пожал.

По правилам бокса, руки жмутся только один раз, а когда гонг прозвучал, бой уже начался и можно бить. Но это же по официальным правилам. По законам джентльменства, к коим имеет прямое отношение бокс, протянутые руки надо жать, если, конечно, человек, который протянул тебе их, не конченный гад.

Саня Игнатьев гадом не был, наоборот, он был очень хорошим боксером и честным парнем. Тем более, что с соперником своим они жили в одном номере и считались друзьями.

Поэтому, когда мы увидели, что Саня протянул руки для пожатия, а Олег в ответ попытался пробить ему боковой, мы поняли, что что-то в одном из наших коллег не так.

И хотя после боев Олег Бреус был зачислен в сборную победителем, остальные ребята всю поездку не жаловали его.

Моим же соперником на спаррингах оказался мой друг Левка. Когда два года назад в «Юности» мы начинали заниматься вместе, Левка весил килограммов на десять меньше меня. И вот теперь я остался примерно в том же весе, а друг мой вымахал до моих размеров, и нам предстояло выяснить, кто из нас лучше.

И Левка, и я лучше бы провели несколько поединков с другими бойцами вместо того, чтобы встретиться на ринге друг с другом. Но, к сожалению, бокс так устроен, что иногда друзьям приходится выяснять, кто сильнее.

Готовясь к бою и разминаясь, мы, наверно, пожали руки раз сто. А непосредственно перед выходом на сам ринг попросили друг у друга прощения и обнялись.

Первый удар гонга отключил нашу память, и поединок стал носить жесткий и принципиальный характер. Я с дальней дистанции расстреливал Левку в голову, а он подныривал мне под руку и короткими сериями с обеих рук обрабатывал мой корпус. Вообще, у Левы была коронка – поднырнуть под руку, оказаться у корпуса противника и начать кружиться вокруг него, нанося короткие, жалящие серии в туловище. В этом плане Левка был лучшим.

Говоря же о себе, могу сказать следующее: ценой невероятных усилий я смог-таки выйти на пик формы и Левке в нашем поединке не уступал.

Так продолжалось все три раунда. При этом в каждом раунде, прежде чем сойтись в бескомпромиссной драке, мы жали руки друг другу. Ничего не поделаешь – друзья!

Не успел бой закончиться, как я бегом побежал в туалет. Отбитый живот вызвал спазм рвоты, и, только сделав несколько глотков воды из-под крана, я успокоил свой организм и, сделав вид, что нахожусь в полном порядке, вернулся в зал смотреть бои коллег.

Николай Иванович Ивкин сидел за столом, расположенным рядом с рингом, и все время что-то записывал в своей тетрадке.

После последнего спарринга тренер объявил перерыв в полчаса и, уединившись в компании второго тренера, Михаила, стал решать нашу судьбу.

Томительное время ожидания, когда понимаешь, что ты все, что мог уже сделал и больше от тебя ничего не зависит, тянется очень долго.

Что я чувствовал в тот момент? Ну, наверно, было удовлетворение от проведенного боя. Я не был уверен, выиграл я или проиграл, но я совершенно точно чувствовал, что мне себя упрекнуть было не в чем. Мой бой с Левкой был хороший.

Оглашение фамилий тех, кто поедет на Зону России, было сродни лотерее. Ни один из нас не был сильнее своего соперника на голову. Никто не выиграл ввиду явного преимущества. Поэтому решение тренерского совета было сюрпризом для всех.

Вскоре Ивкин начал называть вес и фамилию того, кого он готов был включить в команду.

Когда он дошел до категории 66 кг, мы с Левкой переглянулись.

– Хороший бой продемонстрировали нам ребята в данной весовой категории, – начал свое резюме Николай Иванович. – Бой был достойный, равный, но все-таки Саша был лучше. Поэтому он поедет на Зону России.

– Но это не все, – не останавливаясь на сказанном, продолжил Николай Иванович. – Лева Исянов – душа команды и не брать его с собой на Россию было бы ошибкой.

– Лева, – уже обращаясь к нашему другу, сказал главный тренер. – Если ты готов согнать вес и поехать в категории до 63,5 кг, я тебя возьму.

– Николай Иванович, – произнес ошарашенный Левка. – Дак, это что получается, я теперь голодать буду?

– Да, – с улыбкой согласился Ивкин. – Можешь вообще ничего не есть, только работай так же, как сейчас.

По итогам спаррингов в сборную области на Зону России вошли Олег Бреус, Андрей Осалихин, Слава Юсупов, Арсен

Галустян, Юра Козловский, Эдик Бабанов, Андрей Башкирцев, Левка Исянов и я.

Сборы закончились. Под новую песню группы «Status Quo» «You Are In Army Now» со спортивными баулами наперевес мы покидали Карпинск.

Зона России, или Чем заменить пурген

Город Осинники, в котором нам предстояло выступать на первенстве Зоны России, был городом шахтерским. Расположенный в Кемеровском крае, город этот очень напоминал нам Карпинск. Так получилось, что из шахтерского города мы уехали и в шахтерский же и приехали. Разница была лишь в том, что с Урала мы перебрались в Сибирь и что Осинники были в два раза больше Карпинска.

Между тем именно в Осинниках мы узнали о шахтерах то, чего не знали раньше.

Еще на вокзале, только прибыв в город, мы заметили здорового мужика, глаза которого были покрашены.

Тяжкие сомнения, куда мы попали, проникли в наши души.

– Вроде, не Москва, а голубые уже и сюда пробрались, – посоветовал Левка.

– Это шахтер, – услышав наше бурчание, развеял все сомнения Николай Иванович.

– Шахтер? – чуть ли не хором переспросили все мы.

– А вы что думали, что это женские тени, и он ими глаза накрашил? – улыбаясь, озвучил наши мысли Ивкин.

Мы кивнули.

– Нет, ребята, – успокоил нас тренер, – это пыль, шахтерская пыль, которая въелась в кожу. За раз она не смывается, и нужно несколько недель, чтобы отмыть эту печать добросовестного труда.

Честно скажу, узнав про пыль, нам стало легче жить, а к городу шахтеров мы стали испытывать искреннее уважение.

Народу на соревнования приехало много, и потому разместили нас там, где было место. Нам повезло, место было в садике-

интернате для дошкольников. Он был чистым, вместительным и самое главное, находился в непосредственной близости к месту проведения боев.

Представьте, обычная садичная группа с множеством кроватей, на которых мы должны были спать. Справедливости ради скажу, что кровати, конечно, поменяли и вместо детских поставили взрослые с хорошей панцирной сеткой и мягкими матрасами.

В общем, жить было можно. Питание тоже было очень достойное. Приписанным к шахтерской столовой, нам было грех жаловаться, так как всего было вдоволь.

Лично для меня проблема состояла в одном. Имея с детства слабый желудок, мне нежелательно было пить водопроводную воду. Там же, где мы жили, другой воды не было, и потому после тренировки я утолил жажду водой из-под крана.

Вскоре, буквально через несколько часов, я смог прочувствовать всю прелесть очистительной терапии.

На взвешивании, встав на весы, я понял, что вес мне больше сгонять не надо. Выступая до 66 кг, я весил 64. «Прекрасно», – подумал я и стал готовиться к первому бою.

Однако после завтрака, прошу прощения за подробности, сбегать до ветра мне пришлось еще не раз, так что то, что еще совсем недавно радовало меня, стало выглядеть менее оптимистичным.

– Ты что все в туалет бегаешь? – спросил меня коллега по сборной Андрей Башкирцев.

– Да вот воды из-под крана попил, – как есть ответил я.

– Нормально, – успокоил меня Андрей. – Сейчас из тебя все плохое выйдет, а дальше будешь как новенький.

– Дак что-то не успокаивается, – ответил я.

– Потерпи, – сказал Андрей. – У меня у самого много раз так было, а потом все проходит и на ногах двигаться становится только легче.

– А это причем? – спросил я товарища.

– Ты что, не знаешь? – начал одну из своих впоследствии традиционных поучительных лекций Андрей. – Вся лишняя вода,

которая находится в нашем организме, скапливается в ногах. Бывает у тебя такое, что ты двигаешься плохо?

– Бывает, – согласился я.

– Ну вот, поэтому и бывает, – продолжил Андрей, – вода в ногах стоит и мешает тебе прыгать. Выведешь воду и будешь порхать как пчела.

– Порхать, как бабочка, – поправил я коллегу, – а жалить, как пчела. Это девиз Мухаммеда Али.

– Ну да. Я и говорю: и порхать будешь, и жалить, – нашелся Андрей.

– Я, если хочешь знать, сам часто сушусь и не пью, больше того, что для жизни необходимо, – закончил он.

Вообще Андрей Башкирцев был очень умным. На тех соревнованиях мы особенно сошлись с ним. Представитель свердловской школы бокса «Малахитовый гонг», Андрей был по-настоящему талантливым боксером и интересным человеком. Прочитавший множество книг, мне казалось, что он уже в пятнадцать лет знал ответы на все существующие в мире вопросы.

Помню, как меня, хорошо учившегося в школе, поразила новость, что Андрей Башкирцев является круглым отличником. Немного среди боксеров встречалось тех, кто оценку 4 считал недостойной своих знаний. Андрей был одним из них.

Вторым удивительным фактом, касающимся Башкирцева, было то, что боксер-отличник не матерился вообще. Никогда.

То есть были в нашей боксерской среде люди культурные, которые позволяли себе крепкое словцо крайне редко, в исключительных ситуациях. Что же касалось Андрея, то мат он не употреблял из принципа, ни в какой ситуации.

Не послушаться такого человека я не мог. Совет друга пить меньше воды я начал использовать буквально. И, мне кажется, результат не заставил себя долго ждать.

На вечерней тренировке я порхал, но, к сожалению, жалить не получалось. Дело в том, что на отработку вольного боя Ивкин поставил меня с Юрой Козловским.

Выступающий на категорию выше меня, до 71 кг, Юрка был очень крепким и ударным боксером. Особой коронкой у него

был левый апперкот по печени. Удар этот североуральский боксер отработал настолько, что не попасться на него было очень трудно.

Вот и в тот спарринг в Осинниках накануне первого дня соревнований Юрка пробил мне по печени так, что все мои усилия продолжить бой завершились ничем.

Вообще, удар по печени очень коварный. Если вам точно попали по этому жизненно важному органу, то никакая ваша сила воли не поможет вам продолжать двигаться, как прежде.

Пропустив удар от Юрки, я еще прыгнул пару раз, после чего, вынужденно присел от возникшего спазма. Отдышавшись несколько секунд, я продолжил спарринг снова. И в очередной раз, сходясь в ближнем бою с Юркой, мы начали закручивать друг друга по кругу, пробивая длинные серии в корпус. И опять Юрка пробил мне печень.

– Стоп! – скомандовал наблюдавший за боем Ивкин.

– Если бы ты сегодня боксировал, – обращаясь ко мне, проговорил Николай Иванович, – ты бы однозначно проиграл.

В знак согласия я кивнул головой.

– Снимай перчатки. На сегодня для тебя все, – вынес вердикт тренер.

Вечером после ужина я еще несколько раз сходил в туалет, после чего с совершенно пустым животом лег спать.

На следующий день были первые бои.

Утром я весил еще меньше, чем на взвешивании. Между тем деваться было некуда, приближалось время поединков. Подойти к тренеру и сказать, что у меня понос, снимите меня с соревнования к которому я готовился фигурально месяц, а не фигурально всю свою жизнь, я никак не мог.

Итак, ¼ финала, мой соперник – чемпион Омской области с прекрасной украинской фамилией Бублик.

Ниже меня ростом, коренастый и подкачанный, парень выглядел профессором ближнего боя. Этаким шахтерско-проходческий бур. До выхода на ринг я видел, как Бублик окучивал мешок, разминаясь перед встречей.

В роли мешка мне быть не хотелось, и потому я решил построить бой на дальней дистанции.

Вообще, все последнее время аура очень часто возникала у меня. Достаточно было пропустить несильный удар, и зрение мое превращалось в косоглазие, то есть видел я так, как если бы скосил глаза к носу.

И вот я и Бублик на ринге. Мы пожали руки, разошлись по углам, дождались гонга и пошли вперед. По дороге навстречу ко мне соперник мой крутанул обеими руками по кругу, как бы совершая разминочное движение.

«Сейчас побежит в ближний бой», – подумал я.

Разведка боем была более чем короткая. Я показал ему в голову, он мне в корпус, после чего омич принципиально решил сблизится со мной. Чуя недоброе с его стороны, я, встретив его левым прямым, отошел.

Как бы реагируя на мою осторожность, Бублик надменно улыбнулся. Видимо, много ему в жизни попадалось таких же, как я, технарей, которых он в итоге опрокидывал.

То ли выглядел я тщедушно, то ли омич был уверен в себе больше обычного, но только не успели мы до конца прощупать друг друга, как соперник мой, подобно дикому кабану, побежал на меня.

Правый прямой навстречу был чрезвычайно точным. Достигнув подбородка соперника, он разрешил все имеющиеся в моей голове сомнения относительно исхода боя.

Как по винту, Бублик развернулся вокруг своей оси и упал там, где и стоял. Атака омича закончилась не начавшись. Нокаут.

Радость после победы – это всегда праздник души. Все в тебе ликует, все поет. Любая победа – это торжество духа, тела и воли. То, что удалось сделать мне, было очень красиво. Нокаут в первом бою и в первом же раунде.

Николай Иванович встретил меня в углу ринга крепким рукопожатием. Видевший меня за сутки до этого вчистую уступившим Юрке Козловскому, он был приятно и неожиданно удивлен.

– Молодец! Здорово! – похвалил меня он.

Вообще, в те годы Николай Иванович Ивкин был тренером экспериментальной юношеской сборной Советского Союза. Воспитавший единственного нашего олимпийского чемпиона на играх московской Олимпиады-80 Шамиля Сабирова, он один из немногих в Свердловской области получил звание заслуженного тренера СССР. В мире бокса Ивкин был заслуженный и непререкаемый авторитет. Услышать похвалу из его уст дорогого стоило.

Бой закончился для меня неожиданно быстро, и я пошел смотреть выступления своих товарищей.

Мне кажется, в первый день победили все.

На следующий день у меня был перерыв, и боев не было.

И снова я целый день бегал в туалет, и снова вечером были спарринги с Юркой Козловским, который в очередной раз пробил мне печень.

– Ничего не могу понять, – подозвав меня к себе, сказал Николай Иванович. – Как ты работаешь? У тебя, что сил нет?

Сил у меня действительно не было. Обезвоженный от поноса организм не мог долго противостоять атакам напористого соперника.

Вообще, мне казалось, что в привычном ключе я могу отработать один раунд. Дальше по причине обезвоживания состояние менялось, я быстро уставал и сдувался.

– Твое счастье, – глядя на меня произнес Ивкин. – Твое счастье, что ты сегодня не боксируешь.

– Это правда, – согласился я.

На следующий день, выходя на полуфинальный бой, я специально встал на весы. 62 кг показали они.

«За три дня я потерял четыре килограмма, – подумал я про себя. – Многовато».

Следующим моим соперником был чемпион Челябинской области. Парень, по физическим кондициям на меня похожий, видел мой предыдущий бой, а потому понимал, что я могу и ударить.

Выбравший крайне осторожную тактику, он начал бой так же, как все, с разведки. Понимая, что мой удар навстречу

особенно хорош, он не спешил идти вперед и работал с дальней дистанции.

Он пробил двойку, я успешно разорвал дистанцию, после чего соперник пробил левый боковой. Как получилось так, что мне удалось четко нырнуть под него и на выходе пробить самому полупрямой полубоковой ему в голову, я не знаю. Наверно, просто повезло. Но только соперник мой, приняв в свою челюсть удар, упал там же, где и стоял. Нокаут. Еще один.

Возвращаясь в свой угол, я помню глаза Николая Ивановича. Озорные, горящие азиатской хитрецей, они стали для меня большей наградой, чем та грамота, которую по итогу соревнований я получил.

– Офигеть! – сопроводил словами свой хитрый взгляд Ивкин. – Как это ты его так?

– Сам не знаю, – пожал плечами я.

– Молодец! Переодевайся, – скомандовал Николай Иванович.

На тех соревнованиях, помимо Ивкина, с нами в команде была еще одна знаменитость. Судья международной категории Ермаков Юрий Николаевич.

Невысокий, с редкими волосами, скромный и интеллигентный человек был известен тем, что в свое время посещал Кубу, где встречался с легендой любительского бокса Теофилом Стивенсоном.

Показывая нам свои фотографии с трехкратным олимпийским чемпионом, он рассказывал нам, как был у него в гостях и лично жал руку звезде мирового бокса.

Мы стояли в очереди на раздаче в шахтерской столовой, когда судья Ермаков, отсудивший очередной соревновательный день, подбежал ко мне.

– Ну молодец! – протягивая мне руку восторженно произнес он. – Как ты это сделал?! Вообще! Вообще!

Говоря последние слова, Юрий Николаевич поднял руки и недоумевающе помотал головой, выражая глубокое удивление. Было видно, что удар, пробитый мной, потряс его, выдавшего виды судью.

Счастье, оно, конечно, есть! Это я в полной мере ощутил и прочувствовал в тот самый день, в Осинниках, после полуфинала.

Как говорится, не было и гроша, да вдруг алтын! Все примерно так и вышло. Выходя на свои бои, я не знал, как буду боксировать по причине прицепившегося недуга. Между тем наверху кому-то было угодно, чтобы я победил, и я сделал это!

Дело приближалось к финалу. По регламенту соревнований участники Зоны России, занявшие 1-е и 2-е место, получали право ехать на первенство России.

То есть свою задачу минимум я уже выполнил. Оставалось, как сказал классик советского кино, замахнуться на Вильяма нашего, Шекспира.

«И замахнемся!» – ответил я сам себе и стал готовиться к битве за первое место.

Между тем касаясь здоровья дела мои были не очень. Потеря веса и вместе с ним сил продолжалась, я весил уже 60 кг и понимал, что, если в первом раунде не нокаутирую своего противника, бой не выиграю.

Сил боксировать полноценно у меня не было.

В финале моим соперником был чемпион Курганской области. Умный парень, он видел все мои бои и понимал, чего от меня стоило ждать. Понимали, видимо, это и его тренеры и потому дали задание парню – любой ценой выстоять первый раунд.

Перед боем меня качало. Но все же на финал я выходил явным фаворитом и был уверен в себе более чем. Я думал, что просто выйду и стукну его, после чего он обязательно упадет, а я стану чемпионом.

Самоуверенность многих сгубила, и я со своим кишечным гриппом исключением не стал.

Первый раунд мы примерялись друг к другу. Курганец никуда не торопился и работал исключительно вторым номером. В итоге получилось так, что уже не он, а я стал бегать за ним, чтобы засадить.

Где-то в конце первого раунда, поджав соперника к канатам, я смог, дернув левой в корпус, попасть ему правой на подъеме

в голову. Удар получился хорошим, но недостаточно сильным, чтобы он упал. Курганец зарылся в ближнем бою и смог таким образом избежать открытия счета. Первый раунд закончился.

Начиная со второго раунда, все пошло более прозаично. Силы ожидаемо оставили меня. Единственное, что я смог сделать, – это не подарить победу ввиду явного преимущества. Мы провозились с соперником в ближнем бою до конца поединка, в котором он заслуженно победил.

– Ну ничего, – успокаивал меня Николай Иванович, – второе место есть, на Россию едешь, а дальше мы сможем хорошо подготовиться и показать себя во всей красе. Благо есть что показывать.

...Мы ехали в плацкарте поезда, когда тяж Андрей Башкирцев, купивший на перроне очередной станции беляши, с аппетитом уминал их.

– Андрюха, как ты можешь есть непонятно что и непонятно у кого купленное в дороге, – спросил его я.

– Элементарно, – дожевывая очередной беляш, пробубнил он. – Вот сейчас приеду домой и сразу пургена выпью, прочищу, перейду на домашнее питание, и все будет хорошо.

– Пургена? – переспросил я. – А зачем?

– А я всегда так после соревнований делаю, – деловито пояснил Андрюха. – Попробуй, тебе понравится.

– Мне? – с испугом, переспросил я. – Мне кажется, я свой пурген в виде воды из-под крана на всю жизнь выпил.

– Ха-ха-ха!! – во все горло загоготал Андрюха. – А че, идея! И результат есть, и денег тратить не надо!

Душа команды

Наша команда выступила очень достойно. Победителями стали Андрей Осалихин, Олег Бреус, Вячеслав Юсупов, Арсен Галустян, Андрей Башкирцев. Про остальных в точности я не помню, но, мне кажется, почти все оставшиеся ребята заняли второе место и заслужили право участвовать в первенстве России.

Особый интерес до соревнований вызывало выступление Левки Исянова. Боксирующий не в своем весе, он сумел в красивой манере одолеть двух своих соперников и выйти в финал, где его ждал челябинский чемпион Моторин.

Отец его был тренером сборной Челябинска, и сын, сумев впитать все лучшее от отца, годом ранее уже становился чемпионом России. Теперь же на ринге противостояли друг другу кандидат в мастера спорта и наш первоурядник Левка.

Бой был сверхпринципиальным. Левке было без разницы, с кем боксировать, и потому он устроил такое сражение, что, думаю, ставший впоследствии чемпионом мира среди юниоров Андрей Моторин помнит его до сих пор.

К окончанию третьего раунда мы были уверены, что Левка бой выиграл, но судьи посчитали иначе. В лучшем случае бой был равным, и, как часто бывает, победу отдали более титулованному спортсмену.

Доказательством же класса поединка стало признание данного боя лучшим боем турнира.

Прав оказался Николай Иванович Ивкин, взяв Левку в команду.

Вот что значит заслуженный тренер СССР. Он еще на сборах увидел в нашем друге то, что тот продемонстрировал всей России месяц спустя.

А слова Ивкина о том, что Левка душа команды? Об этом качестве нашего друга я хочу рассказать отдельно.

Левка жил на станции Баженово и на тренировки в «Юность» ездил оттуда. Только один этот факт является лучшим доказательством желания парня заниматься боксом.

Баженово – это пригород Свердловска, по сути, сельская местность. Видимо поэтому говор Левки был особый, деревенский и очень приятный на слух.

Слушая Левку, я слышал слова, встречающиеся в лексиконе моей бабушки. Например, когда все мы говорили «пошли есть», друг наш говорил: «Исть-то будем?»

Данные «атавизмы» речи Левки, помноженные на природную доброту и чувство локтя, а дружить Левка умел, не могли оставить никого из нормальных людей равнодушным к парню. Левка тут же сходилась с людьми, и люди любили его.

Помимо этого, были в парне и другие таланты.

Мне кажется, популярное сегодня направление в музыке битбокс для нашей страны открыл именно Левка. Воспроизводя речевым аппаратом барабанный ритм, он при этом движениями рук имитировал удары палочками по невидимой ударной установке, это выходило у него не просто хорошо, а блестяще. Получалось у него и изображать игру на гитарах: бас, ритм и соло.

Казалось, этих качеств было бы уже предостаточно для одного человека, но для Левки этого было мало.

Ко всему вышесказанному друг наш еще и пел. Притом не скажу, чтобы голос его был хорошим или музыкальный слух у Левки был развит как-то по-особенному. Нет, всего этого у него было не больше и не меньше, чем у других, но вместе с этим в нем было то, чего ни в ком из нас не было – огромное желание делать то, что ему нравится, принося радость себе и другим.

Бывало, Левка, начиная петь, не всегда попадал в ноты или забывал слова, особенно если он пел песни итальянских исполнителей. Но и в этой ситуации друг наш не терялся, а как бы извиняясь перед публикой за свое незнание, начинал кивать головой, извинительно улыбаться и заменял оригинальный текст, на выдуманную им на ходу абракадабру.

При этом выглядело это еще забавнее и веселее, что тут же выражалось в аплодисментах Левке за находчивость.

В Осинниках в перерыве между боями мы просто шарахались по городу, когда, зайдя в один из дворов, увидели сцену так называемой агитплощадки. Пока вся команда присела на стоящие тут же скамеечки, Левка запрыгнул на сцену и начал никем не запланированный концерт.

– Выступает Тото Кутуньо, – встав на центр веранды, объявил Левка.

Дальше он задумался, собрался и, сделав голос приглушенным, с хрипотцой, выдал:

– Лашатеми контарэ! – дальнейшие слова были не разборчивы для нас, но между тем отдавали нотками итальянского акцента, потом шло уже привычное «лашатеми контаре» и завершалось все сакраментальным, «итальяно веро».

Пока Левка пел, а мы, улыбаясь и веселясь, поддерживали его, собрался весь двор, в котором была расположена данная сцена. Дети с бабушками, старики, отложившие свое домино, и вообще все, кто в этот момент оказался во дворе, подтянувшись к сцене, стали поддерживать нашего друга аплодисментами.

Благодарный Левка отвечал взаимностью, раскланиваясь во все стороны.

Вот такой у нас был Левка и швец, и жнец, и на дуде игрец. И боксер, и битбоксер, и исполнитель мелодий и ритмов зарубежной эстрады.

Поехав на соревнования не в своем весе, он там навел такого шороха, что его до сих пор все помнят. Ну что тут скажешь, одно слово – душа команды.

ЦПКиО

Соревнования закончились, мы вернулись домой. Факт того, что я являюсь финалистом Зоны России, делал меня королем. Притом мои друзья в попытке добавить мне роста или, не понимая, о чем идет речь, предусмотрительно или случайно, выбрасывали слово «зона» из титула. Соглашусь, финалист России звучало лучше.

До следующих сборов в Карпинске, посвященных подготовке к финалу России, было еще две недели, и Виталий Васильевич, видимо, понимая, чтобы гордость окончательно не расперла меня, объявил о дополнительных тренировках.

Тренироваться решено было на природе, в ЦПКиО.

Дело в том, что тренер наш жил рядом с парком культуры и отдыха им. Маяковского и летние тренировки любил проводить там.

– Встречаемся в девять утра на конечной трамвая, – по телефону назначил мне время и место Грибняк.

– Хорошо, – ответил я, – буду в девять.

В назначенное время я вышел из трамвая. Грибняк уже ждал меня. На улице в тот день моросил легкий дождик.

– Тренировка состоится в любую погоду! – как диктор на стадионе, улыбаясь, объявил Виталий Васильевич.

Мы пошли в парк.

– Парк-то знаешь? – поинтересовался Виталий Васильевич.

– Бывал в детстве, – ответил я.

Мы дошли до какого-то места, где под хлипкой крышей стояли стожки с сеном.

– Значит так, – обращаясь ко мне проговорил тренер. – Ты сейчас бежишь вокруг парка один круг и прибегаешь сюда. Понял?

– Да, – кивнул я.

– Куртка у тебя какая интересная! – Перед тем, как отправить меня в забег, отметил Виталий Васильевич. – Это ведь динамовская куртка?

Синюю куртку на синтепоне с тонкой белой полосой на рукавах подарил мне дворовый друг. Семья у них была непростой, и от избытка своего он сделал мне такой полезный подарок.

– Бери! – сказал друг. – Ты спортом занимаешься, она тебе нужнее. От нее, правда, еще штаны были, но их куда-то дели, так что штанов нет. Если куртка без штанов тебя устроит, забирай.

Меня в те годы устроила бы и куртка без штанов и штаны без куртки. Выбирать особо не приходилось, и потому подарку друга я был несказанно рад.

– Какая у тебя куртка! – не переставал восхищаться вещью Виталий Васильевич. – Раньше такие сборникам динамовским выдавали. А ты где ее взял?

– Друг подарил, – честно ответил я.

– Друг? – переспросил Виталий Васильевич. – Хорошая куртка!

Виталий Васильевич смотрел на куртку как-то по-особенному. Было видно, что она ему сильно нравится. Видимо, напонила она ему о его динамовском прошлом, когда еще молодым человеком он начинал тренировать своих подопечных.

– Снимай куртку! – вдруг быстро проговорил Виталий Васильевич.

– Это зачем? – предчувствуя недоброе, спросил я.

– Ты сейчас все равно кросс побежишь, так что куртка тебе ни к чему, мешать только будет, а я ее пока подержу.

Я с готовностью снял куртку и протянул ее Виталию Васильевичу.

– А что держать-то? – сам себя спросил Грибняк. – Я ее лучше на себя надену, так и для куртки лучше будет, и мне теплей.

Виталий Васильевич быстро влез в куртку, застегнул на ней молнию и несколько раз поднял и опустил плечи.

– О! – обращаясь ко мне, радостно произнес он. – А размер-то мой!

– Ну да, – согласился я. – А как такое может быть? Вы-то полный, а я худой.

– Так ты же выше меня ростом! – раскрыл мне глаза на ательерное дело Виталий Васильевич. – Вот поэтому и размер один. Ладно, беги уже давай.

Я побежал.

Бегал я долго. Вместо того, чтобы дать кругалю по парку, я сбился с верного пути и забежал на какую-то горку. Горка постепенно превратилась в гору.

«Главное не останавливаться!» – напомнил я себе правило уличных тренировок.

Вскоре, влетев на вершину горы, я попытался оглядеться, но поняв, что из-за бурной растительности ничего не видно, рванул вниз.

В итоге вместо 15 минут я бегал полчаса и прилично вспотевшим вернулся к Виталию Васильевичу.

– Заблудился? – со знанием дела спросил меня Грибняк.

– Ага, – ответил я.

– Это не страшно, – успокоил меня Виталий Васильевич, – зато пропотел хорошо! Знаешь как японцы между собой здороваются?

– Нет, – ответил я.

– Как потеешь? – то ли притчу, то ли хохму поведал мне тренер.

– Ну ладно, давай работать, – закончив с лирикой, проговорил Виталий Васильевич и, надев на руки старые, выдавшие виды лапы, спросил: – Что бы ты сам хотел отработать? Может быть, есть что-то, что у тебя не получается, и ты не знаешь, как это сделать?

Я задумался. На память пришли спарринги с Юркой Козловским, когда все мои бои с ним заканчивались тем, что он вырубал меня по печени. Я рассказал все по этому поводу Виталию Васильевичу.

– Как все происходит? Покажи, – попросил меня он.

Я показал. За место Юрки Грибняк предложил использовать его и сделать то, что я делаю обычно с Юркой, когда работаю с ним ближний бой.

Встав с тренером в пару, я стал показывать Виталию Васильевичу, как я вхожу в ближний бой, начинаю работать по корпусу, закручиваю Юрку влево или вправо и с переводом на боковой выхожу.

– Понятно, – посмотрев на меня, улыбаясь проговорил Виталий Васильевич. – Тебе надо кое-что чуть-чуть подправить. Ты слишком высоко стоишь на ногах. Согни колени больше и присядь чуть ниже, буквально на 3–5 сантиметров, и тогда твои кулаки будут ниже локтей твоего соперника. После этого уже не он, а ты будешь пробивать ему печень.

– Не может быть! – не поверив в простоту совета, удивился я.

– Точно, – рассмеялся Грибняк. – На вот, попробуй.

Он поставил мне лапы, я присел ниже обычного и начал молотить по ним.

– Закручивай в сторону, – скомандовал Грибняк. – И на сайд-степе с боковым выходи!

Всю оставшуюся часть тренировки я бил по лапам и радовался, что подсказанное тренером противоядие оказалось гениальным и простым одновременно.

– Спасибо, Виталий Васильевич! – от всего сердца поблагодарил я тренера.

– Пожалуйста, – улыбаясь, ответил он. – А давай еще вот это отработаем!

И мы отработывали то, что придумывал Виталий Васильевич, и то, что, вспомнив, просил его я.

Вскоре тренировка подошла к концу. Виталий Васильевич снял лапы и сложил их в пакет.

– Пойдем, – я тебе секретный ход покажу. – Соберешься когда-нибудь с девушкой в парк пойти и захочешь деньги сэкономить, веди ее здесь.

За разговорами мы дошли до конечной трамвая.

– Ну что, до послезавтра? – спросил меня Грибняк.

– Да, – ответил я.

– Ну езжай, чего стоишь, вон твой трамвай, – поторопил меня тренер.

Счастливый я пошел в сторону трамвая.

– Стой, стой! – закричал Виталий Васильевич. – Куртку-то я забыл тебе отдать! А ты чего молчишь?

Говоря все это, Виталий Васильевич снял с себя куртку, прощально посмотрел на не еще раз и протянул ее мне.

– Виталий Васильевич, а можно я вам ее подарю? – спросил его я.

– Да ты что, – с опаской в голосе проговорил Виталий Васильевич. – Тебя же дома заругают, когда без куртки увидят.

– Не заругают, – с легкостью ответил я. – Куртка не моя, мне ее друг подарил. Берите ее себе, Виталий Васильевич, она вам нужнее.

– Нет, нет, – с придыханием проговорил Грибняк. – Куртка, конечно, хорошая, но взять ее так я не могу. Вот если только ты мне такую же достанешь, а я тебе за нее деньги отдам?

– Не достану, Виталий Васильевич, – не думая, ответил я. – Подарить могу, достать нет.

Виталий Васильевич улыбнулся, отдал мне куртку, я сел в трамвай и поехал домой.

Уезжая, я посмотрел в окно. Виталий Васильевич неторопливо шел домой. Он возвращался той самой дорогой, по которой ходил бесчисленное количество раз, проводив очередных подготовленных им в парке бойцов в жизнь.

Россия

Сборы по подготовке к России начались в Карпинске в начале августа. Неприятным сюрпризом стало то, что Николая Ивановича Ивкина на этот раз в Карпинске не оказалось.

Второй тренер, который еще на первых сборах помогал ему во всем, сообщил нам, что Ивкин срочно куда-то уехал, и, пока его нет, тренировочный процесс будет вести он, Михаил Коновалов.

Хотя, если честно, мы его Михаилом никогда не называли. Как-то так получилось, что с первого дня он стал для нас Миша.

Миша был очень хороший молодой человек. Мастер спорта, возможно, ученик Ивкина, его способности было трудно переоценить, когда он был вторым.

Николай Иванович был мозгом, а Миша был его руками. Он следил за нашим режимом, за выполнением всех заданий на тренировке, помогал на соревнованиях секундировать нас. В общем, Миша был классическим и незаменимым вторым номером.

И вот сборы идут уже неделю, мы тренируемся, а Ивкина все нет.

– А Николай Иванович скоро приедет? – периодически спрашивали мы Мишу.

– Скоро! – дежурно отвечал он.

Время шло, Ивкин не появлялся, и мы тренировались в прежнем ключе.

Все вроде бы было хорошо и правильно, но чего-то конкретно не хватало. И хоть тренировались мы так же, как в первые сборы, три раза в день, и делали все то же самое, как при Николае Ива-

новиче, но отсутствие заслуженного мэтра ощущалось во всем. Ивкин мог развернуть тренировочный процесс на 180 градусов, если видел, что что-то идет не так. Миша так сделать не мог.

Наверняка он, так же как мы, ждал скорого приезда старшего и все ключевые вопросы оставлял ему.

Лично я в те сборы наслаждался полученным от Виталия Васильевича уроком ведения ближнего боя. Присев чуть ниже на ногах, я лишил тем самым своего спарринг-партнера Юрку Козловского возможности пробивать мою печень. Ситуация поменялась, теперь уже не он, а я кружил его то влево, то вправо, опережая товарища в движении и скорости.

Через пару дней таких наших танцев Юрка не выдержал и спросил меня сам:

– Как ты это делаешь?

– Извини, друг, – ответил я. – Я не могу открыть тебе эту тайну.

Говоря за себя, уверенно могу сказать, что чувствовал я себя на этих сборах на голову выше, чем на предыдущих. Я стал выносливее, быстрее, научился действовать более разнообразно во всех компонентах боя.

Четкое убеждение, что если я и не выиграю на России, то по крайней мере окажусь в призерах, царило у меня в голове.

Думаю, то же самое касалось всех ребят нашей команды. За время, проведенное на сборах, выросли все.

Есть такое правило: если хочешь научиться во что-то хорошо играть, играй с сильным соперником. Здесь, в Карпинске, это правило срабатывало на все 100 %. Работая каждый день с сильными и разными, мы сами становились сильнее себя прежних.

Один только момент смущал меня. Большую часть тренировочного времени мы проводили на деревянном полу. Не помню, почему так получилось, но это было именно так. Не на ринге, а на полу.

Прекрасно двигаясь на ногах по жесткому полу, я помню даже как-то представил себе пользу от таких тренировок. Мол, если случится драка на улице, на асфальте, я буду лучшим.

Так прошло три недели. Сборы закончились, но главный тренер сборной области Ивкин Николай Иванович на них так

и не появился. Видимо, были некие веские причины, которые не позволили ему это сделать.

Деваться было некуда – второй тренер, Миша, закончив нашу подготовку к ответственным соревнованиям, повез нас в город Сызрань, на Россию.

Расположенная на Волге, Сызрань, встретила нас яблоками. Едва добравшись до места, мы пошли гулять, изучая достопримечательности нового города. Не успели мы пройти и ста метров, как увидели тетушек, стоящих с полными яблок ведрами по окраинам тротуаров.

Конец августа – время урожая яблок и, судя по тому, что мы увидели в Сызрани, их было изобилие. Яблоки были разные. Они отличались по сорту, размеру и по вкусу. Люди искушенные могли подобрать для себя именно тот сорт, какой любят.

Мы искушенными не были и потому с жадных глаз взяли ведро того и ведро другого. Помню, как мы перли авоськи с яблоками в гостиницу, уминая их по дороге.

Чего-чего, а яблок в ту поездку мы наелись досыта.

Касаемо же самих соревнований, то география спортсменов, представляющих свои регионы на первенстве России, была огромной. Мне кажется, одних только ребят с Кавказа было человек сто.

Шестнадцатилетние, они с трудом выглядели на свой возраст, так как у многих из них уже была борода.

Помимо бородачей, был Мурманск, Магадан, другие российские города.

Встретил я и своего соперника из Кургана, которому проиграл в финале на Зоне в Осинниках. Мы пожали друг другу руки и пожелали удачи.

В день боев традиционного настроя на поединки не было. Тренер Миша, конечно, что-то говорил нам, возможно, даже пытался разозлить нас на соперника и на самих себя. Но, думаю, что у него это не очень получилось.

Умением вывести спортсмена на бой, зарядив его энергией победы, славился именно Ивкин. У Миши, при всем моем ува-

жение к нему, этот компонент тренерского ремесла был еще недостаточно развит. Ничего не поделаешь – опыт!

Итак, мой бой. Соперник – парень из Магадана. Высокий, мощный, с длинными руками, обладающий недюжинными физическими кондициями для бокса. Между тем меня он несколько не смутил и не напугал, наоборот, увидев его перед боем, я был уверен, что пройду в следующий этап соревнований.

Так я думал, направляясь к рингу. Когда же вышел на центр ринга, чтобы позвать противнику руки, уже тогда тяжкое сомнение возникло в моей голове.

Когда же рефери дал команду «бокс!» и я в надежде начать порхать на ринге сделал первые челночные движения, то понял, что все очень плохо, потому что покрытие ринга оказалось подобно матам, мягким и проваливающимся.

Это был конец. Тренирующийся все сборы на деревянном полу, я не мог прыгать на таком ринге.

А тут еще соперник, он действительно был хорош, в одной из первых атак попал по мне. Аура тут же преломила мое зрение. Все приемы, которые я шлифовал в течение сборов, стали для меня недоступны.

Оставалась одна надежда – на удар. Я пошел вперед. Соперник, надо отдать ему должное, был счастлив такому повороту дела. Высокому, с длинными руками, все что ему оставалось делать, это не дать мне сблизиться и расстреливать меня, полуслепому, с дальней дистанции, что у него действительно очень хорошо получалось.

Мне же оставалось ждать окончания боя. Три раунда тянулись очень долго, но я честно отбыл свой номер до конца. Руку подняли сопернику, он заслуженно победил.

Анализируя тот бой сегодня, я, конечно же, все сделал бы иначе. Почувствовав мягкость ринга, нужно было просто выиграть время, чтобы привыкнуть к новой данности. Самым важным для меня тогда было не пропустить удар. Нужно было ходить, двигаться приставными шагами, можно было даже начать бегать от соперника до тех пор, пока мышцы ног не привыкли бы и не начали работать на мягком покрытии. Даже

если бы у меня оставался хотя бы один раунд, но с рабочими ногами и без ауры, мы бы еще посмотрели, кто прошел бы в следующий этап.

А так вечером того же дня ко мне подошел Арсен Галустян и, как мог только он, прямо спросил:

– Я видел четыре твоих боя. Два ты выиграл в офигенном стиле и два проиграл непонятно как. Ничего не понимаю, где ты настоящий и почему так?

Объяснять товарищу по команде, что после пропущенных ударов я вижу вполтину от нормы, я не стал.

Все ровно бы никто не поверил. А если бы и поверил, то все, что могли посоветовать мне, так это пойти к врачу или закончить с занятием боксом. А у меня на этот счет были другие планы. Ну по крайней мере до этого боя.

И вот теперь, когда главные соревнования моей жизни закончились, мне оставалось наслаждаться гостеприимством Сызрани и следить за боями друзей.

А друзья выступали по-разному. Кто-то в первый день выиграл, кто-то проиграл, но меня больше всех впечатлило поражение Андрея Башкирцева.

Попавший по жеребьевке на мурманчанина, Андрей начал бой как обычно. Быстро двигаясь в челноке, он разил мурманского тяжа резкими сериями, разрывая дистанцию и начиная все снова. Мне кажется, Андрей хотел закончить этот бой в первом же раунде ввиду явного преимущества. На деле же все оказалось иначе.

В одной из атак мурманчанин попал Андрею, его болтануло, и рефери открыл счет. Несмотря на то, что к окончанию счета наш друг готов был продолжать бой, поединок остановили и отдали победу очумевшему от счастья представителю северного города.

Левка свой первый бой на России выиграл, это я точно помню.

Вечером того же дня мы гуляли по городу, когда, остановившись у входа в ресторан, увидели девушку, отбивающуюся от назойливого ухажера. Вмешавшись, мы привели ухажера

в замешательство, которое выразилось в том, что он признался нам, что тоже свердловчанин, является мастером спорта по фигурному катанию и может отжаться на правой руке пять раз.

Может быть, таким образом, он хотел отпугнуть нас от своей пассивности, но история земляка только раззадорила нас. Андрей Башкирцев поведал мужчине, что в прошлом году он уже становился чемпионом России по боксу, Левка рассказал, что тоже умеет кататься на фигурных коньках, а я просто отжался на каждой руке по десять раз.

Опешивший от такого напора земляк дал нам свой номер свердловского телефона, мол, если будут вопросы, звоните и предложил угостить нас шампанским. Ведущие здоровый и спортивный образ жизни, мы отказались.

Итак, белый флаг фигуристом был выброшен, трофей, в виде молодой и подвыпившей дамы достался нам.

Всю дорогу до места нашего проживания Андрей Башкирцев рассказывал девушке познавательные истории. И если для нас его начитанность была делом привычным, то для незнакомки такая интеллектуальность была в новинку, и она слушала Андрюху с неподдельным вниманием и широко открытыми глазами. Иногда, когда звучали непонятные слова, дама зависала, и только Левкины анекдоты и домашние заготовки со сценами из фильмов Челентано возвращали девушке прежний хохот, улыбку, разнузданность и флирт.

Придя в номер гостиницы, наши отношения стали прогрессировать. Девушка уже традиционно присела на Левкины колени. Казалось, что дело пошло...

Разговаривали негромко вполголоса, чтобы не привлечь внимание всей команды, а это ни много, ни мало 10 человек. Но, к сожалению или к радости, все закончилось внезапно. Левка рассказал очередной анекдот, девушка мило улыбнулась, а вот Андрюха Башкирцев заржал так, как умел только он. Через минуту вся команда сидела в нашем номере и жадными, голодными глазами пожирала случайную знакомую.

Ситуацию спас тренер Миша. Он и судья Ермаков постучали в дверь нашего номера. Мы тут же выключили свет.

– Ребята, вы спите? – шепотом спросил Миша.

– Спим, – зевнув во все горло, прогнусавил Сява.

– А ну-ка, откройте двери, – настоятельно, но все так же тихо попросил тренер.

– Дак ведь спим мы, – зевая не меньше, чем в первый раз протянул Сява.

– Открывайте двери, я сказал вам! – строгим, голосом, не допускающим возражений, произнес Миша.

– Ребята, давайте по-хорошему, откройте уже сами, иначе мы вскроем замок! – вторил ему интеллигентный судья Ермаков.

Двери пришлось открыть. Когда включили свет, картина была, как говорится, маслом: 10 одетых человек сидят на кроватях, а у одного из них, Левки, дама на коленях.

– Так, это что?! – начал было Миша.

– Только чай попить пригласили, – попытался откреститься Левка.

– Девушка, – обращаясь к местной жительнице, мягко произнес Миша. – У нас тут юные спортсмены, им необходимо соблюдать спортивный режим, и уже нужно спать. Покиньте, пожалуйста, помещение.

– Я никуда не уйду! – разом отрубил деваху.

– И все же, я попрошу вас, – учтиво продолжил свои уговоры Миша.

– И не подумаю! – подтвердила непоколебимость своих намерений девушка.

– Давайте выйдем из номера, и я вам все объясню, – в попытке решить конфликт без скандала, пообещал ей Миша.

– А не обманешь? – недоверчиво проговорила нечаянная гостья.

– Слово тренера! – поклялся Миша.

Девушка внимательно посмотрела на Михаила и, не обнаружив в его лице ни одной причины, по которой могла бы не доверять ему, продефилировала на выход вслед за ним...

Продлившись несколько дней, соревнования закончились. Не помню, кто и что занял. Помню точно, что Левка стал третьим.

Перед отъездом мы посетили кинотеатр, где шла премьера только что вышедшего фильма «Миллион в брачной корзине».

Удивительное зрелище, когда большой, как в нашем «Космосе», кинозал, набит под завязку одними боксерами. Приехавшие со всей страны, мы пытались смотреть фильм, но из-за непрекращающегося смеха, не было слышно ни слова.

Это было сродни немым комедиям начала XX века. Без звука, но смешно!

Уезжали мы из Сызрани практически на перекладных. Миша смог взять билеты только в общий вагон. Ехать двое суток, летом, в жару, в общем вагоне – задача как раз для сборников.

Сначала мы ехали с башкирскими пчеловодами, постоянно предлагающими нам мед с огурцами. В нашем далеком от изысканности мозгу это угощение выглядело издевательством.

Даже всеядного Андриюху Башкирцева чуть не стошнило, когда он увидел, как башкир макает свежий зеленый огурец в не менее свежий цветочный мед.

Потом на одной из станций к нам в вагон подсел табор настоящих бродячих цыган, и наша жизнь заиграла новым, доселе неведомым колоритом. Кочевой аромат древнейшего народа Индии я помню до сих пор.

Потом, когда от жары и недосыпа сил уже практически не оставалось, тяжеловес Эдик Бабанов во сне рухнул с верхней полки боковушки. Левка так хохотал, что мы на время позабыли обо всех поражениях и усталости.

А вскоре за окном начали мелькать родные пятиэтажки, и мы приехали на свердловский вокзал.

Часть пятая

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Нормальные пацаны

Лето закончилось, начались школьные будни. В сентябре мне предстояло снова идти на УПК, на нелюбимую металлообработку. Зачем я вообще пошел на этот чуждый мне профиль, ни тогда, ни сейчас я ответить не могу. Видимо, «все пошли, и я пошел», другого ответа у меня нет.

Мастер по металлообработке, некий Лютин, получивший с легкой руки моего одноклассника двойную дворянскую фамилию Лютин-Писин, был человек в высшей степени антипедагогический. Не утруждая себя поиском особых межличностных отношений со своими подопечными, Лютин делал все, чтобы металл, станки и его лысо-усатую голову мы возненавидели всеми фибрами своей далеко не токарной души. И вот с такой, с позволения сказать, ненавистью к выбранному мной ремеслу, коим представителем для нас был Лютин, он и отправил меня в начале лета в святая святых токарного дела – на Свердловский инструментальный завод.

Чем я там занимался и какой ущерб металлургии нанес, я рассказывал ранее, говоря о том, как поехал на первые сборы в Карпинск. И вот теперь, когда начался новый учебный год, мне снова предстояло встретиться с мастером Лютиным на УПК.

Признаюсь честно, лично мне от Лютина ничего не надо было вообще. Я пришел на УПК, потому что не мог не прийти.

Из возможных плюсов при одном большом минусе была встреча с товарищами по УПК. Про товарищей отдельно.

Моими коллегами по металлообработке, помимо одноклассников, были ребята из хоккейного спорткласса 17-й школы. По сути, весь их класс была одна хоккейная команда, тренирующаяся в «Юности».

Хоккейщики были ребятами очень интересными и немного забавными. Например, когда мы сидели в упэкашной столовой, мне, боксеру, постоянно следящему за своим весом, забавно было наблюдать, как звезды хоккея уминают свой обед. Они съедали все до последней крошки. Тарелки после них можно было не мыть!

Не вылезавшие со спортивных сборов, учились они не очень, если говорить мягко, и не учились совсем, если сказать честно. Между тем понимание того, что не каждый из них окажется в сборной команде Советского Союза, у ребят было, и потому на металлообработке они свое дело делали, и у Лютина к ним претензий не было. Ко мне же были...

Первый же мой выход на УПК и долгожданная встреча с мастером Лютиным грозила перерасти в рыцарское побоище. Мастер наш, увидев мою довольную физиономию, решил взять у меня реванш непонятно в чем и показать всем остальным металлургам-невольникам, кто в доме (читай на его факультете УПК) хозяин.

Для осуществления задуманного затейник Лютин позвал с собой второго нашего, с позволения сказать, преподавателя. Кличка последнего полностью соответствовала его внешнему виду и фактуре. «Медвежонок» прозвали мы его между собой.

Медвежонок был мужик крепкий, судя по всему, в юности своей увлекающийся каким-то боевым видом спорта.

Итак, два мастера, Лютин и Медвежонок, одетые в обычные для своего дела черные молескиновые халаты, в ходе очередной учебной пары задали мне два, как им тогда показалось, главных в моей жизни вопроса: «Где я был весь июнь? И не мучила ли меня совесть, что выделенное и закрепленное за мной место на заводе пустовало для желающих заработать на практике?»

Без задней мысли я ответил, что все лето тренировался в Карпинске, после чего в составе сборной по боксу, защищал спортивную честь нашей области, выступая на соревнованиях республиканского масштаба.

Между тем ответ мой совершенно не удовлетворил любопытства мастера-металлиста, и он прямо сказал мне, что обо мне думает: «Не знаю, какой ты спортсмен, я тебя на ринге не видел, а вот человек ты нехороший! Из-за тебя рабочее место на заводе целый месяц простаивало!» Последние слова были сказаны Лютиным так, как будто вместе со святым делом металлообработки я предал ни много, ни мало а нашу Советскую Родину. Вывод мастера мне не понравился, и не в силах согласиться с последним, я прямо и просто заявил: «Не согласный я с вами! Я и спортсмен, и человек хороший».

Реплика моя, судя по всему, должна была быть последней в нашем диалоге, потому что сразу после моих слов Лютин и его подручный Медвежонок с поднятыми на уровне лица кулаками, пошли на меня с двух сторон. Чтобы дяденьки не обошли меня сзади, я тут же встал спиной к большому станку, которых в классной аудитории, к счастью, было превеликое множество и, как учили, поднимая руки к лицу, приготовился встречать воспитателей.

В этот момент произошло то, чего ни я, ни Медвежонок, ни даже Лютин никак не ожидали. Весь наш класс УПК, а это чудо-богатыри хоккеисты и мои одноклассники, резко бросив работу на своих станках и взяв в руки кто болванку, кто огромный разводной ключ, окружили меня, станок, к которому я прижался, и двух горе преподавателей-мастеров.

– Э-э-э! Вы че!!! – заорал во все свое хоккейное горло лучший вратарь юношеского первенства Советского Союза Димка Компот (Киселев по трафарету на спине хоккейного свитера).

Остальные хоть и молчали, но было видно, дерлись мужики, и лежать им прямо там, на железном полу, в молескиновых, как нельзя кстати, халатах...

Наверно, у этого эпизода могло быть и другое продолжение. Возможно, я бы и сам справился с мужиками, показав тем самым уровень областного сборника и лично своей подготовки.

Но чем бы в таком случае все могло закончиться? Заявлением? И что бы было потом? Да уж...

Лучше всегда избегать драки, если это возможно!

Жизнь раскидала нас с моими упёкашными друзьями, но, сколько бы лет ни прошло, я благодарен им за то, что они поступили так, как поступали в те годы все нормальные пацаны.

Побоище, Ким Ир Сен и стеклянный глаз

Итак, выступление на России, к которому я шел два года, закончилось для меня по большому счету ничем.

Мечта стать кандидатом в мастера спорта в очередной раз, поблазнив меня, вильнула хвостом и уплыла. Я снова ходил на тренировки, снова продолжал готовиться к соревнованиям, но после проигранной в Сызрани России все это было уже больше на автомате, по привычке.

Я прекрасно понимал, что имею две проблемы со здоровьем, которые до сих пор не дали и, судя по всему, уже не дадут мне раскрыть свои таланты и добиться в боксе чего-то существенного. И если с первой проблемой – остеохондрозом, еще как-то можно было справляться с помощью массажей, терапий и прогреваний, то, что делать с аурой, я не знал.

Вариант был один – закончить занятия боксом. Почему я этого не сделал? Может быть, тоже по инерции и по привычке, а может быть, еще имел надежду победить.

В общем, я продолжал свои занятия в «Локомотиве», у Грибняка Виталия Васильевича.

Какие были соревнования в тот период, в точности не помню. Помню была матчевая встреча с лесотехническим институтом. Их команда против нашей. Мне, шестнадцатилетнему, достался студент с корейской фамилией. Этот бой я выиграл легко.

По совокупности поединков наши тогда побили лестех, и в одном из последних боев тренер студентов что-то не поделил с Иваном Соколкиным.

Иван стал объяснять ему, как должны вести себя нормальные люди в приличном обществе, а тренер, думая, что он бесмертный, обозвал Ивана козлом.

Продолжение было забавным. Иван призвал варяга ответить за базар, ответ не поступил, тогда наш старший товарищ отправил тренера лесников в нокаут, что, в свою очередь, послужило поводом к массовой драке.

В попытке поквитаться за своего предводителя лестеховцы высыпали на ринг. Все закончилось побоищем, в котором приняли участие как боксеры, так и тренеры. Помню, даже кто-то из наших ребят вбежал на ринг со стулом над головой.

Итог был закономерен: «Локомотив» победил, лестех был бит.

Тренера лесников уводили под руки, и единственное, что он мог делать, так это только кивать головой и со всем соглашаться, слушая, как Иван Соколкин с трудноскрываемым энтузиазмом объясняет ему лексическое значение и этимологию слова «козел».

Вообще забавного было много. Помню, как нашу любимую баню, в которую мы после тренировок ходили сгонять вес, закрыли на ремонт.

Объяснение было очень интересным – ожидается приезд важного международного гостя, путешествующего на поезде, и баня наша была именно тем объектом, расположенным недалеко от вокзала, который он готов посетить.

К назначенной дате раздевалку, ведущую к парной, всю сплошь устлали красными коврами. Не было ни одного свободного места, где не лежал бы или не висел красный, как зарево, ковер.

И как вы думаете, кто же оказался дорогим гостем? Ну, конечно же, товарищ Ким Ир Сен, мир его праху. Всегда вспоминаю с благодарностью о корейском лидере, потому что после его посещения нашей бани ковры хоть и убрали, но красивую мореную дубовую рейку оставили.

И еще долгие годы «локомотивцы» парились, поминая добрым словом товарища Кима.

Помню также примерно в это время в «Локомотиве» внезапно появились Костя Цзю и его тренер Владимир Черня. У нас шла тренировка, когда Черня подошел к нам и крайне корректно попросил:

– Ребята, не могли бы вы помочь Косте поддержать форму? Мы едем на кубок СССР, и Косте нельзя пропускать тренировки.

Мы встали в пару и без удара, на технику, поработали с ним. Скажу прямо, это был другой уровень по сравнению со всем, кого я видел. Особенно меня поразило умение Кости бить левой по печени. За то время, которое понадобилось бы мне на один удар, Костя успевал сделать два. Он уже тогда был большой мастер и настоящий чемпион.

Помню, как на одной из тренировок я встретил Городничева. Тренирующийся с мужиками, он работал на ринге, когда я, обрадованный встрече, подбежал к нему. Поздоровавшись и желая узнать, что и как, я начал задавать ему массу вопросов, обращаясь к бывшему тренеру по имени и отчеству:

– Владимир Михайлович, а как вы, а где вы, а что вы?..

Мужики, окружающие нас, смотрели за этой сценой с непониманием, им было непонятно, почему я называю Городничева исключительно на вы. Почувствовал это и бывший тренер и уже через несколько подобных обращений, смутившись, попросил меня обращаться к нему по-другому.

– Я ведь больше не работаю тренером, – справедливо сказал он, – поэтому на вы меня называть не надо.

– А как вас теперь называть? – недоумеваю, спросил я.

– Володя, – улыбнувшись, ответил он.

Несмотря на очевидную логику сказанного, называть его так для меня было непривычно...

Из забавных историй того времени – история о боксере Базаеве.

Живущий где-то на Новой Сортировке косоглазый парень пришел заниматься в группу к Виталию Васильевичу. Питающий особое чувство к тяжам, Грибняк вцепился в парня, как

говорится, руками и ногами и стал тренировать его до седьмого пота, своего и Базаева.

Результат не заставил себя долго ждать. Серега Базаев легко смог выиграть город, область, «Дорогу», ряд открытых рингов и получить право выступать на первенстве России.

– Сережа, – обратился к растущей звезде Виталий Васильевич. – Надо же медкомиссию пройти перед Россией.

– Может, без нее, Виталий Васильевич? – предложил Базаев.

– Без нее не получится, – настаивал Грибняк. – Это же Россия! Надо.

Надо так надо. Базай пошел в спортдиспансер проходить медкомиссию. Удачно обойдя все кабинеты, парень застыл перед входом в кабинет окулиста.

– Что стоишь? Заходи! – подтолкнул его в дверь специалист. Серега зашел.

– Закрывай один глаз и читай строку, – скомандовал врач.

Парень закрыл глаз и прочитал все строчки сверху вниз.

– Хорошо! – похвалила его врач. – Теперь закрывай второй и читай все то же самое.

Серега снова закрыл глаз и снова начал читать, при том точно так же бегло, как и первый раз.

Слыша, что ритм чтения ни на йоту не поменялся, врач оторвалась от своей писанины и посмотрела на Серегу.

– А ты чего тот же глаз закрыл? Другой закрывай и читай снова, – сказала окулист.

– А я другим не могу, – честно признался Серега.

– Почему не можешь? – недоумевала врач.

– А он у меня стеклянный, – выдал свою тайну спортсмен.

Оказалось, что Серега Базаев, сортировочный самородок, провел около двух десятков боев, во всех победил, и все это он делал имея стеклянный глаз, ну или правильно будет сказать, имея один из двух для бокса необходимых.

На этом карьера боксера для Сереги Базаева закончилась, началась другая карьера, которая ни к боксу, ни к данной книге никакого отношения не имеет.

В общем, замечательно и весело было в «Локомотиве» на рубеже 87 и 88 годов. Что же касается меня, то я потихонечку ожил, горечь от поражения на России ушла, я тренировался и готовился к новым турнирам, пока в один прекрасный день не влюбился.

«Первым делом самолеты»

Именно этой фразой встретил меня как-то в локомотивовской раздевалке Виктор Михайлович Белоусов.

Вообще, он часто заходил к нам перед тренировкой и выдавал какие-нибудь перлы, на которые мы ему не менее выдающимися же перлами и отвечали.

Помню, как-то заглянув в раздевалку, Белоусов, видимо, в надежде припахать нас на какие-то свои дела, спросил:

– Парни, чем занимаетесь?

На что чуть заикающийся Серега Базаев со свойственным ему морганием глаза простодушно ответил:

– Б-б-боксом!

Виктор Михайлович, опешивший от такого прямого ответа, растерялся, и забыл, зачем заходил.

В тот раз, о котором начал рассказывать я, Белоусов четко знал, зачем он зашел и что хотел до меня донести.

– Здорово, Саша! – с уважением, поприветствовал меня он.

Наблюдая за моей карьерой в «Локомотиве» в течение трех лет, Виктор Михайлович сделал свои тренерско-педагогические выводы, и по классификации «свой – чужой» я уже давно числился у него своим.

– Здравсьте, Виктор Михайлович! – ответил я.

– Видел тебя вчера на аллейке, – как всегда, нараспев и загадочно протянул Белоусов.

– На какой аллейке? – не понимая, о чем идет речь, спросил я.

– На аллее, на проспекте Ленина, – пояснил тренер. – Идете такие красивые с девушкой, обнимаетесь...

– А что, нельзя? – прямо спросил я.

– Да, можно... Почему нельзя? Можно... – Нараспев, задумчиво протянул Виктор Михайлович и, уже направляясь к выходу из раздевалки, еще раз глянув на меня, крикнул: «Мда!!!» И запел:

– Первым делом, первым делом, самолеты, – перед самой дверью еще раз бросил на меня прищуренный взгляд и, качая головой, завершил шлягер конца 40-х: – Ну а девушки? А девушки потом!

Все, кто в это время были в боксерской раздевалке, разразились дружным здоровым смехом.

Мне же потом смеяться пришлось дольше всех, два года. Но не буду забегать вперед и расскажу по порядку.

Девушка моя была из хорошей семьи. Папа ее был талантливым игровым тренером. Под его руководством команда нашего города с первой попытки запрыгнула в высшую лигу. Результат по всем меркам был выдающийся, и семья тренера получила квартиру в самом элитном, по тем временам, доме города, а дочь перешла в нашу школу, где мы и познакомились.

Вы спросите, как данное обстоятельство сказалось на моей боксерской карьере? Ну пока в 87-м году никак, за исключением того, что тренироваться хотелось меньше и меньше и все свободное время мне интереснее было проводить с ней, чем где-нибудь еще.

Но это уже сугубо мое отношение к делу, и потому к девушке и ее семье оно не имеет никакого отношения.

Весной 87-го года мы поехали на область, в Нижний Тагил. Я заболел и на ринг вышел с небольшой температурой. Соперник, тагильчанин Лессовский, был хорошим боксером, сумевшим к тому времени выполнить норматив кандидата в мастера спорта. Притом, не умаляя его заслуг, не скажу, что в нем было что-то такое, чего во мне не было. Нет, дело не в этом, а в том, что я точно помню, что в том бою я в первый и в последний раз в своей жизни не хотел боксировать. Ну то есть вообще никак!

Когда во втором раунде соперник послал меня в нокаун, я был рад. Аура сразу замелькала в глазах, но не это было главным.

Воля к победе и желание боксировать, которые всегда горели во мне, на этот раз отсутствовали полностью. Второй нокдаун догнал меня вскоре после первого. Мне кажется, я даже специально подыграл противнику, сделав вид, что меня шатануло больше, чем он попал.

Рефери открыл счет и поднял руку сопернику. Первый и единственный раз в своей жизни я проиграл ввиду явного преимущества.

В финале у Лессовского выиграл хороший парень, которого раньше побеждал я, но меня это мало интересовало, так как интересы мои теперь были в другом.

Год перед армией

Школа закончилась. Окончательно съехавший с хороших оценок на тройки, я, в общем-то, уже и не хотел особо никуда поступать.

Но, как сказал киноклассик, «все бежали, и я побежал», вот так и я в последний момент решил запрыгнуть в физкультурный техникум. При этом, не прося протекции у Виталия Васильевича, я просто подал документы и пришел на экзамены.

Пробежал я хорошо, прыгнул сносно, а вот когда дело дошло до плавания, то я понял, что и физкультурный техникум мне не по плечу.

Плавать я не умел. На предложение экзаменующего просто прыгнуть в воду и побарахтаться, я ответил однозначным отказом.

– Ну если я плавать не умею и воды боюсь, неужели вы думаете, что я сам добровольно захочу утопиться? – спросил я сердобольного экзаменатора.

Помню, там же в техникуме я встретил тренера по легкой атлетике, который в 1984-м в «Юности», увидев, как я пробежал короткую дистанцию, год ходил за мной, уговаривая перейти в легкую атлетику.

Хороший человек, увидев меня, он попытался помочь поступить, но я уже сам не хотел и потому перешел, как тогда говорили, на работу в «гортоп», то есть стал по городу топать.

Помню, как друг брата, взрослый и серьезный, объяснял мне:

– Если ты любишь свою девушку, то ты должен поступить в институт. И не важно, что у тебя сейчас есть деньги. Она же у тебя из хорошей семьи, значит, им твои деньги не нужны, им нужно, чтобы ты был человеком с высшим образованием.

Все, что он говорил мне, меня не понимало, так как зарабатывать деньги я уже умел, а сидеть снова за партой, когда кругом такое, не хотелось.

Насчет «такого» – все так оно и было. Страна уже тогда стремительно менялась, и на смену вечным понятиям стабильности и труда приходили смелость, ловкость и хитрость. Смелость у меня была, а остальное было делом несложным. При желании можно было всему научиться. Вот я и учился, и жил.

Касаемо же бокса, я увидел в нем новые перспективы. Связаны они были прежде всего с тем, что творилось в городской среде – боксеры были всегда востребованы в любых разборках и конфликтах, за что, соответственно, получали хорошие деньги.

Вторым аргументом была армия. Через год мне предстояло идти служить, а принадлежность к боксу позволяла провести службу в так называемой спортроте.

Не желая носить кирзовые сапоги, я с нескрываемым энтузиазмом, продолжил тренироваться в «Локомотиве».

Смысл, который некоторое время назад был потерян, вернулся, и теперь уже, несмотря на больную спину и ауру, я пахал, и пахал, и пахал.

Лето после школы было интересным. Я часто приезжал на тренировки в ЦПКиО. Тогда вместе с нами на стадионе «Луч» тренировались Витя Киселев и Леша Пряничников.

Как сейчас помню, Алексей только приехал после матчевой встречи СССР – США, где одержал победу над будущим абсолютным чемпионом мира среди профессионалов Ридикком

Боу. Белая футболка с массой непонятных тогда слов вызвала интерес у Виталия Васильевича.

– Леша, скажи, что у тебя тут написано? – спросил наш тренер.

– Я жду тебя за углом! – улыбаясь, ответил Пряник.

– Сними, не позорься! – выразил свое отношение к прозвучавшему Грибняк.

– Виталий Васильевич, я шучу, – пожалел тренера воспитанник. – Тут написано «матчевая встреча между сборными командами Советского Союза и США». Дата и время проведения.

– Ну вот! – удовлетворенно произнес Виталий Васильевич. – Другое дело! Носи на здоровье!

Осенью у меня появились прекрасные спарринг-партнеры: Тарас и Чингиз. Приемный сын Виталия Васильевича Тарас вернулся из армии и в надежде обрести хорошую форму пришел в «Локомотив».

Встав однажды с ним в пару, мы устроили такой показательный и красивый бой, что, поняв полезность друг друга, стали спарринг-партнерами на долгое время. Техничный Тарас помог мне готовиться к новым боям, я же помог ему вновь почувствовать себя настоящим кандидатом в мастера спорта.

В тот же год, назову его предармейским, я познакомился с хорошим взрослым парнем, живущим в нашем районе. Сереге Щепину было 28 лет, он работал в такси и был когда-то в армии чемпионом военного округа по боксу.

Кандидат в мастера спорта и просто богатырского вида человек попросил меня взять его с собой на тренировку. Полгода Серега заезжал за мной, и мы на автомобиле его тети, ГАЗ-21 «Волга», ездили с ЖБИ, куда мы после школы с мамой переехали, в «Локомотив».

Бывало, мы приезжали с ним на занятия без машины, на общественном транспорте. Оттенировавшись, мы выходили на ул. Свердлова и шли пешком в направлении автобусной остановки. Разгоряченный Серега выглядел очень внушительно. Полурасстегнутый, 120-килограммовый богатырь, с нутри-

ево́й шапкой, надетой по-дембельски на макушке. Пар валил от него, как от закипающего самовара. Представляя всю эту картину со стороны, я смеялся и был уверен, что, несмотря на позднее время, у нас никто не попросит закурить.

Там же, на Свердлова, мы частенько заходили в магазин «Родничок», где выпивали минеральной и газированной воды, утоляя послетренировочную жажду.

Бывало, стоя в «Родничке», мы встречали Грибняка, заходившего туда же за тем же. Притом, что и как пил Виталий Васильевич, это отдельная история.

Тренер наш всегда брал два стакана воды: один с минеральной, другой с газированной. Взяв их в руки, он медленно подносил их ко рту, по дороге решая, с какого начать. Он поворачивал голову то к газировке, то к минералке, а потом, внезапно вцепившись губами в один из стаканов, жадно выпивал его без остановок до дна. Не успев допить первый стакан, он тут же присасывался ко второму и выпивал его так же, залпом.

Эту особенность Виталия Васильевича в «Локомотиве» знали старожилы, и если случалось встретиться с тренером в «Родничке» двум боксерам, из которых один был искушенным, а второй нет, то первый всегда говорил второму:

– Смотри, как Виталий Васильевич сейчас пить будет.

Угадать, с какого стакана он начнет, было невозможно. Начинал он всегда по-разному.

Касаемо же моего приятеля Сереги Щепина, то супертяжеловес быстро набрал форму и стал лупить по мешку так, что Виталий Васильевич не выдержал и записал Серегу на чемпионат города.

Свой первый раунд после многолетнего перерыва Серега провел блестяще, и только чудо позволило его сопернику устоять на ногах и вернуться в бой после хорошего нокаута.

Во втором раунде наш ветеран в прямом смысле слова задохнулся и не смог продолжать бой. Виталий Васильевич выбросил полотенце. Победил соперник.

Между тем Серега еще долго тренировался в «Локомотиве», пока, стоя за пивом, не убил одного из трех залезших без очереди храбрецов. Условный срок за самооборону и выплата

семье погибшего 20 % от зарплаты в течение двух лет стали ему наказанием.

Я же, спаррингуясь с Тарасом и Чингизом, набрал хорошую форму и в феврале вышел на последнюю в своей жизни область.

Слепая ярость

Замечательный фильм начала 90-х, где в главной роли играл Рутгер Хауэр, думаю, помнят многие. Название фильма «Слепая ярость», рассказывает он о судьбе американского ветерана Вьетнамской войны, который вследствие взрыва на войне ослеп. Далее весь фильм ветеран совершает головокружительные поединки со своими врагами, ориентируясь исключительно на слух...

Областные соревнования начала 1988 года проходили в «Калининце». Принцип их проведения был такой же, как и два года назад в Карпинске. Выявив пару лучших бойцов во всех весовых категориях, тренеры проводили бои и отбирали победителей для подготовки к первенству России.

Помню, как перед боями я, встретив кого-то из сборной 86-го года, прилег с другом на ринг, рассказывая о событиях последних лет. Так вот, лежу я на ринге и слышу где-то сзади знакомый голос.

– Хорошая куртка, норковая шапка, золотая печатка! Ну, конечно же, это Саша...

Резко обернувшись, я увидел Николая Ивановича Ивкина, направляющегося ко мне.

– Здравствуй! – протянув мне руку, поприветствовал меня заслуженный тренер Советского Союза.

– Николай Иванович! – с восторгом закричал я. – Как я вас рад видеть!

– И я рад! – тепло проговорил Ивкин.

Дело в том, что мы не виделись с тех самых сборов перед Россией, на которых он должен был быть, но по какой-то причине не приехал ни в Карпинск, ни в Сызрань.

Чувство того, что я увидел человека, который мог меня тогда на России спасти, в полной мере выражало мое отношение к нему. Судя по Николаю Ивановичу, он тоже был очень рад нашей встрече.

– Выступаешь? – живо спросил меня он.

– Да, – с готовностью ответил я.

– Я буду следить за тобой, – пообещал Николай Иванович. – Давай выигрывай, и мы с тобой возьмем реванш за 86-й.

– С удовольствием! – радостно, согласился я. – Тогда ведь чуть-чуть не хватило...

– Я знаю, – успокоил меня Ивкин.

Накануне дня боев я был в гостях у подруги, и ее папа, спросил меня:

– Ты же боксом занимаешься? Пригласил бы меня на соревнования, посмотреть твой бой. А то я ведь до командного спорта тоже боксом занимался, мне было бы интересно увидеть, что ты умеешь.

– Хорошо, – ответил я. – Вот завтра и приходите. Будет финал области.

В назначенное время все было готово к соревнованиям.

Я, прекрасно подготовленный, в парадной боксерской форме. Отец подруги, заслуженный тренер, сам когда-то в юности занимавшийся боксом, устроился в аккурат напротив ринга. Ивкин Николай Иванович в судейской коллегии за большим накрытым белой скатертью столом и Виталий Васильевич с полотенцем на плече, стоящий в моем углу.

Все действующие лица и исполнители последнего акта моей боксерской карьеры заняли свои места.

Прозвучала команда рефери «бокс!», мы с соперником сошлись. Плохо помню парня, с которым я боксировал в тот день. Хороший, техничный боец ни в чем не уступал мне в первом раунде. И второй раунд мы провели с ним равно, за исключением того, что он, как я ни старался, все ж таки попал по мне, и приступ ауры исказил мое зрение.

В тот раз искажение оказалось больше обычного. Вместо размычатых контуров я увидел перед собой темное пятно. Как боксировать в таком состоянии, я не знал.

– Третий раунд! – объявил судья, предварительно назвал все мои регалии и награды.

Объявление это, как допинг, подействовало на меня. Пять лет занятия боксом молнией пролетели перед моими глазами.

«Я должен победить!» – сказал я сам себе.

Гонг прозвучал громче обычного и возникло такое чувство, что он звучит где-то у меня в голове. Мы сошлись на центре ринга и продолжили бой.

Вопреки сложившейся после появления ауры тактике, на этот раз я не полез в ближний бой, а продолжил работать на дальней дистанции. Действия соперника я уже не видел, а потому бил практически наугад, в темное пятно.

Не обращая внимания на его финты и раздергивания, я стал просто по порядку, пробивать все серии и связки, которые в данный момент приходили мне в голову. Соперник работал очень хорошо, но так как главной задачей я поставил для себя не пропустить и при этом продолжал держать дистанцию, достать меня у него не получалось.

Я же, напротив, одной из пробитых комбинаций смог достичь цели. Завершающая двойка, правый прямой и левый боковой ударились во что-то крепкое и сухое.

«Похоже, попал», – подумал я про себя.

– Повтори! – услышал я в этот момент истошный крик Ивкина Николая Ивановича.

Я тут же исполнил. Правый прямой застрял в перчатках, прикрывающих подбородок спортсмена, а левый боковой, акцентированный, с переносом всего веса тела на левую ногу, четко достиг незащищенной челюсти бойца. Нокаут. Я победил.

Дивертисмент

Мне кажется, Ивкин был больше меня рад моей победе.

– Ну мы с тобой еще повоюем! – предвкушая успех, настраивал меня он.

Такие слова, сказанные тренером экспериментальной сборной Советского Союза, стоили не просто дорогого, они были бесценны.

Я начал тренироваться изо всех сил. Сборы к России на этот раз проходили в «Калининце».

Уже тогда, в 88-м году, ветер перемен дул изо всех городских подворотен. Жизнь стремительно менялась, люди тоже. И передовой отряд советской молодежи, боксеры, исключени-ем не был.

Приехав на очередную тренировку, я работал бой с тенью у зеркала, когда почувствовал чей-то тяжелый взгляд на себе. Звезда калининского бокса, тяжеловес Желдыбин, имитируя работу не мешке, неотрывно следил за мной и что-то соображал.

Может быть, он увидел незнакомого боксера и ему была интересна моя манера ведения боя, а может быть, ему понравилась олимпийка Adidas «светофор», которая в тот момент была на мне. Все может быть. Сегодня об этом я могу лишь рассуждать, но факт остается фактом, в тот день он не задал мне никаких неподобающих вопросов.

Вообще, те сборы в «Калининце» были очень успешны для меня. Я смог быстро выйти на пик формы и, работая в спаррингах, никому не уступал.

Николай Иванович можно сказать не отходил от меня. Уделяя особое внимание отработке ударов на лапах, он помог дошлифовать мне удар левой рукой так, что очень скоро к традиционно нокаутирующему правому прямому добавился левый боковой. После этого я, как никогда ранее, смог бить одинаково сильно с обеих рук.

Все на этих сборах было хорошо и правильно, за исключением дороги. В то время я жил на ЖБИ и добираться до расположенного на Эльмаше «Калининца» было крайне утомительно и тяжело.

Час я ждал единственный автобус, курсирующий между ЖБИ и Эльмашем. Потом час с лишним трясся в битком набитом «ЛИАЗе» до спортзала. После тренировки вся история повторялась в точности, только уже в обратном направлении. Я устал.

Но, несмотря на это, я бы, наверное, так и ездил на перекладных и делал свое боксерское дело, если бы тогда же у меня не состоялся очень серьезный разговор с папой моей подруги.

Все началось с колоды карт. Мы сидели в гостиной у нее дома, когда ее папа предложил нам сыграть в дурака.

– Может, в подкидного перекинемся? – предложил он.

– Можно, – согласился я.

Тут же, сунув руку под журнальный столик, хозяин дома извлек оттуда дежурную колоду карт и, видимо, желая удивить меня и дочь, попытался перетасовать карты посредством профессиональной врезки.

Получилось не очень. Карты вошли не одна в одну, как того требовалось, а одна в три, что повлекло за собой замятие краев и вместо красивого в таких случаях шелестящего звука «тр-р-р-р-р-р», прозвучало короткое и ущербное «трр».

– А ведь я раньше по молодости неплохо играл, – не обращая внимание на технические огрехи, сам себя похвалил знаменитый тренер.

– Папа скромничает, – вступилась дочь, – он и сейчас лучше всех играет, когда они с друзьями собираются!

– Да ладно тебе, – парировал отец. – В преферанс, если только иногда...

– Ты-то как в преферанс? – обращаясь ко мне, поинтересовался он. – Играешь?

– Игра советских интеллигентов, – со знанием дела в точности повторил я слова старшего брата.

– Почему? – с улыбкой спросил отец подруги.

– Так знающие люди говорят, – честно ответил я.

– Интересно! – откровенно удивился бывалый игрок. – Я раньше никогда не слышал такого определения.

Пока шел наш диалог, хозяин дома продолжал врезать карты прежним манером, чем наносил колоде непоправимый ущерб. С силой впихивая одну часть колоды в другую, он мял карты, загибая при этом края.

– Можно попробую? – в попытке исправить ситуацию предложил я.

– Попробуй! – дал мне шанс отец подруги.

Я взял карты в левую руку и, ударив пальцем правой руки по уголку колоды, разделил ее таким образом на две равные части.

– Ваша первая ошибка, – крутанув карты, начал комментировать я, – у вас не получается разделить колоду пополам. Вот так.

Замерев на секунду, я показал мужчине две совершенно равные половинки одной колоды.

– В каждой части должно быть одинаковое количество карт, – произнес я.

– Вторая ошибка, – продолжил я, – половинки колоды надо заводить под небольшим углом. Давить при этом не надо, они сами проваливаются друг в друга, если угол соблюден.

Говоря все это, я с легкостью вставил одну часть колоды в другую.

– Вот и все! – произнес я, завершая врезку.

Карты, как по команде, сложились в одну стопку, при этом красивый шелестящий звук «тр-р-р-р-р-р» продлился максимально долго.

– Однако! – подмигнув дочери, указал на меня отец.

– А ты думал! – ответно подыграла она ему.

– Еще что-то умеешь? – пристально посмотрев на меня, спросил глава семейства.

– Ну что-то умею, – довольный сам собою, продолжил я.

Далее вместо меня говорили уже мои руки. Я крутил карты в ладонях, перекидывая их слева направо и наоборот, я исполнял вольты, трещетки, боковые врезки, начес и что-то еще, что сейчас уже и не знаю, как назвать.

В завершение показательного выступления я продемонстрировал фокус с тремя тузами, предлагая отгадать, где находится выбранная карта.

После ряда безуспешных попыток мужчина сначала хохотал от души, чем вызвал у меня с подругой ответную реакцию, а потом замолчал, задумался и с какой-то грустью и тоской внимательно посмотрел на меня.

Тем временем дочь убежала на кухню помогать по хозяйству маме.

Оставшись наедине, глава семейства встал с кресла, плотно прикрыл дверь в залу и, сев напротив меня, начал свой разговор:

– Сынок! Разреши, я буду так тебя называть? – глядя мне в глаза, вкрадчиво проговорил отец подруги.

– Хорошо, – потерявший родного отца в шесть лет, согласился я.

– Сынок, – снова повторил отец. – Я ведь вижу, у вас с моей дочерью все серьезно. Ведь так?

Говоря слово «дочь», мне показалось, что скупая отцовская слеза показалась и пропала в одном из его глаз.

Кивнув головой, я согласился:

– Да, серьезно.

– В связи с этим хочу спросить тебя, – сделав максимально сосредоточенное лицо, произнес глава семьи. – У тебя же скоро армия. Что ты думаешь делать?

– Тренер сказал, что наша боксерская спорт рота в Челябинске, вот туда меня и отправят, – дежурно ответил я.

– Так я и думал, – скороговоркой проговорил отец подруги, после чего задумался, настроился на серьезный лад и продолжил. – Я видел, как ты боксируешь... Ты молодец! Настоящий нокаутер! Поверь мне, я в этом кое-что понимаю!

С последними словами тренер несколько раз кивнул головой, от чего сложилось впечатление, что он заслуженный не только по игровому виду спорта, но и по боксу тоже.

– Но скажи мне честно, – сквозь прищур посмотрев на меня, спросил собеседник, – не устал ли ты заниматься боксом? Нет ли у тебя каких-то травм, из-за которых ты хотел бы завязать со спортом?

Бинго! В десятку!

Услышав про травмы, я вспомнил про ауру и завис. Назвать недуг, значило бы выдать себя. Но я к этому был не готов, даже если напротив меня сидел отец потенциальной невесты. Между тем сомнения проявились на моем лице, и укрыться от взгляда бывалого человека они не могли.

– Если хочешь, могу сделать тебе особую спортроту, – деловито развалившись в кресле, продолжил глава семейства, – в Перми перевалочная база для наших спортсменов, поедешь туда. Неделя в армии, присяга, а потом лети белым лебедем,

хочешь домой, а хочешь, служи там, в пермском спортзале, и тренируйся в свое удовольствие.

Предложение выглядело сверхзаманчивым. Боксировать по-настоящему я уже не мог. Аура, возникающая даже после незначительных пропущенных ударов, искажала мое зрение настолько, что мне уже порядком все надоело. Плюс понимание того, что и вовсе можно остаться без зрения, давно сидело в моей голове.

– Тогда, получается, я больше могу не ходить на бокс? – осторожно спросил я своего благодетеля.

– Тебе решать! – справедливо, ответил он.

Затем прищурившись, он в подтверждение важности своих слов поднял указательный палец и произнес:

– Одно скажу, ты мне как сын, и обмануть тебя я не смогу...

ЭПИЛОГ

Ну что, дорогие мои, история про бокс закончилась. Дальше началась история про жизнь. Было ли в этой жизни место для бокса, спросите вы меня? Конечно! И было и есть и будет.

Бокс – это и есть моя жизнь. Жизнь всех тех, кто когда-то в своей жизни надел боксерские перчатки и, услышав магические слова «на ринг вызывается», вышел в белый квадрат, обтянутый канатами.

Вышел для того, чтобы доказать самому себе и другим, что страх управляется волей и характером человека, которые, в свою очередь, шаг за шагом ковали наши тренеры.

С первого дня прихода в бокс они давали нам самые простые задания, постепенно усложняя их до тех пор, пока мы не становились настоящими бойцами.

Не каждый смог пройти этот путь до конца, добившись высоких званий и громких побед, но в этом и есть главная красота мироздания. Все мы разные. То, что дано одному человеку, не дано другому и то, что может сделать один, никогда не сделает другой.

Каждый человек – отдельная вселенная, целый мир, который никогда и ни в ком не повторится.

И тем ценнее становится то, что разные люди, собираясь в одном месте и занимаясь одним делом, выясняют, кто из них лучший. Притом сам результат в данном случае не имеет решающего значения.

Значение имеет то, каким становится человек в результате своего движения к намеченной цели. Какие качества приобретает он на этом пути. Станет подонком и негодяем, получающим удовольствие от причинения боли, или благородным человеком, способным понять страдание других и прийти на помощь нуждающемуся.

И всему самому лучшему учил нас советский бокс. Именно советский, потому что, кто бы как ни относился к советской власти, а ведь именно при ней дети могли заниматься любым видом спорта бесплатно. Не вытаскивая из карманов работяг-родителей последние гроши, а просто приходя в зал и сказав простые слова: «Я хочу записаться в секцию...»

Хорошие боксеры, как и любые спортсмены, вырастают в простых семьях. Желание стать человеком, занять лучшее, чем у родителей, место в жизни, двигало пацанов из неблагополучных семей в бокс. И там, в этих пропахших потом небольших залах-лабораториях, их встречали профессора бокса: Засухины, Добрушины, Грибняки, Ивкины, Городничевы...

Ребенку нужно было только захотеть и переступить порог боксерской секции, а там уже настоящие мастера своего дела – ПЕДАГОГИ! – превращали вчерашних мальчишек в мужчин.

Это ли не главная задача государства – воспитание достойных и боеготовых граждан страны. Тем более сегодня...

Представляете, сколько звезд спорта, чемпионов и просто достойных людей недосчиталась бы наша страна, если, придя в секцию в детстве, они слышали: «Купите абонемент!»

На сегодня же в Екатеринбурге осталась одна бесплатная школа – «Малахитовый гонг»! И это в Свердловске! В Мекке советского бокса!

Те секции, где когда-то в юности занимался я, были поглощены спортивной гимнастикой. Сейчас в тех залах, где стоял ринг, – хореография и качалка. Ничего не имею против других видов спорта, но очень не хочется, чтобы одно развивалось за счет другого.

Многие зададутся вопросом: почему я написал эту книгу? Попытаюсь ответить.

Ну, во-первых, хотелось рассказать о том, о чем я до сих пор молчал...

Сказать, что армия, в которую я все-таки попал, в итоге оказалась для меня благом, и я искренне благодарен человеку, выписавшему мне этот неожиданный билет...

Во-вторых, я хочу сказать огромное спасибо всем своим тренерам, кто делал из меня спортсмена и человека. Очень хочу, чтобы имена их не просто были вписаны в анналы свердловского бокса, повторяющие сухую статистику, а заиграли радостью и переживаниями тех историй, которые я попытался вспомнить и рассказать вам.

Ну и, в-третьих, пусть все ребята, которые когда-то в жизни хотя бы один раз, надели боксерские перчатки и вышли на ринг, знают, что они герои и совершили подвиг.

А герои не умирают, если подвиг их записан участником боев.

День праздника Преображения Господня.

Amilla Fushi Resort. Мальдивы.

19.08.2022.

Боксеры ДЮСШ «Юность» (1983–1984)

Боря Галимов
Миша Девятов
Алик Валиев
Братья Гоноховы
Слава Бабушкин
Женя Савелков
Сергея Титов
Гера Чернов
Леха Шатохин
Вадик Куликов
Саша Городецкий
Саша Запорожин
Дима Толстоган
Андрей Попов
Миша Протас
Виталик Иванов
Заяц
Сергея Черепанов
Дима Ориничев
Толик Казьяков

Толик Богданов
Женя Куклин
Левка Исянов
Саня Хазимуратов
Игорь Капуста
Салават Зигангиров
Леша Пешков
Слава Бабушкин
Игорь Гершевич
Андрей Авдеев
Володя Боков
Олег Падерин
Армен Татасян
Илья Зельдович
Слава Медведев
Петр Меленин
Стас Петухов
Илья Кулыгин
Олег Бердышев
Саня Трунтаев

Тренеры: Одинцов Анатолий Юрьевич, Городничев Владимир Михайлович

Боксеры «ДСО «Спартак» «Малахитовый гонг» (1983–1988)

Алик Зинатулин
Марик Ерофеев
Олег Миронов
Костя Ерофеев
Гера Титов
Сергей Карташов
Павел Филимонов
Саня Юдин

Андрей Башкирцев
Артур Мусаэлян
Саня Хазимуратов
Астафьев Андрей
Новик Дмитрий
Коротаев Дмитрий
Антипов Андрей
Алексеев Дмитрий

Банников Игорь
Игорь Ермаков
Вячеслав Газизов
Виктор Николаев
Андрей Красильников
Олег Михеев

Андрей Нечипко
Евгений Заровняев
Олег Сотников
Валерий Вишняков
Вячеслав Чудиновский
Игорь Бурцев

Тренера: Борис Сергеевич Конкин, Сергей Павлович Панов,
Борис Юрьевич Яковлев, Сергей Александрович Манин

Боксеры ДСО «Локомотив» (1984–1988)

Алексей Прячничников
Алексей Антипин
Виктор Лукин
Виктор Казанцев
Игорь Тариков
Виталик Владимиров
Коля Дихтяр
Володя Суетов
Игорь Сыроваткин
Вова Ольшевских
Сергеа Бобров
Вова Топорков
Сергей Пасечник
Вова Батуев
Андрей Привалов
Виктор Сатаров
Сергей Матвеев
Виктор Кожнев
Егоров
Сергей Макарихин
Виктор Киселев
Валера Пеленев
Вася Волков
Иван Соколкин

Иван Юшаков
Чингиз Халзанов
Олег Тисленко
Юра Халеев
Игорь Алексеев
Сергеа Александров
Виталя Богданов
Олег Лаптев
Андрей Шевалдин
Александр Соколов
Дмитрий Яковец
Володя Коноплев
Женя Заровняев
Сергеа Привалов
Гарик Зоткин
Сергеа Лесков
Радик Карымов
Денис Анваров
Валера Калугин
Дима Калугин
Юра Калугин
Тарас (Чуватин Валера)
Миша Потапов
Макс Корняков

Дима Утробин
Стас Рябин
Дима Печенкин
Федя Купин
Сергеа Базаев
Саня Нагорняк

Женя Малахов
Роман Пестов
Леша Оленьков
Сергеа Щепин
Саня Трунтаев

Тренеры: Грибняк Виталий Васильевич, Добрушин Леонид Яковлевич, Белоусов Виктор Михайлович

Сборная области, Юноши (1986)

Олег Бреус
Саня Игнатъев
Олег Миронов
Слава Юсупов
Андрей Осалихин
Арсен Галустян

Левка Исянов
Саня Трунтаев
Юра Козловский
Эдик Бабанов
Андрей Башкирцев

Тренеры: Ивкин Николай Иванович, Коновалов Михаил

Тренер и ученик

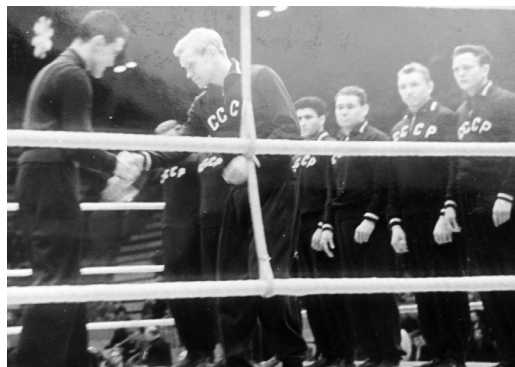
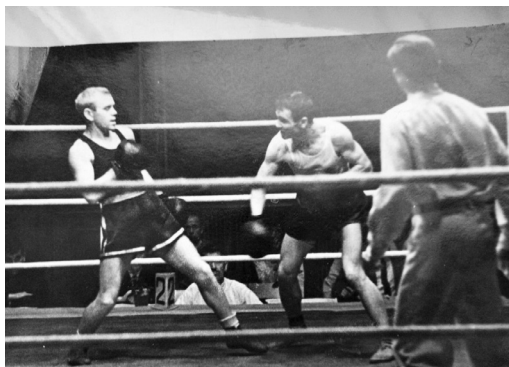
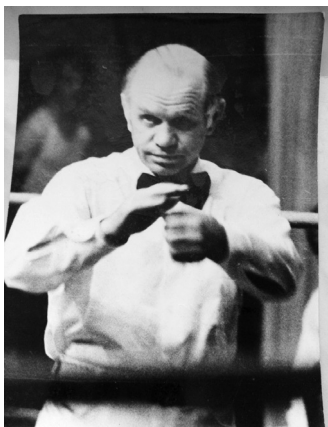

Слева «Первая перчатка» страны, чемпион первого чемпионата СССР 1926 г.
Основатель Свердловского бокса, заслуженный тренер СССР
Вяжлинский Лев Михайлович. Тренер братьев Засухиных, Грибняка,
Беляева и многих других мастеров бокса, ставших впоследствии тренерами. Справа
его ученик, заслуженный тренер России **Грибняк Виталий Васильевич**

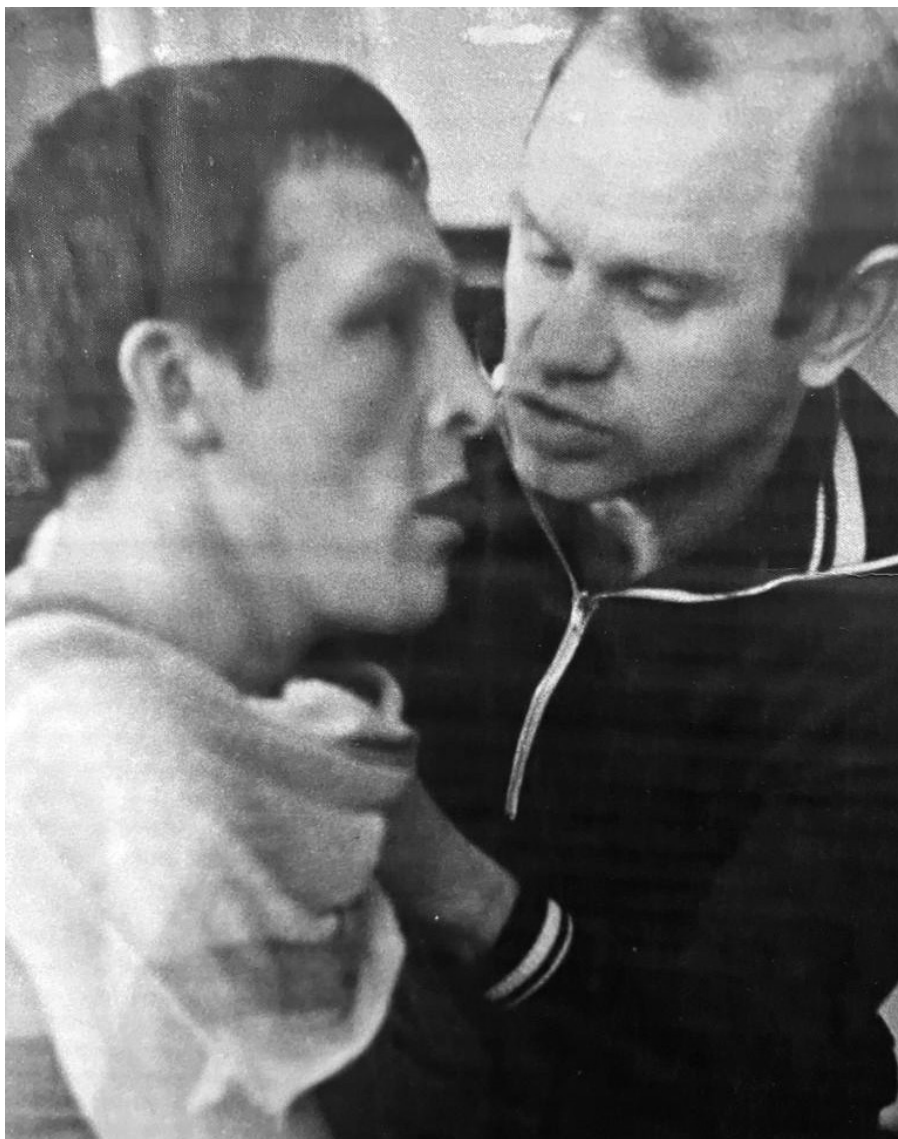

Чемпионы Урала 1949 г. Слева направо:
М. Гранат, А. Засухин, В. Беляев, В. Вырышев, В. Грибняк

Джентльмен бокса, боксер, рефери, тренер
Засухин Алексей Федосеевич

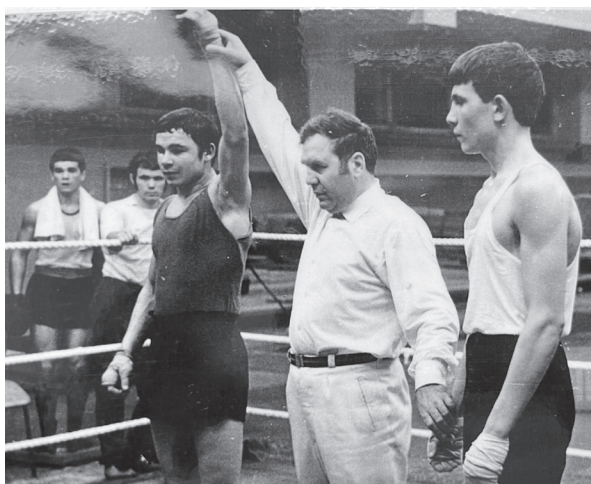
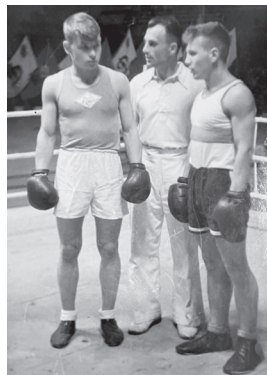
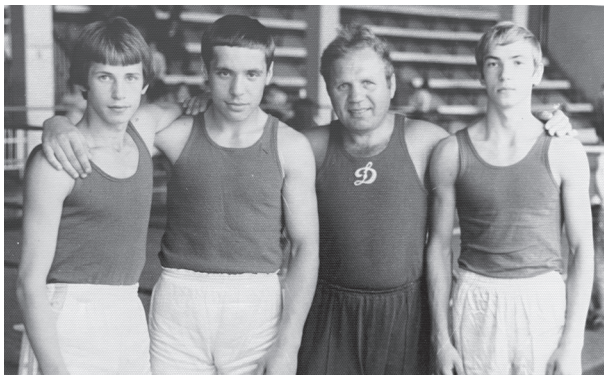

Преимственность

Засухин А. Ф. секундирует своего ученика, будущего тренера Бориса Яковлева.
Чемпионат СССР. Свердловск. 1976 г.

Заслуженный тренер РСФСР
Грибняк Виталий Васильевич

● БОКС

РЕЗЕРВЫ РИНГА

В Качканаре прошло личное первенство области по боксу среди юношей. Это были смотры наших резервов ринга.

Победителем в полудежном весе стал воспитанник ДЮСШ спорткомбината «Юность» О. Меньшиков, выступавший за «Трудовые резервы». Он показал лучшую технику и тактику ведения боя. В полусредней весовой категории от-

личился другой наш земляк — Ю. Борисов («Калининец»). Не нашлось достойных соперников в полутяжелом весе призеру чемпионата страны среди юношей А. Колобову («Юность») и тяжеловесу О. Лысенко («Трудовые резервы»).

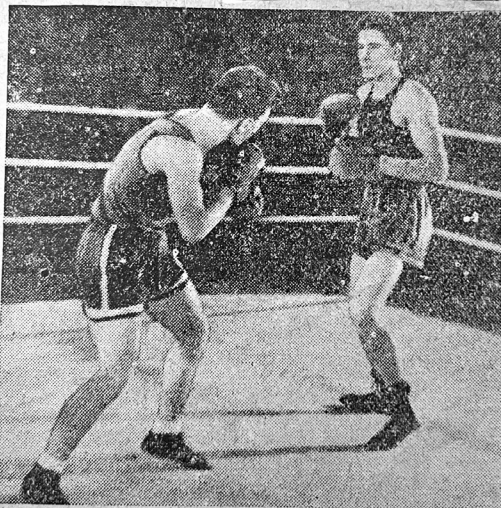
В. ГРИБНЯК,
председатель городской
Федерации бокса.

«ОТКРЫТЫЙ РИНГ»

Интересно прошли последние соревнования «Открытого ринга» в свердловском клубе имени Ф. Э. Дзержинского. На ринге встретились 16 пар молодых боксеров. Большинство их показало хорошую подготовку. Победителями вышли В. Чайкин («Трудовые резервы»), И. Ардашенов, В. Сухов, В. Гологудин («Динамо»), Г. Симаков, В. Сизов («Наука») и другие.

Ряд победителей является учащимися спортивной школы молодежи.

Эти соревнования явились генеральной репетицией перед состязаниями на первенство города по боксу, которое начнется в мае.

НА СНИМКЕ: встреча на ринге свердловчанина-динамовца Виталия Грибняка (слева) с Геннадием Корневым (гор. Молотов). В этом бою Виталий Грибняк завоевал первый разряд. Снимок Л. Вязлинского.

● БОКС

НАГРАДЫ — ЮНЫМ!

Три дня на ринге спорткомбината «Юность» 97 юных боксеров Свердловска и Каменска-Уральского оспаривали чемпионские звания в двенадцати весовых категориях.

С первых же боев на ринге завязалась интересная беспроигрышная борьба за победу, свойственная молодым, ведь закон соревнований неумолим — проигравший выбывает из дальнейшей борьбы за награды.

Физическая и тактико-техническая подготовка юных боксеров была на высоком уровне и наглядно показала серьезное отношение свердловских тренеров к подготовке молодой смены.

На фоне равного состава участников заметно выделались девятиклассник школы № 65 победитель первенства РСФСР среди младших юношей воспитанник «Трудовых резервов» (тренер В. Грибняк) О. Меньшиков и призер первенства СССР среди старших юношей воспитанник спорткомбината «Юность» (тренер Г. Ковалев) А. Колобов.

Заслуживают похвалы выступления юных боксеров из Каменска-Уральского, которых тренирует С. Селезнев. Из пяти его воспитанников, принимавших участие в первенстве, трое стали бронзовыми призерами, а С. Егоров, показав хорошую технику, стал победителем в весовой категории до 74 кг.

С. БЕЛОГОЛОВЫЙ,
судья республиканской
категории.

XXV
1923 1948

СССР

Грамота

Центрального Совета
Всесоюзного физкультурно-спортивного
общества
"Динамо"

Тов. Г Р И Б Н Я К, В. В.

в связи с 25-летием
Общества "ДИНАМО" за активное
участие в спортивной жизни
Общества награждается Юбилейным
значком за № 2861.

Слово ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА "ДИНАМО"
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
(БЛИНОВ)

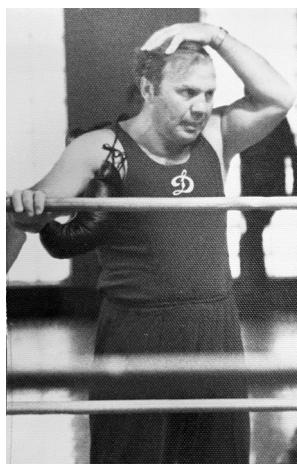
декабря 1948г.

№ 3642

Сборная Свердловской области – призеры кубка РСФСР. 1981 г.

Воспитанники В. В. Грибняка

Заслуженный тренер России, тренер сборной (2016–2017), МСМК Олег Меньшиков

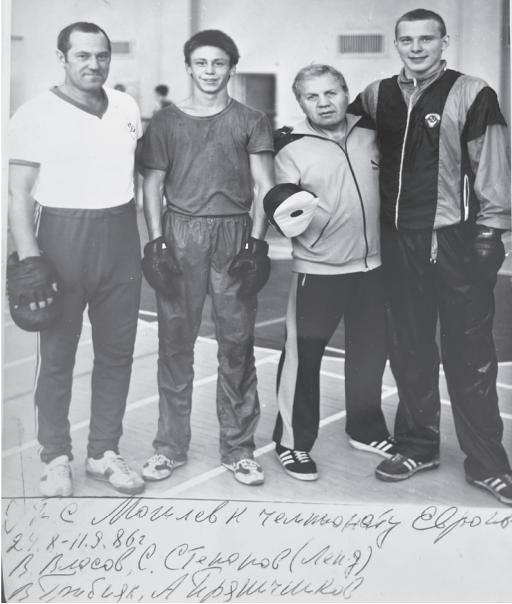

Мастер спорта СССР
Леонид Денисов

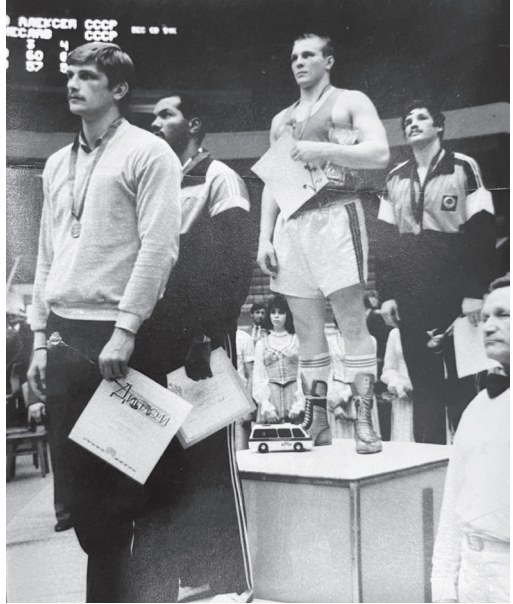

Мастер спорта СССР
Владимир Городничев

Чемпион мира и Европы среди юниоров МСМК Алексей Пряничников со своим тренером В. В. Грибняком

Слева направо: тренер В. В. Грибняк, чемпион мира и Европы среди юниоров МСМК Алексей Пряничников, тренер В. В. Грибняк, чемпион мира и Европы среди юниоров МСМК Алексей Пряничников.

СПОРТИВНЫЙ ВЫПУСК «УРАЛЬСКОГО РАБОЧЕГО»
24 СЕНТЯБРЯ 1985 г.

● РАСКАЗЫ О СПОРТСМЕНАХ

НА РИНГЕ ЧЕМПИОН

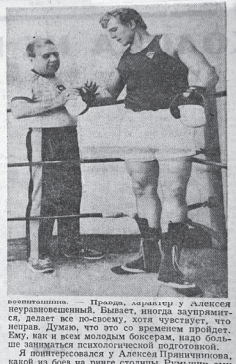
Имя молодого свердловского боксера Алексея Пряничникова на страницах газет. Оно за последние несколько месяцев появилось в изданиях областного и городского масштаба. Это не случайно. Пряничников, воспитанник Свердловского государственного высшего училища олимпийского резерва, стал чемпионом МСМК в весовой категории до 67,5 кг. В этом году он завоевал золотые медали на чемпионате СССР в Свердловске и на чемпионате Европы в Будапеште.

К ПРЯНИЧНИКОВУ ВЛАДИСЛАВУ ГРИБНЯКУ, тренеру боксеров «Локомотива», приходится входить в жизнь чемпиона. Он знает, как тренировать этого юниора. Но в жизни боксера не все так просто. Просто в спортивной среде, куда он пришел учиться, тренеры не особенно обращали на него внимание. В секцию призвали Алексея и привели на занятия человека высокого роста и, как казалось наставнику, не очень сильной фигуры.

Грибняк, человек мягкий, тактичный и в то же время требовательный, как-то сразу пришелся новичку по душе. Ну а учиться у Владислава Владиславовича было не только дело чести, но и делом совести. Ведь в последние годы его тренировал обладатель Золотой Вехи Владимир Иванович Шенников, Владимир Иванович. Нередко в ту пору Грибняк тренировался рядом с таким мастером ринга, как А. Сасукия и В. Беленький.

Обычный Востаник увидел в Алексее боксера еще до того, как тот впервые надел перчатки. Растягивая с широкой грудью, развитыми плечами и короткими уже тогда большими ногами, он был, по мнению Грибняка, просто создан для этого вида спорта.

Но думать, правда, Владислав Владимирович, что к нему пришла избранная судьба, в будущем будет выступать в самом грозном высшем дивизионе. Но уже тогда Владислав Грибняк стало ясно, что Алексей, как и Владимир Шенников, растет не по дням, а по часам. Через год он уже «вымазал» за 180 минут в весах свой путь под 100 килограммов. Грибняк чужд...

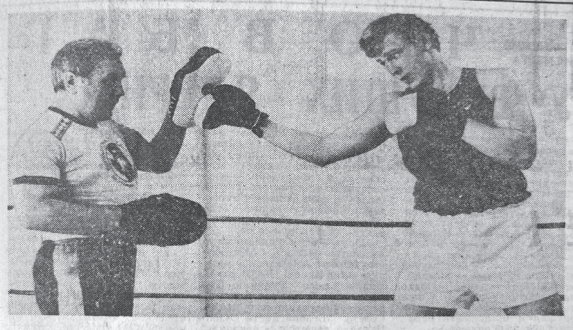
11 сентября 1985 года

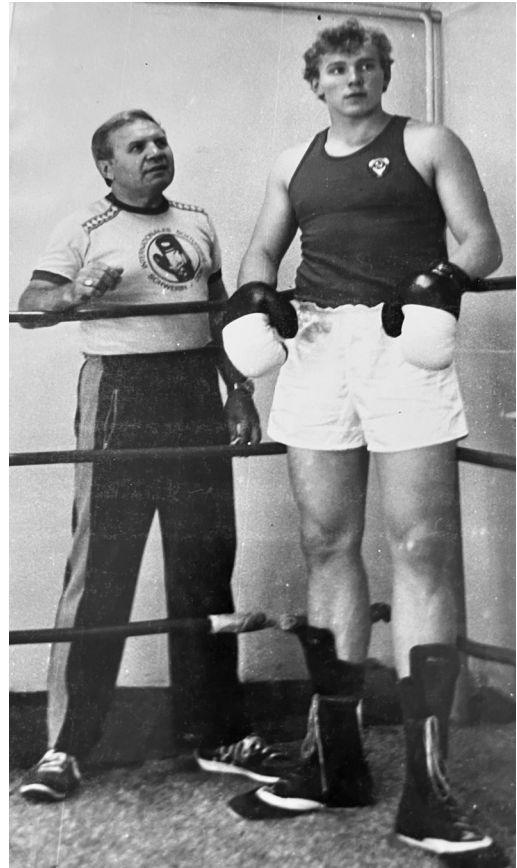
ВЕЧЕРНИЙ СВЕРДЛОВСК

Как мы сообщали, свердловский боксер Алексей Пряничников, представитель спортивного «Локомотива», стал чемпионом мира среди юниоров.

На снимке: А. ПРЯНИЧНИКОВ с тренером В. ГРИБНЯКОМ.

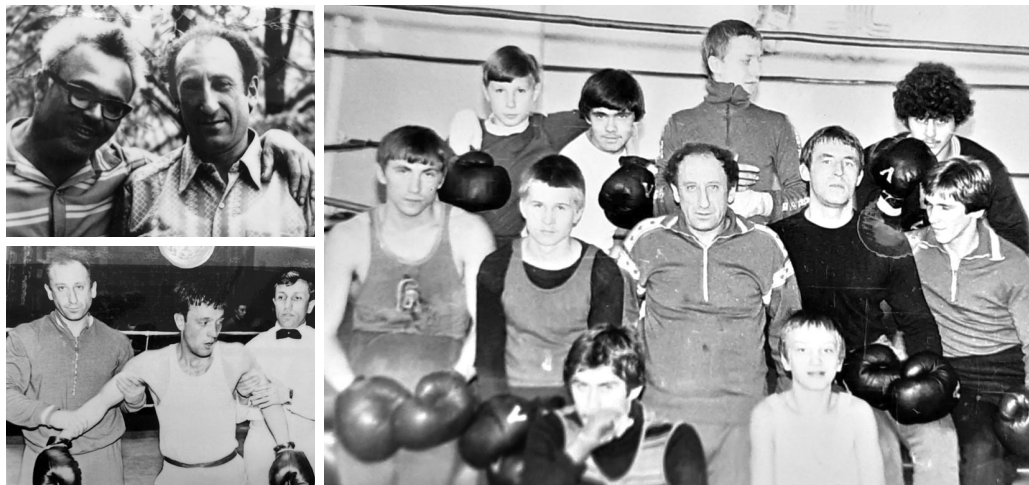
Фото В. Долганина.

С МЕЖДУНАРОДНЫМ
ТУРНИРОМ ВО БОРЬБУ
ПРОСЛЕДИТЕЛЬНО
ПЕРИОДИЧЕСКИ
4-12 июля 1988 г.
Москва
«Спартак»

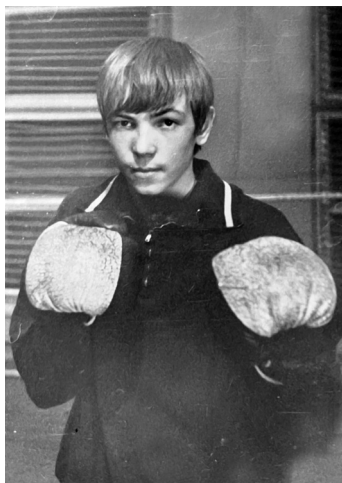
Заслуженный тренер РСФСР
Добрушин Леонид Яковлевич

На тренировке, 1982 г. Крайний слева – С. Макарихин

Мастер спорта СССР,
трехкратный чемпион ВЦСПС СССР
Городничев Владимир Михайлович

Юношеская сборная области образца 1986 г.

Лев Исянов. Спецназ ВДВ.
Западная Украина. 1989 г.

Арсен Галустян и Костя Цю.
Лагерь «Прометей». Серов. 1987 г.

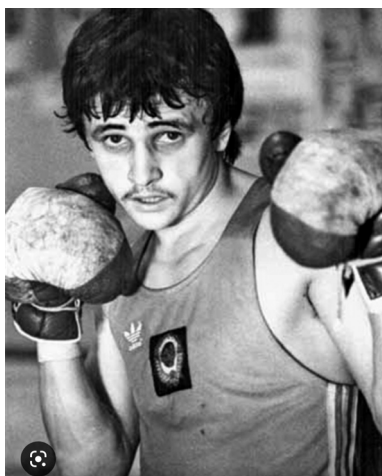

МСМК и кавалер ордена Мужества
Андрей Башкирцев. Разведвзвод,
аэропорт Северный, г. Грозный 1996 г.

Александр Трунтаев.
Армия, северная «точка». 1989 г.

Заслуженный тренер Советского Союза
Ивкин Николай Иванович

Великие тренеры. Слева направо:
заслуженный тренер СССР В. Ц. Черня,
заслуженный тренер СССР Н. И. Ивкин,
заслуженный тренер РСФСР В. В. Грибняк

Чемпион Олимпиады-80
в Москве Шамиль Сабилов.
Воспитанник Н. И. Ивкина

Боксеры ДЮСШ 14 «Юность»

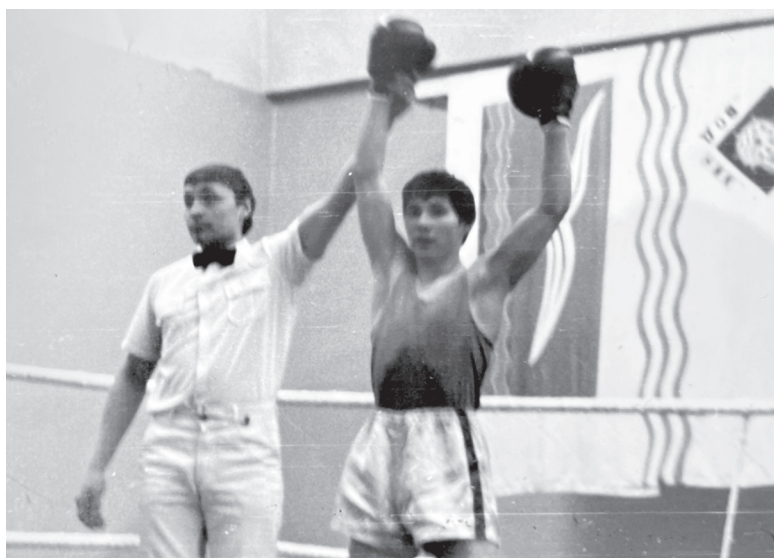
Леха Шатохин и Гера Чернов

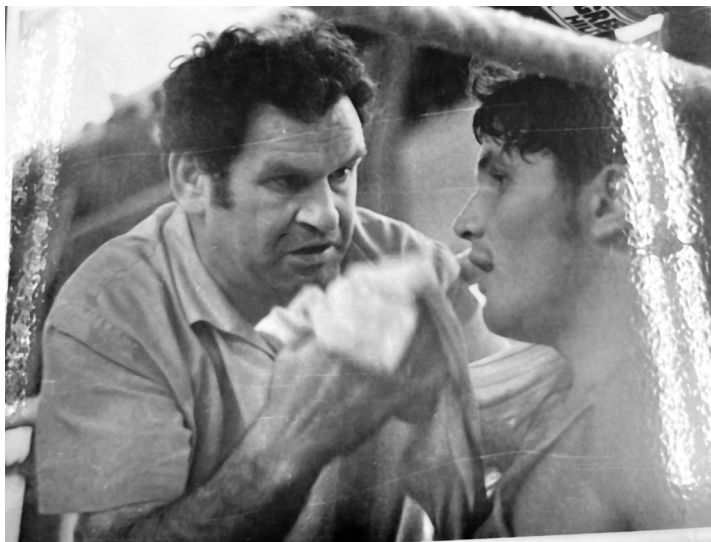
Соревнования
в «Юности» 1987 г.

Андрей Авдеев
с друзьями-боксерами

Салават Зигангиров

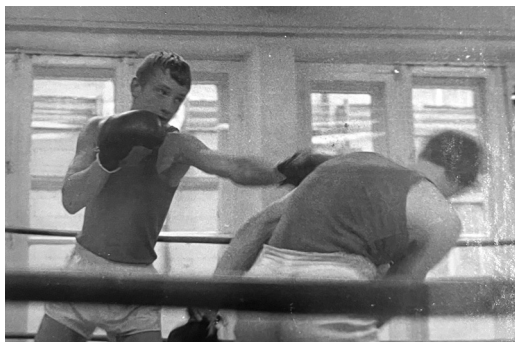

Тренер Попырин Владимир Кириллович

Павел Филимонов. 1-я Универсиада Латвии. Сборная РКИИГА. 1991 г.

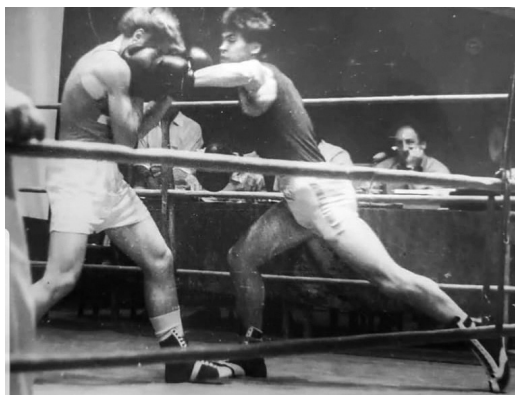
Боксеры ДСО «Локомотив»

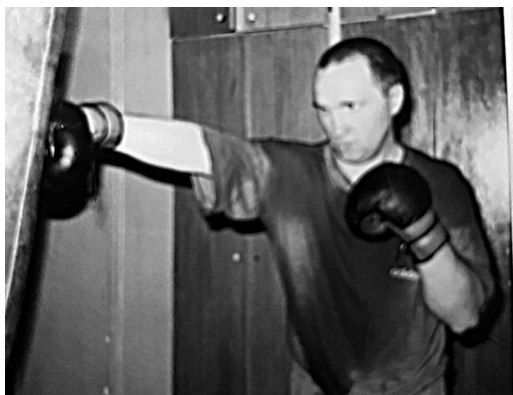
Юра Халеев

Пермь. Команда свердловского «Локомотива». 1-е место в командном зачете

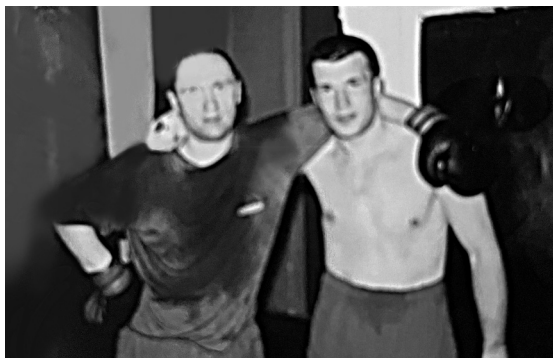
Виктор Киселев (справа). Бой с чемпионом СССР Косолаповым

Иван Юшаков

Алексей Антипин на ринге

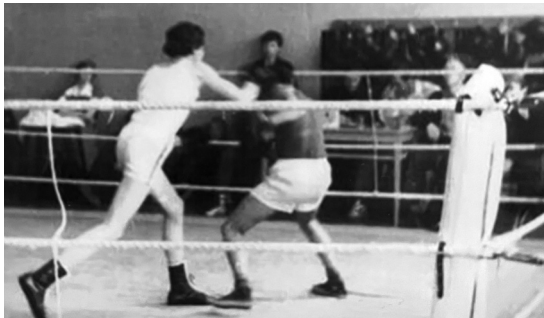

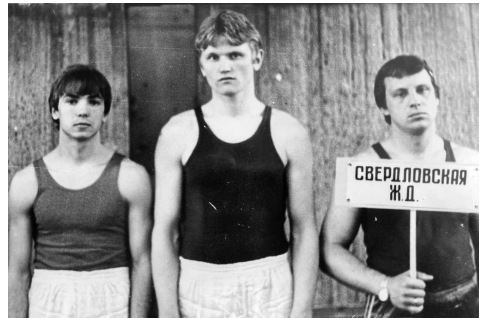
Виктор Лукин и Алексей Антипин

Валера Пеленев

Соревнования в «Малахитовом гонге»

Сборная Свердловской железной дороги. ЦС «Локомотив» г. Жданов. 1980 г. Слева направо: В. Городничев, В. Волков, В. Казанцев

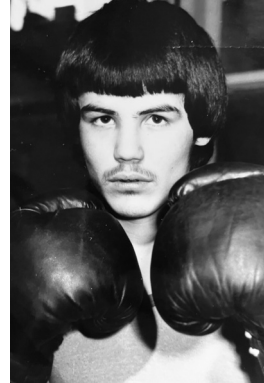
Сергей Шайхутдинов

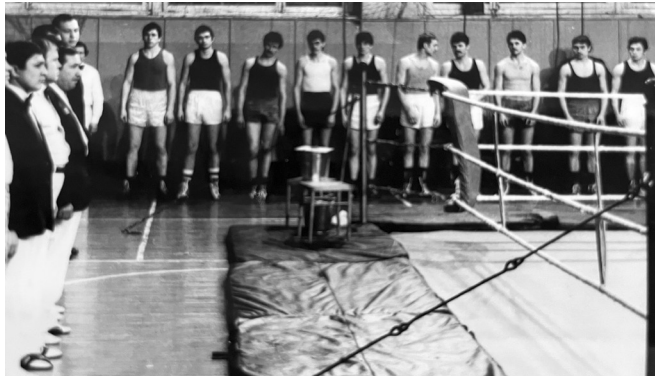
Сергей Пасечник

Игорь Стариков

Сергей Шайхутдинов

Иван Юшаков, Виталий Владимиров,
Сергей Нохрин

Ветераны ДСО «Локомотив».
Наши дни

Литературно-художественное издание

Олегов Александр Васильевич

БЕЛЫЙ КВАДРАТ

Повесть

Редактор и корректор Е. Е. Крамаревская
Компьютерная верстка А. Ю. Матвеев

Подписано в печать 21.02.2022. Формат 70×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Georgia».
Уч. изд. л. 10,46. Усл. печ. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ № 9.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru